

Учреждение образования
«Барановичский государственный университет»

Вестник БарГУ

Ежеквартальный научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 г.

Выпуск 4, декабрь, 2016.

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования «Барановичский государственный университет».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор журнала Кочурко Василий Иванович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического образования, академик Международной академии наук педагогического образования, академик Академии экономических наук Украины, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, ректор учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Заместитель главного редактора журнала Никишова Алла Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор серии

Познякевич Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой бухгалтерского учёта, анализа, аудита и статистики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Ответственный секретарь серии

Кременевская Виктория Николаевна, преподаватель кафедры теоретической и прикладной экономики факультета экономики и права учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Редактор текстов на английском языке

Манкевич Жанна Борисовна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Андріяшко Марина Васильевна (*ответственный за направление «Юридические науки»*), кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления и уголовно-правовых дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Демидович Анатолий Викторович (*ответственный за направление «Исторические науки и археология»*), кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Климук Владимир Владимирович (*ответственный за направление «Экономические науки»*), кандидат экономических наук, начальник учебно-методического отдела учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Безуглая Виктория Александровна, кандидат экономических наук, доцент, декан факультета экономики и права учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Василевич Григорий Алексеевич, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Вишневикий Алексей Фёдорович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (Минск, Республика Беларусь).

Гурский Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики частного учреждения образования «БИП — Институт правоведения» (Минск, Республика Беларусь).

Демичев Дмитрий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Житкевич Галина Яковлевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учёта, анализа, аудита и статистики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Захарченко Людмила Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Карев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры финансов и бухгалтерского учёта, директор Центра социально-экономических и междисциплинарных исследований диаспор и зарубежного белорусоведения учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Гродно, Республика Беларусь).

Касич Алла Александровна, доктор экономических наук, профессор Кременчугского национального университета имени М. Остроградского (Кременчуг, Украина).

Ключко Римма Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Гродно, Республика Беларусь).

Козлова Зоя Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Колядко Иван Николаевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Куган Светлана Фёдоровна, кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана экономического факультета учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Кузьменко Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром истории постиндустриального общества Государственного научного учреждения «Институт истории Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь).

Литвинский Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Лосев Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (Минск, Республика Беларусь).

Лютый Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (Минск, Республика Беларусь).

Манкевич Ирина Петровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Матвеев Ярослав Николаевич, кандидат юридических наук, уполномоченный ректора Университета в Белостоке по делам сотрудничества с университетами Восточной Европы (Белосток, Польша).

Медведева Гульнара Борангалиевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Момот Татьяна Валерьевна, доктор экономических наук, профессор Харьковской национальной академии городского хозяйства (Харьков, Украина).

Нечухрин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, коммуникации и туризма, профессор кафедры всеобщей истории учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Гродно, Республика Беларусь).

Омельянюк Александр Михайлович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Острогляд Александр Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, проректор по научной работе частного высшего учебного заведения «Ивано-Франковский университет права имени Короля Даниила Галицкого» (Ивано-Франковск, Украина).

Солодовников Сергей Юрьевич, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь).

Скоморовский Виталий Богданович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права частного высшего учебного заведения «Ивано-Франковский университет права имени Короля Даниила Галицкого» (Ивано-Франковск, Украина).

Сулайманова Назгуль Назарбековна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский университет» (Бишкек, Кыргызская Республика).

Сыдыкова Лейла Чынтургановна, доктор юридических наук, профессор, проректор по международной деятельности Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский университет» (Бишкек, Кыргызская Республика).

Таранова Татьяна Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Функ Ян Иосифович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Черняк Юрий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Шалаев Владимир Павлович, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет» (Иошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация).

Шабанов Вячеслав Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский университет» (Бишкек, Кыргызская Республика).

Шевлюков Александр Петрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учёта и финансового менеджмента в отраслях народного хозяйства учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации» (Гомель, Республика Беларусь).

Юркевич Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Яковчик Николай Степанович, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Института повышения квалификации и переподготовки кадров АПК учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Адрес редакции:

ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.

Телефон: +375 (163) 45 46 28.

E-mail: vestnik@barsu.by

Подписные индексы: 00993 — для индивидуальных подписчиков; 009932 — для организаций.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации № 1533 от 30.07.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки» включён в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам и археологии, экономическим и юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ» включён в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), лицензионный договор № 06-01/2016.

Издатель: учреждение образования «Барановичский государственный университет».

Выходит на русском, белорусском и английском языках.

Журнал распространяется на территории Республики Беларусь.

Заведующий редакционно-издательским отделом Е. Г. Хохол

Технический редактор В. В. Кукреш, А. Ю. Сидоренко

Компьютерная вёрстка В. В. Кукреш, С. М. Глушак

Корректор С. А. Березнюк

Подписано в печать 19.12.2016. Формат 60 г 84 ¹/₈. Бумага ксероксная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19,10. Уч.-изд. л. 14,30. Тираж 75 экз. Заказ 2607.

Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: открытое акционерное общество «Красная звезда». Свидетельство о государственной ре-гистрации издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий № 2/7 от 28.10.2013.

Юридический адрес: пер. 1-й Загородный, 3, 220073 Минск.

Почтовый адрес: ул. Советская, 80, 225409 Барановичи.

© БарГУ, 2016

Установа адукацыі
«Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт»

Веснік БарДУ

Штоквартальны навукова-практычны часопіс

Выдаецца з сакавіка 2013 г. Выпуск 4, снежань, 2016. Серыя «Гістарычныя навукі і археалогія. Эканамічныя навукі. Юрыдычныя навукі»

Заснавальнік: установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт».

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар часопіса Качурка Васіль Іванавіч, доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар, акадэмік Беларускай інжынернай акадэміі, акадэмік Міжнароднай акадэміі тэхнічнай адукацыі, акадэмік Міжнароднай акадэміі навук педагагічнай адукацыі, акадэмік Акадэміі эканамічных навук Украіны, Заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь, рэктар установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Намеснік галоўнага рэдактара часопіса Нікішова Ала Васільеўна, кандыдат філалагічных навук, дацэнт, прарэктар па навуковай рабоце ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ СЕРЫІ

Галоўны рэдактар серыі

Пазнякевіч Вікторыя Мікалаеўна, кандыдат эканамічных навук, загадчык кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу, аўдыту і статыстыкі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Адказны сакратар серыі

Крамнеўская Вікторыя Мікалаеўна, выкладчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі факультэта эканомікі і права ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Рэдактар тэкстаў на англійскай мове

Манкевіч Жанна Барысаўна, кандыдат псіхалагічных навук, старшы выкладчык кафедры тэорыі і практыкі англійскай мовы ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Андрыяшка Марына Васільеўна (*адказны за напрамак «Юрыдычныя навукі»*), кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры дзяржаўнага кіравання і крымінальна-прававых дысцыплін установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Дземідовіч Анатоль Віктаравіч (*адказны за напрамак «Гістарычныя навукі і археалогія»*), кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Клімук Уладзімір Уладзіміравіч (*адказны за напрамак «Эканамічныя навукі»*), кандыдат эканамічных навук, начальнік навучальна-метадычнага аддзела ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Амельянюк Аляксандр Міхайлавіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканамічнай тэорыі ўстановы адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Астрагляд Аляксандр Васільевіч, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, прарэктар па навуковай рабоце прыватнай вышэйшай навучальнай установы «Івана-Франкоўскі ўніверсітэт права імя Караля Данііла Галіцкага» (Івана-Франкоўск, Украіна).

Бязуглая Вікторыя Аляксандраўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дэкан факультэта эканомікі і права ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Васілевіч Рыгор Аляксеевіч, Заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры канстытуцыйнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Вішнеўскі Аляксей Фёдаравіч, доктар гістарычных навук, прафесар установы адукацыі «Акадэмія Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Гурскі Васіль Леанідавіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканомікі прыватнай устано-
вы адукацыі «БІП — Інстытут правазнаўства» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Дземічаў Дзмітрый Міхайлавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі права
ўстанова адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Жыткевіч Галіна Якаўлеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры бухгалтарскага ўліку, аналі-
зу, аўдыту і статыстыкі ўстанова адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Захарчанка Людміла Анатольеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі
ўстанова адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Казлова Зоя Мікалаеўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дыс-
цыплін устано адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Калядка Іван Мікалаевіч, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры грамадзянскага працэсу
і працоўнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Караў Дзмітрый Уладзіміравіч, доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры фінансаў і бухгал-
тарскага ўліку, дырэктар Цэнтра сацыяльна-эканамічных і міждысцыплінарных даследаванняў дзяспар
і замежнага беларускага ўстанова адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы» (Гродна,
Рэспубліка Беларусь).

Касіч Ала Аляксандраўна, доктар эканамічных навук, прафесар Крамянчугскага нацыянальнага ўніверсітэ-
та імя М. Астраградскага (Крамянчуг, Украіна).

Ключко Рыма Мікалаеўна, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крымінальнага права і кры-
міналогіі ўстанова адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы» (Гродна, Рэспубліка Беларусь).

Куган Святлана Фёдораўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, намеснік дэкана эканамічнага факультэта
ўстанова адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Кузьменка Уладзімір Іванавіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык Цэнтра гісторыі постіндустры-
яльнага грамадства Дзяржаўнай навуковай устано «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»
(Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Літвінскі Аляксандр Уладзіміравіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных
дысцыплін устано адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Лосеў Уладзімір Уладзіміравіч, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, намеснік дырэктара Дзяржаўнай уста-
новы «Навукова-практычны цэнтр праблем умацавання законнасці і правапарадку Генеральнай пракуратуры
Рэспублікі Беларусь» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Люты Анатоль Міхайлавіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі ўста-
новы адукацыі «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Манкевіч Ірына Пятроўна, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры грамадзянска-прававых
дысцыплін устано адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Матвэюк Яраслаў Мікалаевіч, кандыдат юрыдычных навук, упаўнаважаны рэктара Універсітэта ў Беластоку
па справах супрацоўніцтва з універсітэтамі Усходняй Еўропы (Беласток, Польшча).

Мядзведзева Гульнара Барангаліеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканамічнай
тэорыі ўстанова адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Момат Таццяна Валер'еўна, доктар эканамічных навук, прафесар Харкаўскай нацыянальнай акадэміі гарад-
скай гаспадаркі (Харкаў, Украіна).

Нячухрын Аляксандр Мікалаевіч, доктар гістарычных навук, прафесар, дэкан факультэта гісторыі, камуніка-
цыі і турызму, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі ўстанова адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя
Янкі Купалы» (Гродна, Рэспубліка Беларусь).

Салатоўнікаў Сяргей Юр'евіч, доктар эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканомікі і права Бела-
рускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Скамароўскі Віталій Багданавіч, доктар юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяр-
жавы і права прыватнай вышэйшай навучальнай устано «Івана-Франкоўскі ўніверсітэт права імя Караля Данііла
Галіцкага» (Івана-Франкоўск, Украіна).

Сулайманова Назгуль Назарбекаўна, доктар юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры крымінальнага
права і крыміналогіі Дзяржаўнай адукацыйнай устано вышэйшай прафесійнай адукацыі «Кыргызка-Расійскі
Славянскі ўніверсітэт» (Бішкек, Кыргызская Рэспубліка).

Сыдыкава Лейла Чынтурганаўна, доктар юрыдычных навук, прафесар, прарэктар па міжнароднай дзейнасці
Дзяржаўнай адукацыйнай устано вышэйшай прафесійнай адукацыі «Кыргызка-Расійскі Славянскі ўніверсітэт»
(Бішкек, Кыргызская Рэспубліка).

Таранова Таццяна Сяргеёўна, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры грамадзянска-права-
вых дысцыплін устано адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Функ Ян Іосіфавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, прафесар кафедры фінансавага права і прававога
рэгулявання гаспадарчай дзейнасці Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Чарняк Юрый Вячаслававіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры тэорыі права і грамадзянска-прававых дысцыплін ўстанова адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Шалаеў Уладзімір Паўлавіч, доктар філасофскіх навук, прафесар, дэкан факультэта сацыяльных тэхналогій Федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай адукацыйнай установы вышэйшай прафесійнай адукацыі «Павалжскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт» (Іашкар-Ала, Рэспубліка Марый Эл, Расійская Федэрацыя).

Шабанаў Вячаслаў Барысавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры крыміналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Шамурзаеў Таалайбек Турсунавіч, доктар юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры крымінальнага працэсу і крыміналістыкі Дзяржаўнай адукацыйнай установы вышэйшай прафесійнай адукацыі «Кыргызска-Расійскі Славянскі ўніверсітэт» (Бішкек, Кыргызская Рэспубліка).

Шаўлюкоў Аляксандр Пятровіч, доктар эканамічных навук, прафесар, загадчык кафедры бухгалтарскага ўліку і фінансавага менеджменту ў галінах народнай гаспадаркі ўстанова адукацыі «Беларускі гандлёва-эканамічны ўніверсітэт спажывецкай кааперацыі» (Гомель, Рэспубліка Беларусь).

Юркевіч Мікалай Рыгоровіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, прафесар кафедры грамадзянскага працэсу і працоўнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Якаўчык Мікалай Сцяпанавіч, доктар эканамічных навук, доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар, дырэктар Інстытута павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў АПК установы адукацыі «Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Адрас рэдакцыі:
вул. Войкава, 21, 225404 г. Баранавічы.
Тэлефон: +375 (163) 45 46 28.
E-mail: vestnik@barsu.by

Падпісныя індэксы: 00993 — для індывідуальных падпісчыкаў; 009932 — для арганізацый.

Пасведчанне аб рэгістрацыі сродкаў масавай інфармацыі № 1533 ад 30.07.2012, выдадзенае Міністэрствам інфармацыі Рэспублікі Беларусь.

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 21 студзеня 2015 г. № 16 навукова-практычны часопіс «Веснік БарДУ» серыя «Гістарычныя навукі і археалогія. Эканамічныя навукі. Юрыдычныя навукі» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навук і археалогіі, эканамічных і юрыдычных навук.

Навукова-практычны часопіс «Веснік БарДУ» ўключаны ў РІНЦ (Расійскі індэкс навуковага цытавання), ліцэнзійны дагавор № 06-01/2016.

Выдавец: установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт».

Выходзіць на рускай, беларускай і англійскай мовах.

Часопіс распаўсюджваецца на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь.

*Загадчык рэдакцыйна-выдавецкага аддзела А. Г. Хахол
Тэхнічны рэдактар В. У. Кукраш, Г. Ю. Сідарэнка
Камп'ютарная вёрстка В. У. Кукраш, С. М. Глушак
Карэктар С. А. Берзнюк*

Падпісана да друку 19.12.2016. Фармат 60 г 84 ¹/₈. Папера ксераская. Друк лічбавы. Гарнітура Таймс. Ум. друк. арк. 19,10. Ул.-выд. арк. 14,30. Тыраж 75 экз. Заказ 2607.

Кошт свабодны.

Паліграфічнае выкананне: адкрытае акцыянернае таварыства «Чырвоная зорка». Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 2/7 ад 28.11.2013.

Юрыдычны адрас: завул. 1-ы Загарадны, 3, 220073 Мінск.

Паштовы адрас: вул. Савецкая, 80, 225409 Баранавічы.

Educational Institution
“Baranovichi State University”

BarSU Herald

A quarterly scientific and practical journal

Published since March 2013 Volume 4, December, 2016. Series “Historical sciences and
archaeology. Economics. Law”

Promoter: Educational Institution “Baranovichi State University”.

EDITORIAL BOARD

Editor in Chief Vasily Ivanovich Kochurko, Rector of Baranovichi State University, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Academician of the Belarusian Academy of Engineering, Academician of the International Academy of Technical Education, Academician of the International Academy of Pedagogical Education, Academician of the Academy of Economic Sciences of the Ukraine, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Deputy Chief Editor Alla Vasilyevna Nikishova, Ph. D. in Philology, Vice-rector for Scientific Work of Baranovichi State University, Associate Professor (Baranovichi, the Republic of Belarus).

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

Series Executive Editor

Victorya N. Poznyakevich, Ph. D. in Economic Sciences, Head of the Accounting, Analysis, Audit and Statistics Chair, Economics and Law Department of Baranovichi State University (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Executive Secretary of the Issue

Victorya N. Kremenevskaya, lecturer of Theoretical and Applied Economics Chair, Economics and Law Department of Baranovichi State University (Baranovichi, the Republic of Belarus).

English Texts Editor

Zhanna B. Mankevich, Senior lecturer of the English Language Theory and Practice Chair, Slavic and Germanic Languages Department of Baranovichi State University, Ph. D. in Psychology (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Maryna V. Andryashka (*Responsible for the topic area “Law”*), Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration and Criminal Law Disciplines Baranovichi State University (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Anatoly V. Denidovich (*Responsible for the topic area “Historical sciences and archaeology”*), Ph. D. in History, Head of the Social Sciences and Humanities Chair of Baranovichi State University (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Vladimir V. Klimuk (*Responsible for the topic area “Economics”*), Ph. D. in Economic Sciences, Head of educational and methodical Department, Baranovichi State University (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Victorya A. Bezuglaya, Ph. D. in Economic Sciences, Dean of the Economics and Law Department of Baranovichi State University (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Grigory A. Vasilevich, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus, Dr. of Law, Professor, Head of the Constitutional Law Chair of the Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Aleksey F. Vishnevskiy, Dr. of History, Professor of the Theory and History of State and Law Chair of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Minsk, the Republic of Belarus).

Vasily L. Gursky, Ph. D. in Economics Sciences, Associate Professor, Head of the Economics of a Private Educational

Dmitry M. Demichev, Dr. of Law, Professor, Head of the Theory and History of Law Chair of Belarusian State Economic University (Minsk, the Republic of Belarus).

Galina Yakovlevna Zhitkevich, Ph. D. in Economic Sciences, Ass. Prof. of the Department of Accounting, Analysis, Audit and Statistics Baranovichi State University (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Lyudmila A. Zakharchenko, Ph. D. in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Economic Theory Chair of Brest State Technical University (Brest, the Republic of Belarus).

Dmitry V. Karev, Dr. of History, Professor, Professor of the Financial and Accounting Chair, the Director of the Center for Socio-economic and Interdisciplinary Research in Belarusian Diaspora and Foreign Belarus Studies of Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, the Republic of Belarus).

Alla A. Kasich, Dr. of Economic Sciences, Professor of Michail Ostrogradski National University of Kremenchug (Kremenchug, Ukraine).

Rimma N. Klyuchko, Ph. D. in Law, Associate Professor, Acting Head of the Criminal Law and Criminology Chair of Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus).

Zoya N. Kozlova, Ph. D. in History, Associate Professor, Associate Professor of the Social Sciences and Humanities Chair of Baranovichi State University (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Ivan N. Kolyadko, Ph. D. in Law, Professor, Professor of the Civil Procedures and Labor Law Chair of the Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Svetlana F. Coogan, Ph. D. in Law, Associate Professor, Deputy Dean of Economics Department Brest State Technical University (Brest, the Republic of Belarus).

Vladimir I. Kuzmenko, Dr. of History, Professor, Head of the Center for History of Post-industrial Society of the State Scientific Establishment "Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus" (Minsk, the Republic of Belarus).

Aleksandr V. Litvinsky, Ph. D. in History, Associate Professor of the Social Sciences and Humanities Chair of Baranovichi State University (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Vladimir V. Losev, Ph. D. in Law, Associate Professor, Deputy Director of the State Institution "Scientific Practical Center of Problems of Law and Order Strengthening of the Office of Prosecutor General of the Republic of Belarus" (Minsk, the Republic of Belarus).

Anatoly M. Lyuty, Dr. of History, Professor, Head of the History of Belarus Chair of Belarusian Maxim Tank State Pedagogical University (Minsk, the Republic of Belarus).

Irina P. Mankevich, Ph. D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Civil and Legal Disciplines Chair of Belarusian State Economic University (Minsk, the Republic of Belarus).

Jaroslav N. Matveyuk, Ph. D. in Law, authorized by the Rector of the University in Bialystok for Cooperation with universities in Eastern Europe (Bialystok, Poland).

Gulnara B. Medvedeva, Ph. D. in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Economic Theory Chair Brest State Technical University (Brest, the Republic of Belarus).

Tatyana V. Momot, Dr. of Economic Sciences, Professor of Kharkov National Academy of Municipal Economy (Kharkov, Ukraine).

Aleksandr N. Nechuhryn, Dr. of History, Professor, Dean of the History, Communication and Tourism Department, Professor of the General History Chair of Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, the Republic of Belarus).

Aleksandr M. Omelyanyuk, Ph. D. in Economical Sciences, Associate Professor, Head of the Economic Theory Chair of Brest State Technical University (Brest, the Republic of Belarus).

Alexander V. Ostroglyad, Ph. D. in Law, Associate Professor, Vice-rector for Scientific Work of King Daniel of Galicia Ivano-Frankivsk University of Law (Ivano-Frankivsk, Ukraine).

Vitaly B. Skomorovsky, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Theory and History of State and Law Chair of King Daniel of Galicia Ivano-Frankivsk University of Law (Ivano-Frankivsk, Ukraine).

Sergey Y. Solodovnikov, Dr. of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Economics and Law Chair of the Belarusian National Technical University (Minsk, the Republic of Belarus).

Nazgul N. Sulaimanova, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Chair of Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyz Republic).

Leila Ch. Sydykova, Dr. of Law, Professor, Vice-rector for International Relations of Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyz Republic).

Taalaipek T. Shamurzaev, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Chair of Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyz Republic).

Tatiana S. Taranova, D. in Law, Professor, Head of the Civil and Legal Disciplines Chair of the Belarusian State Economic University (Minsk, the Republic of Belarus).

Yan I. Funk, Dr. of Law, Professor, Professor of the Financial Law and Legal Regulation of Economic Activities of

the Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Yuriy V. Chernyak, Ph. D. in History, Associate Professor of the Theory of Law and the Civil and Law Disciplines Chair of Baranovichi State University (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Vladimir P. Shalaev, Dr. of Philosophy, Professor, Dean of the Social Technologies Department of the Federal State Budget Institution of Higher Professional Education “Volga State University of Technology” (Yoshkar-Ola, the Republic of Mari El, the Russian Federation).

Vyacheslav B. Shabanov, Dr. of Law, Professor, Head of the Criminalistics Chair of the Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Aleksandr P. Shevlyukov, Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the Accounting and Financial Management in the Sectors of the National Economy Chair of Belarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperatives (Gomel, the Republic of Belarus).

Nickolay G. Yurkevich, Dr. of Law, Professor, Professor of the Civil Procedure and Labor Law Chair of Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Nikolay S. Yakovchik, Dr. of Law, Dr. of Agricultural Sciences, Professor, Director of the Institute for Advanced Studies and Retraining APK of the Belarusian State Agrarian Technical University (Minsk, the Republic of Belarus).

Editorial address:

Voikov Str. 21, 225404 Baranovichi.

Phone: +375 163 45 46 28.

E-mail: vestnik@barsu.by

Subscription indices: 00993 — for individual subscribers; 009932 — for companies.

The certificate of the registration of mass media № 1533 of 30.07. 2012 issued by the Ministry of Information of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus on January 21, 2015 № 16 the scientific and practical journal “Bulletin of BarSU” the series “History of science and archaeology. Economics. Laws” was included on the list of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research in history of science, archaeology, economics, laws.

Scientific and practical journal Vestnik BarSU is included into RSCI (Russian Science Citation Index), license agreement № 06-01/2016.

Published: educational institution “Baranovichi State University”.

Issued in Russian, Belarusian and English.

The journal is distributed on the territory of the Republic of Belarus.

Managing editor E. G. Hohol

Technical editor V. V. Kukresh, A. Yu. Sidorenko

Desktop Publishing V. V. Kukresh, C. M. Glushak

Proofreader S. A. Bereznyuk

Signed print 19.12.2016. Format 60 × 84 1/8. Paper xerox. Digital printing. Headset Times. Conv. pr. s. l. 19.10. Acc.-pub. s. l. 14.30. Circulation of 75 copies. Order 2607.

Free price.

Printing performance: Open Joint Stock Company “Red Star”. Certificate of the state registration of the publisher, the manufacturer and the distributor of publications № 2/7 since 28.10.2013.

Legal address: 1 Zagorodni Pereulok, 3, 220073 Minsk.

Postal address: Sovetskaya Str., 80, 225409 Baranovichi.

© BarSU, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Кривошей Д. А. Основные этапы становления и развития культурной политики	14
Кручковский Т. Т. Падение Речи Посполитой в оценке С. М. Соловьёва	21
Леонченко Т. И. Предмет исторической науки в трактовке российской позитивистской историографии . . .	32
Литвинский А. В. Славянский этногенез в научных работах белорусских исследователей второй половины XIX — начала XX века	37
Маршала А. Ю. Архитектура школ военных кантонистов в округах военного поселения 2-й уланской дивизии	43
Янушевич И. И. Финансовое обеспечение деятельности «Союза безбожников» в Советской Беларуси (1924—1934 годы)	49

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Горбач Ю. Е. Разработка алгоритма управления финансовыми потоками промышленного предприятия с оценкой риска	54
Каштелян Т. В. Экономические аспекты воспроизводства природных ресурсов (на примере лесного хозяйства Беларуси)	59
Климук В. В., Чернова О. А. Факторообразующая инновационность модели экономического развития . . .	65
Лабейко О. А. Резервы увеличения трудового потенциала страны: проблемы изыскания и пути их решения . . .	73
Нго Ань Тует. Предлагаемый подход к развитию возобновляемых источников энергии во Вьетнаме . . .	79
Толкач А. Г. Методические подходы к исследованию комплексного социально-экономического развития субъектов малого предпринимательства на региональном уровне	84
Тымуль Е. И. Формирование системы индикаторов риска для организаций энергетики	91

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бабецкая И. Я., Мельник П. В. Право промышленной собственности как объект уголовно-правовой охраны в Украине	98
Богустов А. А. Отличительные черты модельного законодательства для государств — участников СНГ о праве интеллектуальной собственности	103
Вашкевич С. В. Правовая информация: некоторые теоретические и прикладные аспекты понимания . . .	108
Гарбуз А. А. Состояние и направления совершенствования местного самоуправления в Республике Беларусь . . .	113
Гуркова А. В. Нормотворчество местного самоуправления на территории Украины	118
Крутько Р. В. Вещные права религиозных организаций на святые мощи	123
Луцкий Р. П. Понимание позитивного права ведущими учёными Украины и Российской Федерации . . .	128
Пухов А. А. Биотерроризм и биодиверсионная деятельность как угрозы национальной безопасности Республики Беларусь на современном этапе	132
Русакевич Н. М. Информирование как способ преодоления правового нигилизма в области противодействия коррупции	138
Трафимчик И. В. Развитие в Республике Беларусь института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим	142
Якимова С. В. Понятие и виды коррупционных преступлений в законодательстве Украины	147

ЗМЕСТ

ГІСТАРЫЧНЫЯ НАВУКІ І АРХЕАЛОГІЯ

Крываашэй Д. А. Асноўныя этапы станаўлення і развіцця культурнай палітыкі	14
Кручкоўскі Т. Т. Падзенне Рэчы Паспалітай у ацэнцы С. М. Салаўёва	21
Ляончанка Т. І. Прадмет гістарычнай навукі ў трактоўцы расійскай пазітывісцкай гістарыяграфіі	32
Літвінскі А. У. Славянскі этнагенез у навуковых творах беларускіх даследчыкаў другой паловы XIX — пачатку XX стагоддзя	37
Маршала А. Ю. Архітэктура школ ваенных кантаністаў у акругах ваеннага пасялення 2-й уланскай дывізіі	43
Янушэвіч І. І. Фінансавое забеспячэнне дзейнасці «Саюза бязбожнікаў» у Савецкай Беларусі (1924—1934 гады)	49

ЭКАНАМІЧНЫЯ НАВУКІ

Горбач Ю. Я. Распрацоўка алгарытму кіравання фінансавымі патокамі прамысловага прадпрыемства з ацэнкай рызыкі	54
Каштэлян Т. В. Эканамічныя аспекты ўзнаўлення прыродных рэсурсаў (на прыкладзе лясной гаспадаркі Беларусі)	59
Клімук В. В., Чарнова А. А. Фактарастваральная інавацыйнасць мадэлі эканамічнага развіцця	65
Лабеяка В. А. Рэзервы павелічэння працоўнага патэнцыялу краіны: праблемы, пошукі і шляхі іх рашэння	73
Нго Ань Туэт. Прапануемы падыход да развіцця ўзнаўляемых крыніц энергіі ў В'етнаме	79
Толкач А. Г. Метадычныя падыходы да даследавання комплекснага сацыяльна-эканамічнага развіцця суб'ектаў малога прадпрыемства на рэгіянальным узроўні	84
Тымуль А. І. Фарміраванне сістэмы індыхатараў рызыкі для арганізацый энергетыкі	91

ЮРЫДЫЧНЫЯ НАВУКІ

Бабецкая І. Я., Мельнік П. В. Права прамысловай уласнасці як аб'ект крымінальна-прававой аховы ва Украіне	98
Богустаў А. А. Рысы адрознення мадэльнага заканадаўства для краін — удзельнікаў СНД аб праве інтэлектуальнай уласнасці	103
Вашкевіч С. В. Прававая інфармацыя: некаторыя тэарэтычныя і прыкладныя аспекты разумення	108
Гарбуз А. А. Стан і напямкі ўдасканалення мясцовага самакіравання ў Рэспубліцы Беларусь	113
Гуркова А. В. Норматворчасць мясцовага самакіравання на тэрыторыі Украіны	118
Круцько Р. В. Рэчавыя правы рэлігійных арганізацый на святыя мошчы	123
Луцкі Р. П. Разуменне пазітыўнага права вядучымі вучонымі Украіны і Расійскай Федэрацыі	128
Пухаў А. А. Бятэрарызм і бядыверсійная дзейнасць як пагрозы нацыянальнай бяспекцы Рэспублікі Беларусь на сучасным этапе	132
Русакевіч Н. М. Інфармаванне як спосаб пераадолення прававога нігілізму ў галіне супрацьдзеяння карупцыі	138
Трафімчык І. В. Развіццё ў Рэспубліцы Беларусь інстытута вызвалення ад крымінальнай адказнасці ў сувязі з прымірэннем абвінавачванага з пацярпеўшым	142
Якімава С. В. Паняцце і віды карупцыйных злачынстваў у заканадаўстве Украіны	147

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Kryvoshei D. A. The main stages of formation and development of cultural policy	14
Kruczkowski T. T. The fall of the Polish-Lithuanian commonwealth in the assessment of S. M. Solovyov	21
Leonchenko T. I. The subject of historical science in interpretation of russian positivist historiography	32
Litvinski A. B. Slavic ethnogenesis in the scientific works of belarusian researchers (second half of XIX — early XX century)	37
Marshala A. Ju. Schools for military cantonists in the districts of the 2 nd uhlan division military settlements . . .	43
Yanushevich I. I. Financial support of the activity of the Union ofatheists in the Soviet Belarus (1924—1934)	49

ECONOMICS

Horbach Y. E. Development of financial streams management algorithm at the industrial enterprise with the assessment of risk	54
Kashatelyan T. V. Economic aspects of natural resources reproduction (by the example of forestry of Belarus)	59
Klimuk V. V., Chernova O. A. Style factors of innovation model of economic development	65
Labeyko O. A. Provisions to increase labor potential of the country: problems of finding and their solution	73
Ngô Anh Tuyet. The offered approach to development of renewables in Vietnam	79
Talkach A. G. Approaches to the assessment of integrated social and economic development of small business at the regional level	84
Tymul E. I. Formation of risk indicator system for power grid enterprises	91

LAW

Babetska I. Ya., Melnyk P. V. Industrial property law as the object of criminal law protection in Ukraine	98
Bogustov A. A. Distinctive features of the model law for the states — participants of the CIS on the law of intellectual property	103
Vashkevich S. V. Legal information: theoretical aspects of understanding and peculiarities of legislative consolidation in the Republic of Belarus	108
Garbuz A. A. Status and trends of improvement of local self-government in the Republic of Belarus	113
Hurkova A. V. Local government norm-setting in Ukraine	118
Krutsko R. V. Basis for property right occurrence on relics for religious organizations	123
Lutcky R. P. Understanding of positive right by scientists of Ukraine and Russian Federation	128
Puchov A. A. Bioterrorism and biodiversionary activity as threats to national security of the Republic of Belarus at present time	132
Rusakevich N. M. Informing as a way of overcoming the legal nihilism in the sphere of anti-corruption activity	138
Trafimchyk I. V. Development of the institute of exemption from criminal liability due to reconciliation of the accused with the victim	142
Yakimova S. V. Concept and types of corruption crimes in Ukrainian legislation	147

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

УДК 351.84:93

Д. А. Крывашэй

Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі», Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, вул. Акадэмічная, 1, 220072 Мінск, Рэспубліка Беларусь, +375 (17) 284 27 00, norm@tut.by

АСНОЎНЫЯ ЭТАПЫ СТАНАЎЛЕННЯ І РАЗВІЦЦЯ КУЛЬТУРНАЙ ПАЛІТЫКІ

Культурная політыка як адрэдная сфера сацыяльнага развіцця грамадства зародзілася ў сярэднявекавы і прайшла ў сваёй развіцці сем этапав. На першых этапах заметна сильное влияние церкви на сферу народной культуры. С укреплением абсолютизма и формированием национальных государств растёт государственная опека над образованием и культурой. Культурные учреждения превращаются в популяризаторов национальной идеи и получают государственную поддержку. Развитие капитализма активизирует культурные запросы буржуазии. Формируется общественно-государственная модель культурной политики. История XX века приводит примеры использования культуры в политических целях. В этот период начинает применяться и сам термин «культурная политика». В послевоенный период изменяется стратегия развития культурной политики от «культуры для всех» до мультикультурализма и анимационной концепции. Процессы развития постиндустриального общества с ведущим вниманием на сферу услуг и потребления поставили перед культурной политикой задачу продвижения культурных индустрий, стимулирования частных инвестиций и дальнейшей децентрализации управления.

Ключевые слова: культурная политика; управление культурой; национальное государство; государственная поддержка культуры.

Библиогр.: 15 назв.

D. A. Kryvoshei

State Scientific Institution “Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus”, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 1, Akademichnaja str., 220072 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (17) 284 27 00, norm@tut.by

THE MAIN STAGES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF CULTURAL POLICY

The cultural policy as a separate sphere of social development originated in the Middle Ages and went through seven stages. In the early stages the Church heavily influenced on the sphere of popular culture. State care about education and culture increased with the consolidation of absolutism and formation of national states. Cultural institutions were transformed into promoters of national ideas and received state support. The development of capitalism intensified cultural needs of bourgeoisie. The public-state model of cultural policy formed.

The history of the twentieth century also provided examples of the use of culture for political purposes. During that period the term “cultural policy” came into use. In the postwar period the strategy for the development of cultural policy changed from “culture for all” to the concepts of multiculturalism and animation. The development processes of post-industrial society with the major attention to the scope of services and consumption assign the following tasks to cultural policy: promotion of cultural industries, encouragement of private investments and further decentralization of management.

Key words: cultural policy; cultural management; national state; the state support of culture.

Ref.: 15 titles.

Уводзіны. Культурная палітыка разглядае культуру выключна ў сацыялагічным (функцыянальным) вызначэнні як рэгулятар чалавечых паводзін. Сярод сродкаў, пры дапамозе якіх рэалізуецца культурная палітыка, выдзяляюцца сацыяльныя інстытуты рэлігіі, мастацтва і навукі. Менавіта яны разам

з каналамі распаўсюджання (адукацыяй і масавымі камунікацыямі) ствараюць магутны комплекс, які фарміруе карціну свету ў масавай свядомасці [1, с. 70].

Мэтай нашага даследавання з'яўляецца выяўленне асноўных этапаў станаўлення і развіцця культурнай палітыкі як адной са сфер публічнай палітыкі. На сёння не існуе абагульняючых прац па дадзенай праблеме. Асобныя аспекты праблемы разглядаліся ў рамках даследаванняў гісторыі адукацыі, друку, цензуры, культуры.

Метадалогія і метады даследавання. Для вырашэння пастаўленых задач мы выкарыстоўвалі сістэмны, тыпалагічны і параўнаўчы метады. Асноўнымі прынцыпамі былі абраны прынцыпы гістарызму і аб'ектыўнасці. Для эфектыўнага вывучэння культурнай палітыкі ў яе гістарычным развіцці намі выкарыстоўваўся міждысцыплінарны падыход: улічваліся змены ў сацыяльным і культурным жыцці грамадства, развіццё філасофскай і грамадска-палітычнай думкі, адукацыі і культуры. Аналізам былі ахоплены змены ў поглядах на месца і ролю дзяржавы ў кіраванні свецкім грамадствам, аспекты станаўлення і развіцця нацыяналізму як асновы пабудовы свецкай дзяржавы ў Еўропе.

На падставе гэтага намі выдзелены некалькі этапаў у гісторыі культурнай палітыкі.

Асноўная частка. Культурная палітыка ў сярэднявечча. Галоўным суб'ектам ў здзяйсненні культурнай палітыкі выступала царква, якая выкарыстоўвала мастацтва для фарміравання карціны свету і атрымлівала з рук дзяржавы права кантролю за развіццём мастацтва ўвогуле. Нельга, аднак, гаварыць аб татальным панаванні царквы над культурным жыццём народа. Магутнымі былі традыцыі язычніцтва. Гэта тлумачыцца адсутнасцю трывалых інфармацыйна-камунікацыйных сувязей у дзяржаўных утварэннях часоў ранняга сярэднявечча ва ўмовах панавання натуральнай гаспадаркі.

У высокім сярэднявеччы з узнікненнем гарадоў узрасла роля такіх суб'ектаў культурнай палітыкі, як гарадскія абшчыны. Назіраецца рэзкі ўздым развіцця тэхналогій, рост таваразвароту і пашырэнне камунікацыйнай прасторы. Расце практычная запатрабаванасць у адукацыі, што прыводзіць да росту колькасці і разнастайнасці адукацыйных устаноў. Развіццё таварна-грашовых адносін, рост гарадоў, распаўсюджанне асветы і звязанага з ёй вальнадумства суправаджалася ростам ерасяў, для барацьбы з якімі каталіцкая царква стварае інквізіцыю.

З XIV стагоддзя ўжо не царква а гарадскія рады разам з цэхамі рамеснікаў выступаюць арганізатарамі культурных акцый. Найбольш дасведчаныя іх ўдзельнікі аб'ядноўваюцца ў асаблівыя «братэрствы», якія становяцца першымі прафесійнымі аб'яднаннямі творцаў.

Адной са складовых частак культурнай палітыкі гэтага перыяду была рэлігійная цензура над распаўсюджаннем і тлумачэннем Святога Пісання. Ва ўмовах рукапіснага стварэння новых кніг цензура не мела вялікага значэння.

Культурная палітыка канца XV — першай паловы XVII стагоддзя. У ранні Новы час, ці эпоху Адраджэння, адбываецца радыкальная ломка традыцыйнай народнай культуры, ствараецца новая культура. Ва ўмовах жорсткай рэлігійнай барацьбы былі забаронены чарадзейныя п'есы і містэрыі, народныя казанні, святочныя рэлігійныя фэсты і паломніцтвы. Распачаліся ганенні на актораў і менестрэляў. Пад забарону патрапілі кірмашы, карнавалы, народныя танцы, лялечныя спектаклі і народная рэлігійная драма. Знішчаліся абразы і скульптуры, спальваліся кнігі, высякаліся «майскія дрэвы» [2, с. 240]. У Рэчы Паспалітай адбываецца радыкальная рэформа веравызнання — ствараецца ўніяцкая царква.

Развіццё гуманістычных ідэй прыводзіць да ломкі ідэалагічных поглядаў на дзяржаву. Адбываецца важная змена ў асяроддзі суб'ектаў культурнай палітыкі. Пасля хвалі рэфармацыйных рухаў XVI стагоддзя ў шэрагу краін Заходняй Еўропы каралі пачалі прызначаць вышэйшых духоўных асобаў пратэстанцкіх цэркваў. А ў некаторых нямецкіх пратэстанцкіх княствах самі курфюрсты прымалі на сябе абавязкі епіскапаў. Як у пратэстанцкіх, так і ў каталіцкіх краінах адбывалася наступленне на правы духавенства [3, с. 131].

Лакальнасць традыцыйных жыццёвых светаў і «сегментарнасць» грамадскасці дазволіў пераадолець новы сродак камунікацыі эпохі Адраджэння — друкаваная кніга. Паступова публічная сфера развівалася ў напрамку палітычна ангажаванай грамадзянскай супольнасці [4, с. 121]. Дзякуючы кнігадрукаванню, рэфарматары здолелі данесці да грамадства свае ідэі.

З фарміраваннем абсалютысцкіх дзяржаў пачала распаўсюджвацца ідэя нацыянальнай дзяржаўнасці. Яе ідэолагам выступала маладая буржуазія. На аснове гуманістычнага светапогляду фарміруецца культурнае свецкае асяроддзе. У асобе гуманістаў мы бачым свецкую інтэлігенцыю. Аднак яна яшчэ нешматлікая, а яе погляды незразумелыя грамадству, у якім пануе рэлігійны светапогляд.

Пасля рэлігійных смут XVI стагоддзя абсалютызм з апораю на царкву пранікае ва ўсе часткі сацыяльнага арганізма. Улады пераследуюць народныя традыцыі, ствараецца новая культура, якая грунтуецца на ідэях гуманізму і аказвае магутнае ўздзеянне на фарміраванне светапогляду асобы. Генрых IV Бурбон (1589—1610) пасля доўгіх рэлігійных войнаў сфармуляваў далёка ідучыя планы палітычнага, гаспадарчага і культурнага аднаўлення Францыі. У час праўлення Людовіка XIII з'яўляюцца першыя культурныя інстытуты, у задачы якіх уваходзіць ахова культурнай артадоксіі. Такую ролю выконвалі створаныя Французская акадэмія (1635) і Акадэмія жывапісу і скульптуры (« l'Académie de peinture et de sculpture », 1642).

Рэфармацыя натхніла свецкую ўладу на тое, каб у поўнай меры выкарыстаць дадзеныя ёй паўнамоцтвы ва ўсіх сферах грамадскага і прыватнага жыцця [5, с. 50]. Ствараецца свецкая цэнзура. Шэраг абмежаванняў і правіл культурнага жыцця ўтрымліваюцца ў разнастайных пастановах гарадскіх ўладаў і гільдый (брацтваў). Гэта абгрунтоўвалася прадухіленнем амаральнасці і палітычнай непакоры, абаронаю царквы [6, с. 72].

Культурная палітыка другой паловы XVII — 80-х гадоў XVIII стагоддзя. З умацаваннем абсалютызму пытанням культуры надаецца ўсё больш увагі. У асобных краінах назіраецца стварэнне такіх культурна-мастацкіх інстытутаў, як каралеўскія музычныя і драматычныя тэатры. Адбываецца фарміраванне дзяржаўнай сістэмы кіравання імі, ліквідуюцца інстытуты тэатральнага самакіравання, пачынае ажыццяўляцца кантроль за рэпертуарнай палітыкай. Нормай жыцця дзяржаўнай мастацкай установы становіцца атрад кіраўнікоў-чыноўнікаў (упраўляючыя, адміністратары, дырэктары). Такім чынам нарадзілася новая форма адносін, якая існуе да цяперашняга часу.

Расце колькасць краін, у якіх акрамя каралеўскіх тэатраў засноўваюцца акадэміі мастацтваў. Іх стварэнне мела на мэце не толькі садзейнічанне прапагандзе афіцыйнага мастацтва, афіцыйна зацверджаных ідэалаў і мастацкіх каштоўнасцей. Каралеўскія акадэміі і тэатры падымалі аўтарытэт мастацкай працы і садзейнічалі яе прафесіяналізацыі. Пры каралеўскіх тэатрах ствараліся школы [7, с. 77, 78].

Многія каралеўскія тэатры, бібліятэкі, зборы старажытнасцей становяцца часткова ці поўнасцю адкрытымі для публікі. Закладваюцца асновы муніцыпальнай і дзяржаўнай падтрымкі культурных мерапрыемстваў.

У XVIII стагоддзі мастацкія ўстановы былі ўключаны ў сферу дзяржаўнай падтрымкі. Гэта абгрунтоўваецца як пашырэннем асветы сярод насельніцтва, так і эканамічнымі выгодамі.

Адначасова, незалежна ад дзяржавы, дзякуючы трэцяму саслоўю, пашыраюцца ідэі свабоды, роўнасці і братэрства. Гэта ставіць пад пагрозу само існаванне манархій. Дзяржаўная культурная палітыка ў многіх краінах набывае ахоўны характар. Яскравым таму сведчаннем служыць цэнзура, пераслед асобных прадстаўнікоў культуры, спыненне дзейнасці ўстаноў культуры, друкарняў. У асобных пратэстанцкіх краінах цэнзура была адменена. Побач з цэнзурай кніг і перыядычных выданняў распаўсюджваецца цэнзура тэатральных пастановак.

Працягваецца ўніфікацыя моваў. Народная адукацыя ў асобных краінах (Швецыя, Прусія, Аўстрыя) была пастаўлена пад нагляд дзяржавы. У 1773 годзе ў Рэчы Паспалітай была створана Адукацыйная камісія — фактычна першае міністэрства асветы ў Еўропе.

У гэты перыяд з'яўляецца новы аб'ект культурнай палітыкі — аўтарскае права. Твор мастацтва стаў разглядацца як уласнасць, якая можа быць прададзена ці здадзена ў наём. Акрамя гэтага, з пункту гледжання дзяржаўнага нагляду спрашчаўся кантроль за прыналежнасцю твора канкрэтнай асобе, выкананнем канкрэтнага твора, атрыманнем аўтарскага ўзнагароджання, за распаўсюджаннем і продажам.

Культурная палітыка буржуазнага грамадства і каланіялізму (90-я гады XVIII — пачаток XX стагоддзя). Гэта перыяд выпявання еўрапейскіх нацый як новых сацыяльна-гістарычных супольнасцей і фарміравання нацыянальных дзяржаў. Сацыяльныя адносіны трансфармуюцца ў капіталістычныя. Назіраецца актывізацыя інтэлектуальнага жыцця. Фарміруецца канцэпцыя сацыяльнай дзяржавы, у якой заўважна сукупнасць ўрадавых практык ўмяшання ў сферу культуры. Асабліва

ўвага надаецца захаванню культурнай спадчыны, практычнаму набліжэнню народа да культуры. У мэтах кансалідацыі нацыі засноўваюцца нацыянальныя ўстановы культуры (музеі, галерэі, бібліятэкі), уводзіцца паняцце гістарычнага помніка і распрацоўваюцца прынцыпы яго аховы.

У кантэксце рэалізацыі праектаў нацыянальных дзяржаў ставіцца задача гамагенізацыі культуры, стварэння аднароднага сацыяльнага і культурнага ландшафту. Улады вядуць барацьбу з дыялектамі і культурнай разнастайнасцю. Насаджаюцца ўніверсальныя нормы мовы, выпрацоўваюцца каноны нацыянальнай культуры [8].

Усеагульная адукацыя становіцца клопатам дзяржавы. Школы паступова выводзяцца з-пад уплыву царквы. Поруч з еўрапейскімі краінамі адукацыйныя рэформы, накіраваныя на стварэнне свецкіх школ, увядзенне ўсеагульнай пачатковай адукацыі, былі праведзены ў Асманскай імперыі ў перыяд Танзімата. Абавязковая пачатковая адукацыя была ўведзена ў Японіі ў ходзе рэформ Мэйдзі.

Нямецкая канцэпцыя Kulturstaat (дзяржавы, якая здзяйсняе культурныя мэты) у дзяржаўным кіраванні адзначала для культурнай палітыкі карэктуючы адміністрацыйнага і фінансавага забеспячэння. Публічная падтрымка культурных устаноў стала з гэтага часу «нацыянальнай задачай», на рэалізацыю якой усё часцей накіроўваюцца сродкі з дзяржаўнага і муніцыпальнага бюджэтаў [6, с. 73].

Да канца XIX стагоддзя, дзякуючы грамадскай ініцыятыве, складваецца грамадска-дзяржаўная мадэль культурнай палітыкі. Разнастайныя грамадскія аб'яднанні, мецэнацтва сталі паўнапраўнымі суб'ектамі культурнай палітыкі. Найбольш яркая ўдзел грамадства ў культурнай палітыцы бачны ў ЗША, дзе асноўныя ініцыятывы ў сферы культуры былі прадастаўлены прыватным асобам.

Задача стварэння адзінай нацыі становіцца вядучай у культурнай палітыцы ЗША. На мяжы XIX—XX стагоддзяў узнікае ідэя «плавільнага катла» («плавільнага тыгля»). Яна стала стрыжнем культурнай палітыкі ЗША [9, с. 204—205].

Культурная палітыка ў «эпоху катастрофаў» (1914 — пачатак 1950-х гадоў). У новых дзяржавах, створаных пасля Першай сусветнай вайны, актыўна распрацоўвалася моўная палітыка, нацыянальны курс дзяржавы, канцэпцыя нацыянальных і публічных музеяў і бібліятэк, новыя сімвалы, знакі і помнікі. Ішла праца па стварэнні матэрыяльнай базы новых тыпаў ідэнтычнасці, ладу жыцця, спосабаў індывідуальных і грамадскіх паводзін. Культурная палітыка многіх краін мела цэнтралізаваны характар, пры якім вядучая роля адводзілася дзяржаве. Цэнтралізаваная культурная палітыка была накіравана на пашырэнне сеткі ўстаноў культуры. Яны ствараліся і накіроўваліся цэнтральнай уладай. У аснову гэтай палітыкі было пастаўлена культурнае спажыванне.

У гэты час з'явіліся першыя азначэнні тэрміна «культурная палітыка». Так, у 1929 годзе ў «Дзяржаўным лексіконе» Гердэра даецца тлумачэнне паняцця «культурная палітыка» як «выкарыстанне інтэлектуальных і культурных рэсурсаў дзяржаваю» (“Einsatz geistiger Mittel und kultureller Mittel durch den Staat”) [10, с. 693]. У гады нацысцкай дыктатуры ў Германіі гэты тэрмін шырока выкарыстоўваўся.

Таталітарныя дзяржавы (СССР, Германія, Італія) разглядалі культуру як інструмент укаранення ў свядомасць людзей партыйна-дзяржаўных каштоўнасцей. У культуры панавалі класавы падыход. Дзяржава актыўна ўмешвалася ў культурна-творчы працэс. Культура выкарыстоўвалася ў якасці зброі ідэалагічнай барацьбы. Актыўна дзейнічала цензура мастацкіх твораў, радыё, кіно, друку.

У ЗША законам 1917 года была замацавана перавага прыватнага сектара ў сферы культуры. Аднак у 1930-я гады адбыўся адыход ад вызначаных прынцыпаў. Гэта было звязана з рэалізацыяй федэральных культурных праграм «новага курса» прэзідэнта Франкліна Рузвельта. Праведзеныя ў часы «вялікай дэпрэсіі», яны дазволілі захаваць культурны сектар эканомікі. Папулярнай стала ідэя аб тым, што дэмакратычны ўрад павінен пераследаваць мэты, якія адрозніваюцца ад мэтаў прыватных прадпрыемстваў. Толькі так можна апраўдаць дзяржаўныя субсідыі, накіраваныя ў сферу культуры.

Працягваюцца мадэрнізацыйныя працэсы ў краінах Азіі. У Турцыі з 1924 года праводзіцца радыкальная палітыка лаіцызму. Ствараецца свецкая дзяржава з апорай на турэцкую мову на аснове новага алфавіту. Культурная палітыка была накіравана на кансалідацыю нацыі, умацаванне нацыянальнай тоеснасці, стварэнне монаэтнічнай дзяржавы. Істотная ўвага надавалася рэалізацыі прынцыпу народнасці. Музеі краіны становяцца часткай нацыянальнай палітыкі. Яны вырашалі задачу прапаганды і згуртавання нацыі [11].

Станаўленне культурнай палітыкі як асобнай навуковай дысцыпліны і суб'екта публічнай палітыкі (1950-я — 1980-я гады). У 1950-я гады культура разумелася як універсальная каштоўнасць,

даступнасць да якой дзяржава «ўсеагульнага дабрабыту» павінна забяспечыць усім грамадзянам. Культурныя шанцы павінны быць аднолькавымі ў цэнтры і на перыферыі. Сфера культурнай палітыкі была супрацьпастаўлена сферы культурных індустрый і культуры забаў. Ставілася задача далучыць да «высокай» культуры кожнага. З гэтай мэтай разгортваецца будаўніцтва культурных устаноў у рэгіёнах [9].

Дзякуючы эканамічнаму росту культурная палітыка была адной з прыярытэтных галін шмат у якіх краінах Еўропы. Сведчаннем гэтага з'яўляецца стварэнне асобных міністэрстваў культуры. У 1953 годзе яно было створана ў СССР. Па дадзеных ЮНЕСКА, да канца 1980-х гадоў больш чым у 117 краінах свету меліся адпаведныя міністэрствы і органы, што кіравалі культурай.

Інстытуцыяналізацыя культурнай палітыкі дае штуршок фарміраванню асобнага напрамку навуковых даследаванняў, якое спалучыла ў сабе пытанні культуралогіі, дзяржаўнага кіравання, эканомікі, сацыялогіі. Вялікую папулярнасць набыў параўнаўчы метада даследавання культурнай палітыкі, назіралася павышэнне зацікаўленасці як культурнымі, так і даследаваннямі публічнай адміністрацыі, эканомікі культуры і, асабліва, эканамічных і прававых ўмоў вытворчасці і дыстрыбуцыі культурных паслуг. Гэта час першых міждысцыплінарных і міжнародных даследаванняў, эпоха станаўлення і развіцця навуковых сетак ў галіне сацыяльных навук. У 1960-х гадах паняцце «культурная палітыка» было ўведзена ў шырокі навукова-практычны абарот на круглым сталю ЮНЕСКА ў Манакі (1967) [12, с. 5].

У выніку росту зацікаўленасці праблемай параўнаўчых даследаванняў культурнай палітыкі ў рамках ЮНЕСКА ў 1970 годзе адбылася першая канферэнцыя міністраў культуры. У тым жа годзе ў Венецыі пад эгідай ЮНЕСКА сабралася першая сусветная канферэнцыя міністраў культуры. На ёй былі вызначаны чатыры пастулаты, накіраваныя на арганізацыю культурна-асветнага жыцця: дзяржаўная адказнасць за справы культуры; наданне культуры аднолькавых правоў з адукацыяй і навукай; прымяненне планаў і прагнозаў развіцця культурнай палітыкі; сувязі прадстаўнікоў дзяржаўнай адміністрацыі з навукова-даследчымі асяродкамі [13]. Рэгіянальныя канферэнцыі міністраў культуры склікаліся потым дастаткова рэгулярна. Як і чакалася, яны садзейнічалі нараджэнню і распаўсюджанню ідэй і новых практык.

Інтэрэс да гэтай тэмы ў далейшым прывёў да распрацоўкі ЮНЕСКА і Еўрапейскай камісіяй розных буйнамаштабных праграм, абсерваторый і навуковых сетак з мэтай маніторынгу і апісання стану культурнай палітыкі ў краінах-членах. У рамках ЮНЕСКА пачынаюць рэгулярна рыхтавацца публікацыі з серыі «Даследаванні і дакументы культурнай палітыкі».

У 1970-я гады стратэгія культурнай палітыкі была перагледжана. На змену лозунгу «культура для ўсіх» прыйшоў лозунг «культура для кожнага». Гэта гарантавала права на творчасць і самавыражэнне, павагу да культурнай разнастайнасці. Была ўзмоцнена дэцэнтралізацыя кіравання сферай. Дзяржава абавязвалася падтрымліваць як прафесійную, так і аматарскую дзейнасць. У выніку з'явіліся мультыкультуралізм і анімацыйная канцэпцыя, якія патрабавалі актыўнага ўключэння грамадзян у культурнае жыццё. Размывалася аўтаномія прафесіяналаў і мяжа паміж высокай і народнай культурамі.

З сярэдзіны 1950-х гадоў назіраецца тэндэнцыя ўзаемазвязі дзяржаўных і прыватных устаноў культуры ў ЗША. Адбываецца ўсё большае ўмяшанне дзяржавы ў рэгуляцыю культурнага жыцця. Пасля працяглых дэбатаў у Кангрэсе і шырокай дыскусіі ў краіне ў 1965 годзе быў заснаваны Нацыянальны фонд мастацтваў і гуманітарных навук. У 1980-я гады пры адміністрацыі Р. Рэйгана прыярытэтнай мадэллю дзяржаўнай палітыкі ЗША стаў «новы федэралізм», які прывёў да значнага ўзмацнення і без таго моцных пазіцый прыватных дабрачынных фондаў, спонсарскіх арганізацый і іншых недзяржаўных інстытутаў [14, с. 85].

У 1980-я гады мэты культурнай палітыкі атрымалі новы напрамак. Культурныя мерапрыемствы сталі разглядацца як інструменты дасягнення сацыяльных мэтай. Ва ўмовах эканамічнага крызісу культуры і мастацтва павінны былі вырашаць праблемы беспрацоўя, рэінтэграцыі маладых людзей і інш.

У гэты час з'яўляюцца навуковыя распрацоўкі тыпаў і мадэляў культурнай палітыкі. Былі зроблены спробы вызначэння і апісання сувязей паміж нацыянальнай культурнай палітыкай і культурным, інтэлектуальным і гістарычным кантэкстамі тых краін, у якіх яны развіваліся. «Мазгавым цэнтрам» вызначэння мадэляў развіцця культурнай палітыкі ў Еўропе становіцца дацкая асацыяцыя CIRCLE (Cultural Informational and Research Centers Liaison in Europe), створаная ў 1984 годзе. У 1986 годзе Савет Еўропы пачаў рэалізоўваць праграму падрыхтоўкі і аналізу аглядаў культурнай палітыкі розных краін.

Культурная політика ў эпоху інфармацыйнага грамадства (1990-я гады — цяперашні час).

У гэты перыяд працягваецца дэцэнтралізацыя культурнай палітыкі і афармляецца інструментальны падыход да яе. Прынцыповая каштоўнасць культуры стала вызначацца яе здольнасцю служыць разнастайным палітычным мэтам і стратэгіям, накіраваным на грамадскае развіццё ці рашэнне сацыяльных праблем.

Дэцэнтралізацыя адкрыла дарогу такім актарам культурнай палітыкі, як прыватны капітал, грамадскія арганізацыі, дзяржаўныя адміністратары з галін, не звязаных з культурай. Пашыраецца практыка дзяржаўна-прыватнага партнёрства і міжгаліновых культурных праектаў. На змену прадстаўленню аб тым, што культурная палітыка з'яўляецца кампетэнцыяй тых, хто прымае рашэнні на нацыянальным узроўні, прадстаўнікоў публічнай адміністрацыі, прыходзіць канцэпцыя «крэатыўнага кіравання».

Адначасова ў сферу культурнай палітыкі ўключаюцца культурныя індустрыі. У 1990-я гады ў Аўстраліі ў якасці асноўнай ідэі вызначаецца ідэя «крэатыўнай нацыі». Яна мела дзве задачы: працаваць у напрамку поўнага прызнання мультыкультуралізму і прасоўваць творчыя індустрыі. У Еўропе гэтая ідэя пачала рэалізоўвацца ў Вялікабрытаніі з 1997 года.

Істотныя змены канцэпцыі культурнай палітыкі адбыліся пасля сусветнага крызісу 2009—2011 гадоў. Большасць краін, якія рэалізавалі мадэль дзяржавы «ўсеагульнага дабрабыту», зменшылі дзяржаўнае фінансаванне сферы культуры. Пры гэтым першачарговае значэнне стала надавацца актывізацыі дзейнасці ўстаноў па паляпшэнні сваіх даходаў і стымуляванні прыватных інвестыцый з мэтай фінансавання культурнага жыцця.

Поруч з відавочным ў пачатку другога дзесяцігоддзя XXI стагоддзя змяншэннем дзяржаўнай падтрымкі сферы культуры ў краінах Еўропы назіраецца істотнае павелічэнне публічных выдаткаў у гэтую сферу ў Кітаі. У краіне рэалізуецца новая канцэпцыя выкарыстання культуры ў якасці асноўнага складніка росту сукупнай моцы дзяржавы. Цэнтральны камітэт Камуністычнай партыі Кітая ў 2011 годзе абвясціў аб новай стратэгіі развіцця краіны — пабудове «магутнай культурнай дзяржавы» («вэньхуа цяньго»). Была пастаўлена задача садзейнічаць дасягненню «рыўка» ў развіцці культурнай індустрыі і фарміраванні культурна-індустрыяльнай сістэмы [15].

Заклучэнне. Культурная палітыка як асобная сфера сацыяльнага развіцця грамадства зарадзілася ў сярэднявеччы і прайшла ў сваім развіцці сем этапаў. Асноўнымі яе суб'ектамі былі дзяржаўныя структуры, царква, органы грамадскага самакіравання і прадпрымальнікі. Адбываліся змены ў непасрэдным аб'екце культурнай палітыкі. На розных этапах развіцця змяняліся як вядучыя суб'екты, так і сферы культуры, якія падпадалі пад іх уздзеянне.

На першых этапах заўважныя моцны ўплыў царквы на сферу народнай культуры. З умацаваннем абсалютызму і фарміраваннем нацыянальных дзяржаў расце дзяржаўная апека над адукацыяй і культурай. Культурныя ўстановы ператвараюцца ў папулярызатараў нацыянальнай ідэі, атрымліваюць дзяржаўную падтрымку.

Развіццё капіталізму актывізуе культурныя запыты буржуазіі. Фарміруецца грамадска-дзяржаўная мадэль культурнай палітыкі. Рост рабочага руху прымушае звярнуць ўвагу на сацыяльную сферу. Выпрацоўваецца мадэль сацыяльнай дзяржавы, у якой важнае месца надаецца культуры.

Гісторыя XX стагоддзя падае прыклады выкарыстання культуры ў палітычных мэтах. У гэты перыяд пачынае выкарыстоўвацца і сам тэрмін «культурная палітыка». Відавочнай становіцца неабходнасць дзяржаўнай апекі над сферай культуры. Назіраецца істотны рост колькасці краін, у якіх дзейнічаюць асобныя міністэрствы культуры. У пасляваенны перыяд адбываецца паступовая змена стратэгіі развіцця культурнай палітыкі ад «культуры для ўсіх» да мультыкультуралізму і анімацыйнай канцэпцыі.

Працэсы развіцця постіндустрыяльнага грамадства з вядучай увагай на сферу паслуг і спажывання паставілі перад культурнай палітыкай задачу прасоўвання культурных індустрыяў, стымулявання прыватных інвестыцый і далейшай дэцэнтралізацыі кіравання.

Список цитируемых источников

1. Жидков, В. С. Культурная политика России: теория и история / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. — М. : Акад. проект, 2001. — 590 с.
2. Бэрк, Питэр. Народная культура Еўропы ранняга новага часу / Питэр Бэрк ; навук. рэд. А. Ліс ; пер. з англ. мовы: І. Ганецкая. — Мінск : Тэхналогія, 1999. — 380 с.
3. Тревельян, Д. М. Социальная история Англии : Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории / Д. М. Тревельян ; пер. с англ. А. А. Крушинской и К. Н. Татариновой ; под ред. и с предисл. В. Ф. Семенова. — М. : Изд-во иностр. лит., 1959. — 607 с.
4. Habermas, J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. — Frankfurt a. M., 1984. — 607 s.
5. Раев, М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII—XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме / М. Раев // Американская русистика. Императорский период. — Самара : Самар. ун-т, 2000. — С. 48—63.
6. Wagner, Bern. Kulturpolitik. Begründungen und Legitimation / Bern Wagner // Kulturpolitische Mitteilungen. — 2006. — IV (№ 115). — S. 72—73.
7. Петрова, Т. Г. Трансформация культуры Западной Европы в свете социально-политических и идеологических стратегий нового времени : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Т. Г. Петрова. — М. : [б. и.], 2004. — 20 с.
8. Хестанов, Руслан. FAQ: Изобретение культурной политики. 7 фактов о первом министерстве культуры, политике СССР и мультикультурализме [Электронный ресурс] / Руслан Хестанов // Постнаука. — Режим доступа: <http://postnauka.ru/faq/31218>. — Дата доступа: 24.02.2016.
9. Хантингтон, С. Кто мы? : Вызовы американской национальной идентичности : пер. с англ. / С. Хантингтон ; вступ. ст. И. Феоктистова. — М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. — 635.
10. Staatslexikon in 5 Bände. Band III: Kapitulationen bis Panslavismus. — Freiburg i. Br. : Herder, 1929. — 1935 s.
11. Измайлов, Р. И. Кемализм и модернизационные процессы в Турции в 20—30-е годы XX века [Электронный ресурс] / Р. И. Измайлов // Медина. — Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/turk_izmailov.htm. — Дата доступа: 24.02.2016.
12. Cultural policy: a preliminary study. — Paris : UNESCO, 1969. — 36 p.
13. UNESCO. Intergovernmental Conference on Institutional, Administrative and Financial Aspects of Cultural Politics. Draft Final Report / UNESCO. — Venice, 1970. — 76 p.
14. Филимонов, Г. Ю. Истоки формирования культурной политики США / Г. Ю. Филимонов // Вестник РУДН. Сер. : Политология. — 2011. — № 2. — С. 79—91.
15. Smits, Yolanta. China country report / Preparatory action "Culture in EU external relations" [Electronic resource] / Yolanta Smits // European Commission. — Mode of access: http://ec.europa.eu/culture/policy/international-cooperation/documents/country-reports/china_en.pdf. — Date of access: 24.02.2016.

Поступила в редакцию 01.06.2016.

УДК 930.1

Т. Т. Кручковский

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь, +375 (152) 73 03 92, tkruczkowski@yahoo.com

ПАДЕНИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ОЦЕНКЕ С. М. СОЛОВЬЁВА

В творчестве известного русского историка С. М. Соловьёва определённое место занимала история Польши. Историческая полонистика С. М. Соловьёва была представлена как в его фундаментальной концепции истории России, так и отдельных трудах по истории Польши и отдельных периодов российской истории. Одной из наиболее важных тем исторической полонистической учёного являлись разделы Польши. В данной статье рассматривается проблематика падения Речи Посполитой в историософской концепции С. М. Соловьёва. История падения Польши рассматривалась историком как в контексте общеевропейского исторического процесса, так и в русле русско-польского соперничества и борьбы за западнорусские земли. В контексте исторической полонистики и роли Польши в истории России, как и тематика разделов Речи Посполитой, творчество С. М. Соловьёва исследовалось только выборочно, специального комплексного историографического исследования по этой проблематике не проводилось.

Ключевые слова: С. М. Соловьёв; русская историческая полонистика; Речь Посполитая; разделы Речи Посполитой. Библиогр.: 56 назв.

T. T. Kruczkowski

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 22, Ozheshko str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (152) 73 03 92, tkruczkowski@yahoo.com

THE FALL OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH IN THE ASSESSMENT OF S. M. SOLOVYOV

The history of Poland occupies a certain place in the works of the famous Russian historian S. M. Solovyov. Solovyov's historical Polish Studies are presented both in his fundamental concept of the history of Russia, as well as in individual works on the history of Poland and in studies of different periods of Russian history. One of the most important topics of the historical Polish Studies scholar is dedicate to sections of Poland.

The article discusses some problems of the Commonwealth fall in S. M. Solovyov's historiosophical concept. The History of Poland fall is considered by the historian in the context of pan-European historical process, as well as in line with the Polish-Russian rivalry and struggle for the West Russian lands. S. M. Solovyov's oeuvre in the context of the historical Polish Studies and Poland's role in the history of Russia was studied only selectively. The theme of the sections of Polish-Lithuanian Commonwealth requires additional research too. Special complex historiographical studies on this issue have not been conducted before.

Key words: S. M. Solovyov; Russian historical Polish Studies; Polish-Lithuanian Commonwealth; sections of the Commonwealth. Ref.: 56 titles.

Введение. В настоящей статье автор ставит цель, рассматривая наиболее известную историософскую концепцию истории России второй половины XIX века С. М. Соловьёва, показать причинно-следственные связи и последствия падения Речи Посполитой в интерпретации учёного. Ставятся следующие задачи: представить причины разделов Речи Посполитой в интерпретации С. М. Соловьёва; показать последствия падения Польши в оценке наиболее известного русского историка второй половины XIX века; обозначить новые научные подходы к исследуемой проблематике собственно С. М. Соловьёва и используемые им положения предыдущей историографической традиции. В контексте изучения историософской концепции учёного подобное исследование проводится впервые.

С. М. Соловьёв считается одним из крупнейших историков дореволюционной России. Его выдающийся вклад в развитие русской исторической мысли признавали учёные самых разных школ и направлений [1—32].

Давая высочайшую общую оценку его творческому наследию, учёные различных эпох и направлений часто приводили как доказательство слова его ученика и крупнейшего историка России начала XX века В. О. Ключевского. Он писал: «В жизни учёного и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли. В истории нашей науки и литературы было немного жизней, столь же обильных фактами и событиями, как жизнь Соловьёва» [1, с. 512].

Материал и методы исследования. Источниковой базой исследования являются как основной труд С. М. Соловьёва «История России с древнейших времён», так и ряд его отдельных работ, в которых историческая полонистика занимала видное место, — «Император Александр I. Политика. Дипломатия», «Восточный вопрос» и др. [34—38; 43]. Особое место занимает труд учёного «История падения Польши», посвящённый отдельно проблематике разделов Речи Посполитой, который получил свою оценку в историографических исследованиях в России и Польше [7; 39]. В частности, отмечалось, что оценочные подходы С. М. Соловьёва к падению Польши, изложенные в его «Истории России с древнейших времён» и «Истории падения Польши», хотя по смысловому содержанию мало отличаются, но совершенно разнятся по стилю изложения. В первом преобладает академический, а во втором публицистический, что объяснялось временем написания труда «История падения Польши» [39]. Это суждение отмечалось и впоследствии в других исследованиях [40; 48].

Автор статьи при её написании использовал основные принципы исторической науки — историзма, объективности и ценностного подхода, а также общенаучные и специально-исторические методы: анализ, синтез, сравнение, историко-генетический метод, историко-типологический метод, историко-системный метод и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведённое исследование позволило увидеть характерные черты и особенности исторической полонистики крупнейшего русского историка XIX века — С. М. Соловьёва. В полонистических исследованиях учёного центральное место занимала проблематика причин и последствий разделов Речи Посполитой. Оценочные подходы к данной проблематике известного русского либерального историка оказались ближе к подходам русской консервативной историографии и в целом отличались от его либерально-прозападнической концепции истории России.

Оценки исторического наследия С. М. Соловьёва по ряду важнейших составляющих параметров как в современной ему российской науке, так и в советской, а также и в современной российской историографии неоднозначны и порой даже противоречивы. Это хорошо видно из анализа многочисленных работ по изучению научного наследия учёного. С точки зрения автора статьи, С. М. Соловьёв определяется как либеральный историк, подходивший к изучению исторической полонистики, которая по причине исследуемой тематики стала частью его творчества, с позиций, близких славянофильской концепции. Эти критерии либеральной русской полонистики, в том числе и в отношении С. М. Соловьёва, автор оговаривал отдельно [33]. Рассматривая историческую полонистику русского историка, автор для передачи специфики оценочных подходов С. М. Соловьёва, как и всей русской науки анализируемого периода, использует названия государственной принадлежности в определении русской историографии XIX — начала XX веков. Польша и Великое Княжество Литовское после Кревской унии, а затем и Речь Посполитая определялись в ней как польско-литовская государственность, подобно как и у большинства польских исследователей. В интерпретации С. М. Соловьёва понятия «Польша» и «Речь Посполитая» практически тождественны. Это хорошо видно со страниц его «Истории», а также исследования, посвящённого падению Речи Посполитой, которое так и называется «История падения Польши», в то время как большинство современных историков Беларуси и Литвы чётко разграничивают данные государственные образования.

Вместе с тем вне поля исследования исторической науки XIX — начала XXI веков осталась весьма важная проблема русской истории, получившая определённое отражение в концептуальной теории истории России С. М. Соловьёва: взаимосвязь истории России и Польши, роль Польши и поляков в истории России. Основные оценочные подходы С. М. Соловьёва к истории Польши и российско-польским отношениям отражены в его «Истории России с древнейших времён» [34]. Взаимоотношения России и Польши рассматриваются также в отдельных работах учёного [34—38] и ряде других. Истории

падения Польши С. М. Соловьёв посвятил отдельное исследование [36], которое получило определённую оценку в историографических исследованиях в России и Польше [7; 39]. Некоторые аспекты проблематики падения Польши в русской науке, в том числе и в произведениях С. М. Соловьёва, рассматривались и автором статьи в отдельных исследованиях [33; 40—42]. Однако эти работы освещали только некоторые аспекты данной проблематики и не ставили своей задачей представление истории падения Речи Посполитой в общей историософской концепции учёного.

История Польши XVIII века для С. М. Соловьёва не представляла особого интереса, выходя снова на важное место в исторической концепции учёного в период правления Екатерины II, и это связано у него с разделами Речи Посполитой. Рассматривая историю ослабленной в XVIII веке Речи Посполитой, учёный акцентировал вывод об ослаблении Польши и польско-германских противоречиях. Он считал, что после Северной войны радикальным образом изменилась система международных отношений и, в первую очередь, роль России и Польши. «Переворот, происшедший в Восточной Европе в первой четверти XVIII века, — писал исследователь, — отозвался немедленно в Европе <...> на юге смертельно больная Турция, на западе — смертельно больная Польша <...> здоровый, сильный человек, окружённый больными, расслабленными» [36, с. 311]. По его мнению, позицию Польши в регионе стремилась занять не только Россия, но и Франция, взявшая на себя роль опекуна «смертельно больной Польши» [36, с. 311]. Эту позицию Франции и Англии С. М. Соловьёв интерпретировал в духе своего концептуального положения о борьбе Европы и Азии [36, с. 311].

Германские захватнические устремления относительно Польши историк представил ярким художественным образом: «Но труп собирал около себя орлов. Западные соседи Польши, немцы, видели в ней лёгкую добычу и стали хлопотать, как бы усилиться на её счёт, захватить всю, и если нельзя, то поделить добычу» [36, с. 316]. При этом исследователь считал, что сама Польша своей близорукой политикой дала возможность за её счёт усилиться германским государствам. По его мнению, подобно Бранденбургу в середине XVII века, Саксония усиливается за счёт Польши [36, с. 317].

К моменту издания «Истории падения Польши» в России уже имелись работы Ф. Смита [44—46] и В. И. Герье [47] по этой тематике, которые были известны С. М. Соловьёву. Первым из либеральных историков в русской историографии В. И. Герье выдвинул своеобразный комплекс причин печального состояния Польши в XVIII веке, которые и привели к её разделам. По его мнению, это «отсутствие сильного правительства, высокомерие и спесь в одном сословии и раболепное смирение в другом; недоразвитость городов; всеобщее невежество и религиозная нетерпимость» [47, с. 351]. Особый акцент В. И. Герье делал на шляхетском общественно-государственном устройстве Речи Посполитой, видел главную причину её упадка в слабости центральной исполнительной власти. При более близком рассмотрении проявляется определённая схожесть этих положений В. И. Герье с известной полонофобской работой Ф. Смита. Он, в частности, писал: «Ложное направление природных способностей, при избытке фантазии и недостатке рассудительности; вследствие этого неумение оставаться в должных пределах, с одной стороны, а с другой — возросшее вследствие благоприятных условий влияние дворянства, поработившего себе всё и вся, обратившего стремление к свободе в анархию; наконец, вредоносное вмешательство иезуитов в дела воспитания и образования народа; иезуиты присвоили новые семена раздора к тем, которые уже существовали; они разъединили нацию, возникшую из различных элементов, не успевших ещё слиться, и эти элементы стали снова разобщаться — таковы были единственные, существенные причины падения Польши» [46, с. 48]. Отмечая, что характер польского народа наложил отпечаток на всю его историю, Ф. Смит поддерживал теорию о сарматском происхождении польской шляхты. Отсюда, считал он, и её склонность к буйствам, неумеренной фантазии. Не только поляки, но и другие славянские народы, по мнению Ф. Смита, неспособны к самостоятельному политическому существованию [46, с. 17]. Исключение он делал только для России, народ которой сформировался под влиянием норманнских элементов в особый тип, склонный к строгой самодержавной форме управления. Концепция падения Речи Посполитой В. И. Герье с определёнными вариациями стала господствующей в либеральной историографии второй половины XIX — начала XX века и была в значительной степени принята и С. М. Соловьёвым.

Таким образом, С. М. Соловьёв, приступая к оценке причин падения Польши и последствий этого события, уже имел определённые модели интерпретации этой проблематики и выработал свою

концепцию, сочетая аргументы и доводы различных историографических направлений. В результате С. М. Соловьёв в основном поддержал мнение о главных причинах падения Речи Посполитой в интерпретации консервативной историографии — это шляхетское государственное устройство и польский национальный характер. Исходя из этого, С. М. Соловьёв считал, что главные причины падения Речи Посполитой внутривнутриполитические: шляхетское общественно-государственное устройство, отразившееся на национальном характере. В конкретно-историческом преломлении этой проблемы, как производном от двух основных причин — шляхетского государственного устройства и польского национального характера, — учёный выводил главные причины разделов Польши в комплексе факторов, обусловленных как историческим развитием Польши, так и политическими реалиями конца XVIII века. Он называл их в следующем порядке: русское национальное движение, ведущееся под религиозным знаменем; измена Польшей своей исторической миссии в защите западного славянства от германской угрозы; завоевательная политика Пруссии; преобразовательные движения XVIII века; угроза распространения революционных идей.

Отметив, что до Екатерины «почти на сто лет приостановлено было соби́рание Русской земли», историк указывал на исключительное миролюбие русской царицы [36, с. 2]. Из рассуждений учёного следовало, что виноваты в случившемся не соседи, разделившие страну, а её общественно-политическое устройство и национальный характер. Он писал: «Так произошёл второй раздел Польши, доказавший, прежде всего, что в Польше не было народа; народ молчал, когда шляхетские депутаты волновались в Гродне вследствие требований России и Пруссии. Оказались следствия того, что в продолжение веков народ молчал и шумел только один шляхетский сейм, на нем только раздавались красивые речи. <...> сейм принужден был онеметь, потому что всё вокруг было немое» [36, с. 312]. Разложение страны дошло, по мнению С. М. Соловьёва, до того, что симпатизирующий полякам саксонский посланник Эссен «имел полное право говорить, что немецкий полумошенник воспринимается в Польше как честнейший человек» [25]. Однако документы, которыми пользовался историк, как отмечалось ещё его современниками, односторонние, их показания просто враждебны полякам, а Эссен известен крайней враждебностью к полякам, свидетельств которого так много в «Истории падения Польши» С. М. Соловьёва [7, с. 231].

В итоге в «Истории падения Польши» общая оценка шляхетского устройства выглядела значительно негативнее, чем в соответствующих томах «Истории России», хотя общая тенденция одинакова. Так, С. М. Соловьёв поддержал мнение Г. Зибеля, что «польское социальное тело выглядит чудовищем, состоящим из голов и желудков, но не имеющих ни рук, ни ног» [36, с. 397]. Учёный показывал это и примерами поведения первых лиц польского государства: «Король брал русские деньги и ничего не делал для России, менажируя нацию. Первое после короля лицо в республике, примас Подоский также брал русские деньги и, мало того, что ничего не делал для России» [36, с. 110]. Оценивая, таким образом, общественное устройство Речи Посполитой, С. М. Соловьёв следовал за взглядами немецкого консервативного историка Г. Зибеля, часто ссылаясь на него [39, с. 368].

Оценки польского национального характера, государственного устройства изложены С. М. Соловьёвым с явных полонифобских позиций. Возможно, такой подход объясняется временем написания «Истории падения Польши». В «Истории России» учёный, хотя и называл эти же причины падения Речи Посполитой, но оценивал их более сдержанно, изложение польской истории более академичное. В данном случае С. М. Соловьёв следовал общей тенденции русской консервативной историографии (вслед за Н. Г. Устряловым, М. П. Погодиным и, в первую очередь, Ф. Смитом).

Неоднократно С. М. Соловьёв пытался обосновать этот тезис на страницах своих трудов. Так, описывая патристический порыв поляков в ответ на угрозу разделов, он утверждал: «Но восстание это вовсе не было народным: громкие слова *“вера и свобода”* не производили впечатления на массу; трудно было подняться на борьбу за веру <...> не видя, кто и как притесняет веру; трудно было подняться на борьбу за свободу, которой пользовалась одна шляхта» (курсив авт. цитаты. — **Т. К.**) [36, с. 76]. Он считал, что вся эта борьба со стороны поляков велась единственно с целью разбоя, разврата, личного обогащения. Всё это, продолжал он, «тянуло под знамёна конфедерации всякую голь, дворовую службу, граждан и крестьян» [36, с. 76]. Подобным в представлении учёного был образ польской шляхты, образовавшей Барскую конфедерацию [36, с. 96]. В карикатурном виде учёный представлял королевскую оппозицию планам разделов: «Один король, ободрённый своим маленьким советом, состоявшим из любовницы и двоих иностранцев, одного швейцарца и одного француза, вызывал на борьбу три державы» [34, кн. 15, т. 29, с. 40].

Историк считал, что до разделов Польша оставалась в сфере исключительного влияния России, полагая, что причиной, по которой она поддерживала своё влияние в Польше, были геополитические обстоятельства [36, с. 111]. Учёный писал, что новая система международных отношений в связи с революцией во Франции оказалась губительной для Польши [36, с. 253]. Он показал, что в период Екатерины II были проекты польско-русского сотрудничества на международной арене. Так, рассматривая сложное положение России в период, предшествующий второй турецкой войне, он отметил планы вовлечения в союз с Россией Речь Посполитую при возможной территориальной ей компенсации [36, с. 181]. При этом С. М. Соловьёв говорил как о совершенно нормальном деле в отношении соседнего государства о военных действиях русских войск в Польше, об арестах по распоряжению русского посла видных польских епископов, чиновников, противостоявших планам России, о подкупе соседними государствами польской шляхты, чиновничества в целях ослабления страны и проведения разделов [36, с. 71—72].

Одной из причин падения Речи Посполитой, рассматривавшейся С. М. Соловьёвым в общей традиции русской историографии, было «распространение» Польши, её цивилизации на Восток и её неизбежное столкновение с Москвой. Нюансы в позиции русских историков столь незначительны, что их часто невозможно разделить по направлениям. Всё же, в основном, консервативная историография, как и С. М. Соловьёв, придерживалась тезиса о борьбе двух цивилизаций, двух религий — католической и православной. Исходя из этого, историк и рассматривал фактор русского национального движения. Учёный, как мы видим из его изложения истории российско-польских отношений, вслед за славянофилами, видел эту предопределённость и в измене Польши её мессианской роли.

Участие России в разделах Речи Посполитой рассматривается единодушно русской исторической наукой со времён Н. М. Карамзина как политика собирания русских земель. Такую позицию занял и С. М. Соловьёв. Роль России в разделах Речи Посполитой рассматривалась им как политика собирания русских земель: это проявилось в его интерпретации польско-русского противостояния. Екатерине, писал С. М. Соловьёв, «было тяжело, что не все русские земли вошли в состав империи, но она рассчитывала обменять их у Австрии за турецкие области» [36, с. 30]. Историк утверждал, что Екатерина II не могла отказать в помощи русскому народу, боролась за его религиозное и национальное освобождение от Польши [36, с. 24]. Но, отстаивая свой взгляд на национальную политику Екатерины II, С. М. Соловьёв приводил её же письмо польским конфедератам, которое противоречило его выводам. Она писала, отмечал учёный, что «берёт Украину взамен своих убытков и потерь людей», и «это послужит мне вознаграждением за мои субсидии» [36, с. 131, 300]. Ученик и преемник С. М. Соловьёва В. О. Ключевский, впоследствии отойдя от оценок своего учителя, прямо заявлял об ошибочности официальной политики при разделах Речи Посполитой. По его мнению, правительство Екатерины II, имея поставленные русской историей задачи, добилось совершенно иной цели, не соответствующей стратегическим интересам страны. «Предстояло воссоединить Западную Русь, — считал он, — вместо того разделили Польшу» [2, т. 5, с. 55]. «Это различные по существу акты — первого требовал жизненный интерес русского народа, — продолжал учёный, — второй был делом международного насилия. Решение не отвечало задаче» [6, с. 55]. И хотя в состав России, пояснял далее историк, вошла Западная Русь, но «под другим политическим титулом — не как результат борьбы России с Польшей один на один во имя политического объединения русского народа, а как доля в захватной сделке трёх соседних держав во имя права силы» [2, т. 5, с. 55].

Основной проблемой, которую С. М. Соловьёв связывал с русским делом в Польше, было так называемое диссидентское дело [34, кн. 15, т. 29, с. 47]. Он ставил этот вопрос категорично: «Могла ли Екатерина отказать от своего требования? Могла ли Россия отказать в помощи русскому народу?» [36, с. 24]. Учёный считал нормальным явлением в отношениях двух государств полное подчинение православной церкви в Речи Посполитой русскому Синоду. Он писал: «Являются в Польше указы русского Синода <...> наконец, самые мелочные распоряжения Петербургского Синода» [36, с. 231].

Учёный даже утверждал, что диссидентский вопрос стал причиной первого раздела Речи Посполитой: «В 1653 году посол Московского царя <...> потребовал от польского правительства, чтобы православным русским людям вперёд в вере неволи не было и жить им в прежних вольностях. Польское правительство не согласилось на это требование, и следствием было отпадение Малороссии. Через сто с чем-нибудь лет <...> то же требование и следствием был первый раздел Польши» [36, с. 25].

Историк прямо утверждал, что неуступчивость католической церкви способствовала гибели Польши: «Фанатизм только гальванизировал мёртвое тело, но к жизни его не возбуждал» [36, с. 33]. Описывая решение диссидентского вопроса, показав права инаковерующих, он нигде не оговаривался об исключительности их в Европе, а также и в России. «Все диссиденты шляхетского происхождения уравниваются с католическою шляхтой во всех политических правах, — писал он, — но королём может быть только католик, и религия католическая остаётся господствующею» [36, с. 73].

Таким образом, в конфессиональном вопросе С. М. Соловьёв занимал официальную точку зрения. Но большинство исследователей подвергли политике Екатерины II как справа, так и слева. Даже М. О. Коялович в трактовке диссидентской проблемы вышел за рамки официального подхода [49, с. 45]. По его мнению, Екатерина II не сразу поняла значение присоединения Западной России для русского народа. Он высказывал обвинение в забвении национальных интересов: «Власть тогда у нас, всё наше высшее общество пропитано было ненародным духом» [49, с. 344; 53]. Подобную позицию заняла впоследствии и либеральная историография (Н. И. Кареев [54], А. Л. Погодин [56]).

Одной из причин падения Речи Посполитой С. М. Соловьёв считал «преобразовательные движения, начавшиеся в Европе в XVIII веке» [36, с. 9]. Ему принадлежит заслуга постановки данной проблемы в русской историографии. Невозможность успеха реформ С. М. Соловьёв, как и русская консервативная историография, связывал с польским национальным характером и существующим «неправильным» государственным устройством Польши. По его мнению, преобразования уже не могли помочь Польше, так как на разделы её обрекал весь ход истории: Польша «неминуемо должна была поплатиться жизнью за всю свою историю. Признаки этой наступающей расплаты были явны для всякого внимательного и разумного наблюдателя» [36, с. 152]. Вслед за С. М. Соловьёвым Д. И. Брянцев и П. А. Гейсман утверждали, что реформы только ускорили падение Польши или, как образно выразился П. А. Гейсман, «агонию безнадежно больного» [50, с. 12].

Успех преобразовательного движения в каждой стране, считал С. М. Соловьёв, зависит от того, сможет ли его удержать в своих руках правительство. В отношении Польши историк рассуждал в духе славянофильской традиции [36, с. 10]. Вывод его был следующим: «Но что бывает спасительно для крепких организмов, то губит слабые, и попытка преобразования только ускорила падение Польши» [36, с. 10]. Учёный признавал некоторые преобразовательные достижения польской стороны и лично короля [36, с. 151]. К тому же, по его мнению, слабой оказалась и личность короля [36, с. 10]. Конечный итог рассуждений С. М. Соловьёва крайне негативен для польской стороны: «Преобразовательная деятельность Станислава-Августа только слегка коснулась поверхности; поражённое неизлечимую болезнью, общественное тело способно было только к судорожному предсмертному движению» [36, с. 154]. Свою точку зрения он доказывал примером действий польского общества в период преобразований: «Всё ликовало, как будто бы стотысячная армия уже маневрировала под стенами Варшавы, и Европа с уважением смотрела на Польшу; никто не подумал о безделье: чем содержать стотысячное войско <...> В пылу восторга многие предложили добровольные пожертвования; но когда восторг охладел — пожертвования оказались ничтожными» [36, с. 154].

Однако большинство русских историков отказались впоследствии от этого положения С. М. Соловьёва. Так, Н. И. Кареев считал, что в результате реформ произошёл определённый сдвиг польского общества: в культуре, в народном образовании, в развитии искусств, промышленности [54, с. 56—64]. В данном случае Н. И. Кареев поддерживал точку зрения М. Бобжиньского, который высказывался в пользу «согласия с Россией», считая недалёковидной ориентацию «патриотической» группировки деятелей Четырёхлетнего сейма на Пруссию [54, с. 67]. В свою очередь М. К. Любавский считал, что «под управлением постоянного совета измученная страна отдохнула и ожила. Во всех сферах общественной жизни в короткое время сказался сильный прогресс» [55, с. 331]. Интересно, что подобную оценку периода реформ высказывал и М. О. Коялович. Он отмечал, что «за короткое время было сделано очень много полезных дел» [49, с. 353]. Это объясняется его мнением, что все эти реформы проводились российским правительством, вопреки воле польской реакционной шляхты. Историк А. Л. Погодин даже считал, что была, благодаря им, возможность избежать разделов: «польская шляхта создала новый строй, который мог бы поднять упавшую республику» [56, с. 132].

Россия, признавал С. М. Соловьёв, изначально была противником проведения в Польше конституционных реформ [36, с. 23]. Такой же была позиция её и после первого раздела: «соседи Польши давно уже вносили в свои договоры статью — поддерживать господство шляхетской демократии в Польше» [36, с. 3]. Принятие Конституции 3 мая учёный представлял в весьма карикатурном плане как заговор и сплошную неурядицу, обман и путаницу [36, с. 241—243]. Отдельно подчёркивалось С. М. Соловьёвым, что принятие конституции произошло путём заговора [36, с. 246]. Возникшее в Польше на основе реформ и принятия конституции патриотическое движение он называл «патриотическим фанатизмом» [36, с. 238]. Он, правда, приводил основные положения Конституции 3 мая, акцентируя внимание на усилении роли государственной власти, ликвидации *liberum veto*, получении прав городами, а также особо на конфессиональном вопросе, однако не давал никакой общей оценки характера этого документа, в том числе и с реалиями в соседних государствах [36, с. 242—243].

С. М. Соловьёв, как ещё Н. М. Карамзин, находил, что достаточным поводом для непризнания Россией Конституции 3 мая было оскорбление Её Императорского Величества через отказ новым законодательным актом от гарантии России в польском государственном устройстве. Исследователь, а вслед за ним и Н. И. Костомаров [52], ставил под сомнение законность майской конституции, так как она была принята посредством переворота. Учёный увидел в этом правоту русского правительства, отказавшегося от её признания [36, с. 247].

Историк признавал, что настоящей причиной позиции России было польско-российское противостояние относительно западнорусских земель. «Когда в Варшаве вздумали, — писал он, — восстановить дело Витовта, то вопрос этот получил для России настоящее значение; дело шло уже не о разделах Польши, а о соединении русских земель» [7636, с. 250]. Одновременно фактически приведёнными материалами С. М. Соловьёв показал решающую роль России в дипломатической игре относительно разделов: «Екатерина не хотела изменить своего прежнего взгляда, требовала, чтоб границы были установлены согласно договору» [34, кн. 15, т. 29, с. 91]. Ведущая роль России видна также из материалов, приведённых учёным, и в военном обеспечении разделов [34, кн. 14, т. 27—28, с. 519]. Он признавал, что судьбу Речи Посполитой решило именно российское военное вмешательство: «Судьба Польши решилась русским оружием: для этого императрица отправила Суворова» [36, с. 351]. Как и Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв представлял военный штурм восставшей Варшавы как просто военную операцию, хотя и признавал значительные потери среди гражданского населения: «Прага, состоявшая преимущественно из деревянных домов, представляла одни обгоревшие трубы и кучи пепла» [36, с. 353]. Более того, представленные историком документы свидетельствуют, что в условиях противоречий между Пруссией и Австрией, которая готова была даже отказаться от последующих разделов и вернуть Польше её земли, именно Россия оказалась той силой, которая поддержала разделы [36, с. 182].

Одной из причин разделов Речи Посполитой, выдвигаемой русской историографией и принятой С. М. Соловьёвым, ставшей также во многом и причиной неудач реформ, выдвигался польско-немецкий антагонизм. Исходя из него, делался вывод о том, что польские реформы не были опасны для России в отличие от Пруссии. Этот тезис получил широкую поддержку в русской науке (Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, М. О. Коялович и др.). Вслед за Ф. Смитом С. М. Соловьёв отмечал в своей «Истории...» польско-пруссский антагонизм на протяжении многих веков их соседского сосуществования. На основании этого он считал главным инициатором разделов Польши Фридриха II, который, по его словам, заставил склониться Россию и Австрию к разделам. Этот тезис историк обосновывал невозможностью Пруссии без участия России получить польские земли [34, кн. 14, т. 27—28, с. 469]. Подобной, отмечал исследователь, была также позиция и Австрии [34, кн. 14, т. 27—28, с. 474].

Одновременно историк утверждал, что пойти на раздел Польши Россию заставили Пруссия и Австрия [36, с. 133]. Учёный доказывал, что инициатором разделов была Пруссия [36, с. 195]. Более того, по его мнению, Пруссия сознательно пошла на поддержание антирусских настроений в Польше [36, с. 194]. Взгляды С. М. Соловьёва на права России и Пруссии на земли Речи Посполитой сходны с оценками его предшественников: Россия не хотела разделов, имела на Речь Посполитую полное влияние, и только стечение обстоятельств принудило её к разделам [39, с. 373].

Одну из причин разделов Речи Посполитой историк, вслед за Г. Зибелем, выводил из проблемы французской революции. Учёный показал готовность России участвовать в борьбе против революционной

Франции [36, с. 251]. Он признавал, что царица не ограничивалась этой задачей, а хотела, попутно отвлекая внимание, решить в свою пользу вопрос с Польшей. «Хлопоча о составлении и поддержании коалиции против Франции, — писал он, — Екатерина имела две цели: с одной стороны, она считала необходимым для безопасности престолов остановить революционные движения <...> С другой стороны <...> Екатерина хотела отвести внимание этих держав от востока на запад, приобрести этим для себя полную свободу действия, восстановить то блистательное положение России» [36, с. 252]. Подобную позицию, считал С. М. Соловьёв, заняли и союзники России [36, с. 260]. Этот тезис был принят впоследствии В. О. Ключевским. Он писал: «Екатерина <...> билась головой об стену, по её выражению, чтобы двинуть Австрию и Пруссию на революционную Францию <...> но втихомолку своим признавалась, что ей хочется впутать австрийцев и пруссаков во французские дела <...> Екатерине хотелось устроиться с Польшей по-своему. Но австрийцы и пруссаки хорошо разглядели шитую белыми нитками хитрость, вяло двигались на Францию, равнодушные к принципам, без огорчения несли потери на Рейне в чаянии добычи на Висле и отлично доделили Польшу при содействии и участии России» [2, т. 5, с. 58].

Историк С. М. Соловьёв подробно останавливался на рассмотрении политических и военных обстоятельств второго раздела Речи Посполитой. Вторжение русской армии в Польшу в 1792 году им оправдывалось как защита старого польского порядка (как и Н. М. Карамзин) и ответ на «оскорбления» российского императорского величества введением Конституции 3 мая. В результате, по его мнению, «судьба конституции 3 мая решилась на берегах Вислы, судьба Польши решилась на берегах Майна и Рейна» [36, с. 286].

Учёный, характеризуя причины второго раздела Речи Посполитой, указывал на ряд военно-политических и финансовых факторов, связанных с позицией Австрии и Пруссии [36, с. 299]. Он оправдывал решение российской императрицы пойти на второй раздел Речи Посполитой вопреки данному обещанию королю о сохранении территориальной целостности государства взамен за его переход на сторону Тарговицы [36, с. 285].

Первым в русской науке С. М. Соловьёв рассматривал восстание под руководством Т. Костюшко как часть польского вопроса в России в период разделов. Однако в отношении других польских восстаний историк ограничился в своей «Истории падения Польши» только констатацией негативных их последствий. Он выделял две важнейшие причины выступления 1794 года — крах майской конституции и второй раздел Речи Посполитой [36, с. 316]. Историк подчёркивал радикализм восстания, сравнивая его с французской революцией [36, с. 344—345]. Общий итог восстания и его возможные перспективы исследователь оценивал весьма кратко и однозначно: «Польша погибла потому, что истощала последние силы, и, проигравши сражение, выигрыш которого мог бы дать еще какую-нибудь, хотя слабую, надежду помериться с русскими силами» [36, с. 354].

На примере отношения восставших к решению крестьянского вопроса С. М. Соловьёв в очередной раз стремился продемонстрировать противоречия между участниками восстания — между Костюшко и большей частью шляхты [36, с. 344]. «В то время, когда Костюшко заставлял крестьян в рядах своих биться за *ойчизну*, — писал он, — шляхта обременяла жён и детей их *паньщизною*» (курсив авт. цитаты — *Т. К.*) [36, с. 343]. Крестьянский вопрос используется учёным для того, чтобы показать, насколько невелика была роль крестьянства в восстании и насколько далеки были друг от друга шляхта и крестьяне. Историк в принципе не считал польское восстание 1794 года народным как раз из-за неучастия в нём большинства крестьян. Учёный утверждал: «Придавленные крестьяне не понимали, какое у них может быть общее дело с шляхтою; не понимали, зачем они должны драться, чтоб дать торжество так называемой Польской республике над её врагами» [36, с. 343]. Это положение С. М. Соловьёва вполне вписывалось в славянофильские оценки общественного устройства Польши и было продолжено также в оценках известного либерального историка и полонофила Н. И. Кареева [7, с. 142].

Следует обратить внимание на стиль изложения данной проблематики С. М. Соловьёвым, следовавшим в этом за консервативной историографией. Отряды конфедератов он называл шайками или бандами, противники капитуляции короля в войне 1792 года получили у него прозвище «всякого сброда» [36, с. 77, 94]. Для полноты и объективности отметим, что также и В. О. Ключевский считал конфедератов шайками. В подобной манере С. М. Соловьёв представлял и действия королевского правительства: «Польское правительство перетрусилось, как нашалившее дитя, почуяв приближение гувернёра» [36, с. 263].

Отмечая существование польского вопроса на международной арене XIX века, С. М. Соловьёв признавал, что разделы Речи Посполитой не разрешили русско-польские противоречия. Дальнейшая проблематика польского вопроса на международной арене и в России в XIX веке рассматривалась учёным в ряде трудов [35; 38]. Историк отмечал роль польского вопроса в российско-французских [35, с. 66, 104, 132, 134, 142], в франко-русско-пруссских отношениях [35, с. 78, 103, 119, 140]. Внимание он уделял и планам решения польского вопроса как создания марионеточного государства Францией, а также восстановления Польши Александром I (предложения Чарторийского) [35, с. 53, 58, 74, 138—140, 152, 191—192]. Характерно, что, по мере приближения к современности, в специальных исследованиях польский вопрос получал всё меньше внимания, а работы С. М. Соловьёва все более проникались публицистическим содержанием.

Заключение. Приступая к оценке причин падения Польши, С. М. Соловьёв уже имел определённые модели ответов на столь сложный и политизированный для России вопрос, выработанный предыдущей историографической традицией. В результате историк выработал свой вариант объяснения данного исторического события, сочетая аргументы и доводы различных историографических направлений. Учёный в основном поддержал мнение о главных причинах падения Речи Посполитой в интерпретации консервативной историографии — это шляхетское государственное устройство и польский национальный характер. В расстановке приоритетов вокруг двух этих причин в русской науке наблюдались существенные расхождения: ряд русских историков, не только консервативной направленности (П. Д. Брянцев, Д. И. Иловайский, М. О. Коялович и др.), но и либеральной, как и С. М. Соловьёв (а также Н. И. Костомаров, А. С. Трачевский [51] и др.), выдвигали на первый план польский национальный характер как главную причину печального конца Речи Посполитой, считая «порочное» шляхетское общественно-государственное устройство только его следствием.

Исторические труды С. М. Соловьёва давали на основе новых теоретико-методологических основ иной взгляд не только на историю России, но и на всемирно-исторический процесс. Можно было предположить, что эти новые подходы проявятся также в одной из наиболее политизированных и сложных для русской науки тематике — истории Польши и российско-польских отношений, однако, как показывает анализ его исторической полонистики, этого в основном не произошло. Это объясняется как его общественно-политическими взглядами (своеобразное сочетание идей российского государственника и либерала-западника с рядом славянофильских идей), так и историософской концепцией (главным образом, роли государственного начала и идей отдельной исторической миссии России и Польши и, исходя из этого, обречённости на их неизбежное противоборство). На наш взгляд, как показывает историческая полонистика С. М. Соловьёва, в том числе и его интерпретация истории падения Речи Посполитой, полностью преодолеть крайности славянофильских взглядов ему не удалось, и в отношении истории Польши постепенная эволюция учёного к идеям «исторического призвания русского народа» проявилась наиболее отчётливо. С точки зрения автора статьи, С. М. Соловьёв определяется как либеральный историк, подходивший к изучению исторической полонистики, которая по причине исследуемой тематики стала частью его творчества, с позиций, близких славянофильской концепции.

В конкретно историческом преломлении проблемы, как производном от двух основных названных причин, С. М. Соловьёв видел главные причины падения Речи Посполитой в комплексе факторов. Они были обусловлены как историческим развитием Польши, так и политическими реалиями конца XVIII века: русским национальным движением, ведущимся под религиозным знаменем; изменой Польшей своей исторической миссии; в завоевательной политике Пруссии; в преобразовательных движениях XVIII века. Как и его предшественники в русле уже сложившейся историографической традиции, С. М. Соловьёв в числе государств — виновников разделов Речи Посполитой не отмечал Россию, считая, что она только возвратила западнорусские земли, в своё время отторгнутые Польшей.

Рассматривая историю падения Польши, С. М. Соловьёв приводил большое количество документальных материалов. Использовал историк, прежде всего, официальные документы, которые давали односторонний взгляд. Это были, в первую очередь, дипломатические документы, и, пересказывая или цитируя их, историк видел проблематику с позиций русских дипломатов. Учёный чаще всего ограничивался пересказом событий с официальных московских позиций, мало подвергая их аналитическому

рассмотрению, и таким образом следовал в основном за официальной позицией. Стиль изложения ряда положений, характеризующих польское общественно-государственное устройство, польский народ, характер русско-польских отношений, часто публицистический, допускались автором разного рода пренебрежительные пассажи и замечания.

Список цитируемых источников

1. Ключевский, В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В. О. Ключевский ; сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Александрова. — М. : Правда, 1990. — 624 с.
2. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987—1990.
3. Ключевский, В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский. — М. : Наука, 1968. — 525 с.
4. Милоков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Милоков. — Изд. 3-е. — СПб. : [б. и.], 1913. — 342 с.
5. Милоков, П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьёв, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) / П. Н. Милоков // Русская мысль. — 1886. — № VI.
6. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — Минск : Лучи Софии, 1997. — 688 с.
7. Кареев, Н. Н. Падения Польши в исторической литературе / Н. Н. Кареев. — М. : [б. и.], 1888.
8. Милоков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П. Н. Милоков. — М. : [б. и.], 1993—1995.
9. Пресняков, А. Е. С. М. Соловьёв в его влиянии на развитие русской историографии / А. Е. Пресняков // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР : сб. ст. — М.—Л., 1963. — С. 76—86.
10. Герье, В. И. С. М. Соловьёв / В. И. Герье // Ист. вестн. — 1880. — № I. — С. 74—111.
11. Довнар-Запольский, М. В. Исторический процесс русского народа в русской историографии / М. В. Довнар-Запольский // Рус. мысль. — 1902. — № 3. — С. 162—194.
12. Бестужев-Рюмин, К. Н. Биографии и характеристики / К. Н. Бестужев-Рюмин. — СПб. : [б. и.], 1882.
13. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. — М. : [б. и.], 1941. — 660 с.
14. Рубинштейн, Н. Л. С. М. Соловьёв и русская историческая наука / Н. Л. Рубинштейн // Вопр. истории. — 1945. — № 3—4.
15. Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М. В. Нечкиной. — М. : [б. и.], 1960. — Т. 2. — 862 с.
16. Сахаров, А. М. История России в трудах С. М. Соловьёва / А. М. Сахаров // Вестн. МГУ. Сер. IX. — 1971. — № 3.
17. Цамутали, А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. / А. Н. Цамутали. — Л. : [б. и.], 1977.
18. Черепнин, Л. В. С. М. Соловьёв как историк. История России с древнейших времен. Кн. I / Л. В. Черепнин. — М. : [б. и.], 1959. — 192 с.
19. Черепнин, Л. В. С. М. Соловьёв как историк / Л. В. Черепнин // Отечественные историки XVIII—XIX вв. : сб. ст., выступлений, воспоминаний. — М. : Наука, 1984. — 343 с.
20. Дмитриев, С. С. Историк Сергей Михайлович Соловьёв. Его жизнь, труды, научное наследие / С. С. Дмитриев, И. Д. Ковальченко // Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. — М. : [б. и.], 1988. — Кн. 1.
21. Иллерицкий, В. Е. Сергей Михайлович Соловьёв / В. Е. Иллерицкий. — М. : [б. и.], 1980. — 192 с.
22. Медушевский, А. Н. Гегель и государственная школа русской историографии / А. Н. Медушевский // Вопр. философии. — 1988. — № 3. — С. 101—115.
23. Киреева, Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. / Р. А. Киреева. — М. : [б. и.], 1983. — 214 с.
24. Дурновцев, В. И. Россия и Запад в контексте всемирной истории: К изучению научного наследия С. М. Соловьёва / В. И. Дурновцев // Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки. — М. : [б. и.], 1985. — С. 194—211.
25. Шаханов, А. Н. Архив С. М. Соловьёва / А. Н. Шаханов // Записки Отдела рукописей. — М. : [б. и.], 1986. — Вып. 45. — С. 27—46.
26. Шаханов, А. Н. Работа историка С. М. Соловьёва в архивах / А. Н. Шаханов // Совет. архив. — 1987. — № 2. — С. 40—45.
27. Волкова, И. В. «Новый период» истории России в трудах С. М. Соловьёва (из истории общественной мысли середины XIX в.) / И. В. Волкова. — М. : [б. и.], 1984. — 199 с.
28. Волкова, И. В. Историк С. М. Соловьёв и двухсотлетний юбилей Петра Первого / И. В. Волкова // История и историки. — М. : [б. и.], 1987. — С. 176—201.
29. Кашенко, С. Г. С. М. Соловьёв о роли географического фактора в истории России / С. Г. Кашенко // Вопр. истории СССР. — 1990. — Вып. 35. — С. 104—111.
30. Пичета, В. И. Введение в русскую историографию (историки и историография) / В. И. Пичета. — М.—Пг. : [б. и.], 1923.
31. Цимбаев, Н. И. С. М. Соловьёв как историк / Н. И. Цимбаев // С. М. Соловьёв. Избранные труды. Записки. — М. : [б. и.], 1983.
32. Цимбаев, Н. И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX в. / Н. И. Цимбаев. — М. : Изд-во МГУ, 1986. — 269 с.

33. Кручковский, Т. Т. Польская проблема в русской исторической мысли XIX — начала XX века: основные подходы и общественно-политические и исторические обстоятельства / Т. Т. Кручковский // *Вестн. ГрДУ*. — 2000. — № 3. — С. 9—20.
34. Соловьёв, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьёв ; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев ; вступ. ст. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриева. — М. : Мысль, 1988—1995.
35. Соловьёв, С. М. Император Александр I. Политика. Дипломатия / С. М. Соловьёв. — СПб. : [б. и.], 1877. — 582 с.
36. Соловьёв, С. М. История падения Польши / С. М. Соловьёв. — М. : [б. и.], 1863. — 369 с.
37. Соловьёв, С. М. Общедоступные чтения о Русской истории / С. М. Соловьёв. — М. : [б. и.], 1874. — 341 с.
38. Соловьёв, С. М. Восточный вопрос / С. М. Соловьёв // Сочинения. — СПб. : [б. и.], 1882. — Т. 1.
39. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. — Warszawa : Panst. wydaw. nauk., 1970. — 518 s.
40. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Т. Т. Кручковский // *Наш радавод*. — Гродно : [б. и.], 1994. — Кн. 6. — Ч. 2. — С. 218—417.
41. Кручковский, Т. Т. Проблема цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке русской историографии XIX — начала XX вв. / Т. Т. Кручковский // *История Польши в историографической традиции XIX — начала XXI вв. : материалы Междунар. науч. конф.* — Гродно : ГрГУ, 2011. — С. 24—35.
42. Кручковский, Т. Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. / Т. Т. Кручковский // *Славяноведение*. — 1993. — № 5. — С. 76—85.
43. Соловьёв, С. М. История падения Польши. Восточный вопрос / С. М. Соловьёв. — М. : АСТ : Астрель, 2003. — 364 с.
44. Смит, Ф. Фридрих II, Екатерина II и падение Польши / Ф. Смит. — СПб. : [б. и.], 1838.
45. Смит, Ф. Суворов и падение Польши / Ф. Смит. — СПб. : [б. и.], 1866. — 398 с.
46. Смит, Ф. Ключ к разрешению польского вопроса, или Почему Польша не могла и не может существовать как самостоятельное государство / Ф. Смит. — СПб. : [б. и.], 1865. — 82 с.
47. Герье, В. И. Борьба за польский престол в 1733 г. / В. И. Герье. — М. : [б. и.], 1862.
48. Аржакова, Л. М. Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века / Л. М. Аржакова // *Славяноведение*. — 2010. — № 1. — С. 44—54.
49. Коялович, М. О. Чтения по истории / М. О. Коялович // Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России. — М. : Тип. Бахметева, 1864. — 394 с.
50. Гейсман, П. А. Начало конца Польши. Введение в историю борьбы за объединение России при императрице Екатерине Великой / П. А. Гейсман, А. К. Ильенко. — СПб. : Тип. воен.-кн. маг. Н. В. Васильева, 1897. — 254 с.
51. Трачевский, А. С. Польское бескорольеве по прекращении династии Ягеллонов (1572—1573 гг.) / А. С. Трачевский. — СПб. : [б. и.], 1870.
52. Костомаров, Н. И. Последние годы Речи Посполитой / Н. И. Костомаров. — СПб. : [б. и.], 1869.
53. Коялович, М. О. Люблинская уния или последнее соединение Литовского княжества с польским королевством на Люблинском сейме 1569 года / М. О. Коялович. — СПб. : [б. и.], 1863. — 87 с.
54. Кареев, Н. Н. Польские реформы XVIII в. / Н. Н. Кареев. — СПб. : Тип. Стасюлевича, 1902. — 205 с.
55. Любавский М. К. История западных славян (прибалтийцев, чехов и поляков) / М. К. Любавский. — М. : Типография М. и С. Сабашниковых, 1918. — 477 с.
56. Погодин, А. Л. Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : Тип. К. Л. Миньшова, 1909. — 132 с.

Поступила в редакцию 30.03.2016.

УДК 930.2

Т. И. Леонченко

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Октябрьская, 5, 230023 Гродно, Республика Беларусь, +375 (152) 730 392, leon.t91@mail.ru

ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТРАКТОВКЕ РОССИЙСКОЙ ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена одной из актуальных проблем в современной методологии истории — предмету исторической науки. Автором проанализирована трактовка данного вопроса в российской позитивистской историографии. Цель исследования: представить общую постановку предмета истории в работах ведущих теоретиков «первого» позитивизма в России.

В основной части охарактеризованы представления российских учёных о конкретных задачах исторической науки, обозначено её место в системе научного знания. Показано, что отличало подходы исследователей к постановке и решению данной проблемы от установок классического позитивизма. Представлен взгляд учёных на природу закономерностей, действующих в истории, и то, какая наука должна заниматься их поиском и изучением. Выявлено, какое значение учёные придавали исследованию действия различных факторов в истории. Сделан вывод о том, что в истории учёные видели науку о конкретном прошлом, имеющую своим предметом индивидуальные события и явления. В то же время российские историки отстаивали научный статус истории как науки наряду с социологией, благодаря чему внесли значительный вклад в развитие теории и методологии истории.

Ключевые слова: предмет исторической науки; позитивизм; теория исторического процесса; историческая закономерность; многофакторный анализ.

Библиогр.: 11 назв.

T. I. Leonchenko

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 5, Oktyabrskaya str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (152) 73 03 92, leon.t91@mail.ru

THE SUBJECT OF HISTORICAL SCIENCE IN INTERPRETATION OF RUSSIAN POSITIVIST HISTORIOGRAPHY

The article deals with one of the most urgent issues of modern methodology of history — the subject of historical science. The author analyzes the interpretation of this issue in Russian positivist historiography. The goal of the present research is to provide an overview of the subject of history in the works of outstanding representatives of the “first” positivism in Russia.

The points of view of Russian scientists on the specific tasks of history, its place in the system of scientific knowledge are represented. The difference between two approaches — classical positivism and the researchers' of this issue — are revealed. The scientific idea on the nature of historical consistent patterns is described.

It is concluded that scientists considered history to be a branch of knowledge dealing with certain past and having separate events and phenomena as a subject. Russian historians did their best to defend the scientific status of history as a branch of science along with sociology, thus they contributed a lot to the development of the theory and methodology of history.

Key words: the subject of historical science; positivism; the theory of the historical process; the historical regularity; multifactorial analysis.

Ref.: 11 titles.

Введение. Проблема предмета истории как науки является одной из наиболее дискуссионных в современной историографии. В различных методологических направлениях и научных школах данная проблема трактуется по-разному (от утверждения, что история — наука сугубо об индивидуальном, до признания её наукой о законах). Многие учёные, размышлявшие о природе истории, давали собственное определение её предмета. В итоге в конце XX века был поставлен вопрос: имеет ли вообще история свой предмет исследования или он «растворяется» в предметах социальных наук?

Сегодня особо актуальным представляется переосмысление теоретико-методологического опыта, накопленного мыслителями прошлого. Отметим, что вопросы теории и методологии истории стали

активно разрабатываться с последней трети XIX века. Этот процесс в одинаковой степени охватил как страны Европы, так и Россию. Именно в это время происходили глубокие изменения во взглядах на предмет исторического изучения, природу истории как науки и её место в системе научного знания. Определённый вклад в исследование данных проблем внесли российские учёные, основная часть которых придерживалась традиций позитивистской философии в науке.

Позитивизм в России, как и в Европе, прошёл в своём развитии два этапа: от «первого» (классического) позитивизма до «второго» (критического). Научная мысль российской историографии «первого» позитивизма (1860 — середина 1890-х годов) вызывает особый интерес, поскольку формировалась она вполне самостоятельно. По авторитетному утверждению Н. И. Кареева, русская литература была одной из первых, где социологическая мысль пустила прочные корни [1, с. 28].

Предметом данного исследования является трактовка предмета истории как науки в трудах ведущих представителей российской позитивистской историографии рассматриваемого периода. Отметим, что в историографическом ключе данная проблема ранее специально не ставилась, хотя некоторые её вопросы затрагивались в более общих работах или трудах, посвящённых творчеству отдельных учёных. Ведущими авторами, изучающими развитие, проблемы и теоретико-методологические идеи российской историографии второй половины XIX — начала XX века, стали А. В. Малинов, Б. Г. Могильницкий, Г. П. Мягков, А. Н. Нечухрин, Т. И. Сидненко, П. С. Шкуринов и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Позитивистское течение в отечественной историографии рассматриваемого периода было представлено такими наиболее крупными исследователями, как В. О. Ключевский, П. Н. Милоков, И. В. Лучицкий, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов и др. Свой вклад в становление социологической мысли в России внесли также мыслители старшего поколения К. Д. Кавелин и В. В. Лесевич. Однако наибольшее влияние на вышеперечисленных историков оказала рождённая в недрах позитивизма «субъективная школа в социологии» (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский), идеологи которой одними из первых вступили на путь корректировки позитивистской модели исторического познания.

Отечественных историков привлекали в позитивистской концепции идеи об исторической эволюции человеческого общества, о его прогрессе, о закономерностях общественного развития. Широкое признание получила идея существования различных факторов, равноценных в своём влиянии на развитие общества, а также идея возможности объективного познания этого развития посредством применения методов естественных наук.

Предмет изучения какой-либо науки в позитивизме был тесно связан с её местом в классификации наук. Основная масса историков того времени принимала во внимание контовскую классификацию, которая предполагала деление наук на абстрактные, общие (изучающие законы определённых групп явлений) и конкретные, описательные (применяющие эти законы к различным существующим предметам). На вершине иерархии абстрактных наук, по мнению О. Конта, должна была находиться социология — наука, в задачу которой ставилось познание механизма развития общества. В отличие от неоконтианцев, позитивисты не противопоставляли жёстко науки описательные и обобщающие, а рассматривали эти группы как взаимодополняемые.

Собственно, в истории последователи О. Конта видели науку конкретную, изучающую индивидуальные события, явления и ситуации во всей исторической реальности. Социология же занимала второй уровень осмысления истории, становилась своего рода теорией исторического процесса, так как должна была выявить в нём закономерности и тенденции, показать общие схемы и структуры. Таким образом, историческая наука, изучая уникальные факты и описывая особенное и неповторимое, должна была накапливать и предоставлять материал для науки об обществе.

В целом, взгляд на приведённую выше классификацию наук и место в ней истории был общераспространённым среди российских исследователей. Так, И. В. Лучицкий задачу историка видел в «исследовании конкретных фактов, отдельных видов или подвидов, разновидностей, явлений общественной жизни и общественного развития», а социолога — в «открытии законов всех видов социальной деятельности и главным образом человеческого развития» [2, с. 18]. Историк должен, по мнению исследователя, показывать, как выведенные социологией общие законы действуют в определённой среде [2, с. 19]. Немного иначе на взаимодействие конкретных общественных наук с социологией

смотрел М. М. Ковалевский. Учёный считал, что конкретные науки об обществе «призваны, с одной стороны, поставлять социологии материал для её обобщений, а с другой — отправляться от установленных социологией законов при раскрытии собственных» [3, с. 56]. Н. И. Кареев также в задачу истории ставил исследование единичного и неповторяющегося: историю «интересует всё индивидуальное — личность, народ, событие, процесс, — отмеченное собственным именем, топографическим и хронологическим указанием» [4, с. 9]. Как и М. М. Ковалевский, он подчёркивал, что историческая наука должна подготавливать материал для социологии.

К определённым позитивистским установкам некоторые отечественные учёные подходили с иных позиций. Например, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский и другие исследователи в качестве основной науки, изучающей законы развития общества, наряду с социологией выделяли психологию, в которой О. Конт отрицал всякое научное значение [5, с. 426]. Это было связано, на наш взгляд, как с достижениями в области самой психологии, так и с влиянием субъективной школы в социологии. Собственно, контовская терминология разделения наук, по мнению Н. И. Кареева, также содержала в себе поводы для некоторых недоразумений. Поэтому русский учёный заменил её своей, более упорядоченной, терминологией: науки об общих законах были названы им «номологическими», а науки об определённых явлениях и феноменах — «феноменологическими» [4, с. 5].

Среди прочих учёных необходимо выделить позицию ещё одного оригинального историка — В. О. Ключевского, единственного представителя в позитивизме, в чьей концепции социология не противопоставлялась истории, а, наоборот, в неё включалась. Учёный В. О. Ключевский выделял две области исторического знания (историю цивилизации и историческую социологию), с которыми связывал задачи исследования и общего в историческом процессе, и особенного [6, с. 35]. Хотя указанные области имели свой предмет изучения, они выступали как взаимодополняемые и в тесной связи между собой образовывали историческую науку.

В целом, российские историки-позитивисты сходились в главном: и историческая наука, и социология имеют своей целью познание общественной жизни. Поскольку это знание должно быть объективным, то историкам следует изучать факты, используя научные методы. Следуя данной установке, отечественные учёные в скором времени разочаровались в соблюдении строгого фактографизма. Классический позитивизм требовал уделять основное внимание исследованию явления как такового, обстоятельств, при которых оно возникло, но не причин, обусловивших его возникновение. Ведущие русские теоретики признавали описательный характер исторической науки, но в простом фиксировании фактов увидели угрозу научному статусу истории, поскольку при таком подходе терялась целостность предмета исследования. Во многом это было связано с тем, что представители позитивизма в России сочетали разработку теоретико-методологических проблем общественных наук с конкретно-историческими исследованиями. Однако всё же достигнутые результаты ранних исторических работ некоторых учёных могли быть значительно выше, если бы не влияние позитивистского понимания предмета и задач исторической науки. Достаточно здесь вспомнить исследование И. В. Лучицкого по истории гугенотских войн во Франции, в котором учёному не удалось создать в полной мере цельную картину этого явления [7, с. 173].

Таким образом, российские историки хоть и видели в истории науку об индивидуальном, всё же считали необходимым выявление причинно-следственных связей событий прошлого, допускали возможность широких обобщений в нашей науке, которые, однако, не имели ничего общего с законами социологии. Так, М. М. Ковалевский писал: «Задачей истории является изображение в прагматической связи хода событий, из которых слагается жизнь наций или всего человечества. Каждое событие обуславливается, разумеется, массой причин и в свою очередь входит в сеть причин, вызывающих собою новые события. Только с этой стороны, со стороны изучения причинной связи явлений, история представляет нечто общее с социологией» [3, с. 39]. По Н. И. Карееву, история как наука устанавливает связи между отдельными конкретными фактами, как и другие науки, т. е. применяет идею каузальной (причинной) закономерности [4, с. 13]. Таким образом, учёный не сводит задачи истории к полной индивидуализации явлений. Напротив, он подчёркивает, что обобщения историков могут быть полезны, но необходимо помнить, что составленные ими формулы являются не законами истории, а только эмпирическими обобщениями, которые могут быть использованы социологией [4, с. 23].

Такая постановка задач истории и социологии говорит о том, что позитивисты не сомневались в самой идее о законосообразном развитии исторического процесса. Они воспринимали её как исходное положение, не требующее доказательств, поскольку в природе всё закономерно, а общество, как продукт эволюции, имеет органическую сущность и развивается по своим внутренним законам. Неодинаковым был, однако, взгляд учёных на природу этих законов. В существование исторической по своей природе закономерности верили И. В. Лучицкий, В. О. Ключевский, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов. В свою очередь Н. И. Кареев исторические законы относил к области химер и считал, что законосообразность, действующая в истории, социологическая и психологическая по своему характеру [4, с. 11], за что был подвергнут критике со стороны коллег. В данном вопросе Н. И. Кареев принципиально разошёлся с В. О. Ключевским, который как раз акцентировал внимание на том, что «исторические законы не психологические, не физиологические, не физические или социологические», а законы сложения всех этих сил [8, с. 84]. Так или иначе, учёные считали, что познание общих законов развития общества возможно, но надежду в этом деле они возлагали на социологию, а не на историческую науку. «Социология, — писал М. М. Ковалевский, — раскрывает причины порядка и движения человеческих обществ» [3, с. 40]. Однако и здесь были свои исключения. Напомним, что В. О. Ключевский не выделял историческую социологию как самостоятельную дисциплину, а потому открытие законов возлагал на историческую науку.

Поскольку позитивистская историография, в целом, отрицала возможность истории как науки выявлять закономерное в своём предмете, то и вопрос изучаемого исторического времени решался ею однозначно: история изучает конкретное прошлое, вплоть до настоящего момента. Следовательно, функцию прогнозирования будущего историческая наука не выполняет, но она помогает человеку понять настоящее. История, «изучая прошедшее, не ставит себе задачи пророчествовать о грядущем», — писал Н. И. Кареев [9, с. 69].

Фактически в позитивистской концепции предметом исторической науки являлась вся совокупность жизни общества на протяжении всего исторического процесса, как один раз данного и неповторимого. Сама же теория исторического процесса становилась динамической частью социологии. Рассматриваемые учёные, работая в сфере конкретных исторических исследований, стремились подготовить материал для социологических обобщений, в результате чего плодотворно совмещали работу историка и социолога. В этой связи можно полностью согласиться с выдвинутым Г. П. Мягковым положением о том, что Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, И. В. Лучицкий были историками в целях социологии [10, с. 126]. Однако многих отечественных исследователей не привлекала мысль возможной в будущем замены исторической науки социологией, поэтому большое внимание они уделяли идее сближения истории с естествознанием, разрабатывали объективный метод в исследовании прошлого, не отвергая наличие определённого субъективного элемента.

В позитивистской историографии существенно изменилось отношение к содержательной части предмета исторической науки. Задача расширения сферы исторических исследований была решена благодаря, во-первых, установке на целостный (многофакторный) анализ общественной жизни, т. е. изучение не только политической сферы жизни людей, но и экономических, юридических, культурно-нравственных и даже природных процессов, влияющих на развитие общества. Особенно тщательное внимание позитивисты уделяли экономическим отношениям. Наиболее ярко это проявилось в творчестве М. М. Ковалевского. Во-вторых, предметом истории стали не только отдельные личности, но и деятельность масс и социальных групп. «История призвана рассказывать биографию не только человека, но и человечества», — писал П. Г. Виноградов [11, с. 88].

Обе эти позитивистские установки были положительно оценены марксистской историографией. В то же время советские материалисты осуждали то, что не все российские учёные строго им следовали. Позитивисты в России большое внимание уделяли антропологическому фактору, что сказалось на их теоретических представлениях о роли личности и её свободы в истории. Стремление сочетать идею существования объективных законов развития общества с психосоциальной деятельностью иногда приводило к противоречиям в суждениях учёных. Например, П. Г. Виноградов в более поздних работах стал всё чаще высказывать мысли о случайном характере исторических фактов и событий [11, с. 84]. В некоторых вариантах (как в случае с Н. И. Кареевым) это стремление дало существенные результаты в разработке проблемы случайного и необходимого в развитии общества.

В целом, исторический процесс в построениях отечественных исследователей не был безличным, сознательная деятельность человека выступала как определяющий фактор прогресса внутри организованного общества. Тем не менее история в своих общечеловеческих масштабах, по мнению позитивистов, не была лишена объективной логики, взаимодействие всех факторов и исторических сил в итоге придавало ей поступательное, внутренне обусловленное движение.

Заключение. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что отечественные историки ценили такие установки классического позитивизма, как признание причинно-следственных связей, определяющих закономерное движение хода истории; генетический принцип исследования индивидуальных событий; включение в научный интерес «биографии масс». В то же время они подвергли критике чрезмерный объективизм О. Конта, фактографизм в историческом исследовании и отказались от жёсткого детерминизма экономического фактора. Допуская наличие субъективного элемента как на уровне исторической действительности, так и на уровне её познания, российские мыслители представили предмет исторической науки гораздо более сложным по своей природе, требующим скрупулёзного изучения и особого к себе отношения.

Тесное взаимодействие и сотрудничество истории и социологии привело к постановке требования достижения синтеза теоретического и конкретно-исторического подходов в изучении исторического прошлого. Более того, российские позитивисты успехи социологии, её прогресс напрямую связывали с достижениями в развитии самой исторической науки. В системе историко-теоретических взглядов И. В. Лучицкого, В. О. Ключевского, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова мы находим решительное утверждение научной и общественной значимости исторического познания. В работах рассматриваемых мыслителей чётко обозначено, что предмет исторического изучения строго различается в научном знании, он вполне самостоятелен и не растворяется в предметах других наук.

Таким образом, российская историография второй половины XIX в., эксплуатируя одни постулаты "первого" позитивизма и отвергая другие, внесла значительный вклад в разработку методологии и теории истории. Позитивизм на российской почве приобрёл в некоторой степени новое звучание и свои особенности, в том числе и в трактовке рассматриваемой проблемы. Однако необходимо признать и то, что существенные ограничения позитивистской интерпретации предмета истории не позволяли учёным верно представить всю полноту познавательных возможностей историка.

Список цитируемых источников

1. Кареев, Н. И. Основы русской социологии / Н. И. Кареев. — СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. — 368 с.
2. Лучицкий, И. В. Отношение истории к науке об обществе / И. В. Лучицкий // Знание. — 1875. — № 1. — С. 1—43.
3. Ковалевский, М. М. Сочинения : в 2 т. / М. М. Ковалевский ; под ред. А. О. Боронова. — СПб. : Алетей, 1997. — Т. I. Социология. — 288 с.
4. Кареев, Н. И. Основные вопросы философии истории: обе части в одном томе. Третье издание / Н. И. Кареев. — СПб. : М. М. Стасюлевич, 1897. — 457 с.
5. Герье, В. И. О. Конт и его значение в исторической науке / В. И. Герье // Вопр. философии и психологии. — 1898. — Год IX. — Кн. 43 (III). — С. 406-461.
6. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина ; послесл. В. А. Александрова. — М. : Мысль, 1987. — Т. I. Курс русской истории. — Ч. 1. — 430, [1] с.
7. Могильницкий, Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов / Б. Г. Могильницкий. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. — 408 с.
8. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина ; послесл. Р. А. Киреевой. — М. : Мысль, 1989. — Т. VI. Специальные курсы. — 476 с.
9. Кареев, Н. И. Историка : Теория исторического знания : Из лекций по общей теории истории / Н. И. Кареев. — СПб. : М. М. Стасюлевич, 1913. — 319 с.
10. Мягков, Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» / Г. П. Мягков. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2000. — 298 с.
11. Виноградов, П. Г. Избранные труды / П. Г. Виноградов ; сост. А. В. Антошенко. — М. : Рос. полит. энцикл., 2010. — 632 с.

Поступила в редакцию 23.09.2016.

УДК 930 : 39 (476)

А. У. Літвінскі

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, вул. Войкава, 21, 225404 Баранавічы, Рэспубліка Беларусь, +375 (163) 50 91 01, litvinski@inbox.ru

СЛАВЯНСКІ ЭТНАГЕНЕЗ У НАВУКОВЫХ ТВОРАХ БЕЛАРУСКІХ ДАСЛЕДЧЫКАЎ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX — ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

В представленной статье рассматривается вклад белорусских учёных второй половины XIX — начала XX века в исследование проблемы происхождения славян. Проводится краткий обзор историографии по теме статьи; определяется база и информационный потенциал источников, на основании которых подготовлена данная работа; лаконично характеризуются методологические принципы и методы исследования.

В статье показана определённая зависимость выводов белорусских исследователей по вопросам славянского этногенеза от существовавшей в рассматриваемый период европейской и российской славистической традиции. Проанализированы позиции белорусских учёных данного периода по следующим вопросам: место славян среди народов индоевропейской языковой семьи; соотношение славян и балтов в составе данной семьи; возможности использования лингвистических источников в ходе определения территории славянской прародины; локализация данной прародины.

Ключевые слова: этногенез; славяне; славистика; белорусские слависты; «балто-славянская проблема»; протокультура; прародина; белорусы.

Библиогр.: 31 назв.

A. B. Litvinski

Baranovich State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21, Voykova str., 225404 Baranovich, the Republic of Belarus, +375 (163) 50 91 01, litvinski@inbox.ru

SLAVIC ETHNOGENESIS IN THE SCIENTIFIC WORKS OF BELARUSIAN RESEARCHERS (SECOND HALF OF XIX — EARLY XX CENTURY)

The article discusses the contribution of Belarusian scientists of the second half of XIX — early XX century into the study of the Slavs origin problem. An overview of the historiography on the subject of the article is conducted; the information potential of the used sources on the basis of which the present work is written is identified; the methodological principles and research methods are described.

The article illustrates dependence of the findings of Belarusian researchers of Slavic ethnogenesis from existing at a certain period European and Russian Slavic Studies traditions. The point of view of Belarusian scientists of that period is analyzed on the following issues: the place of the Slavs among the peoples of the Indo-European language family; the ratio of the Slavs and Balts in the composition of this family; the possibility to use linguistic sources when identifying the territory of the Slavic ancestral homeland; localization of the ancestral home.

Key words: ethnogenesis; the Slavs; the Slavic Studies; Belarusian Slavic Studies scientists; “Balto-Slavic problem”; proto-culture; the ancestral homeland; Belarusians.

Ref.: 31 titles.

Уводзіны. Паходжанне славян як навуковая праблема прыцягвала ўвагу шматлікіх айчынных і замежных даследчыкаў. Безумоўна, яна мае грамадскую і навуковую актуальнасць і ў наш час. Грамадскую — таму што размова ідзе пра паходжанне продкаў сучасных народаў славянскай моўнай групы; навуковую — таму што дадзеная праблема дагэтуль вельмі далёкая ад вырашэння, якое задаволіла б пераважную большасць гісторыкаў і археолагаў, лінгвістаў і этнографіаў, генетыкаў і антрапологаў.

Пры гэтым трэба зазначыць, што сама логіка навуковай дзейнасці вымагае перыядычнага звяртання да напрацовак прадстаўнікоў ранейшых пакаленняў. Нездарма ж любая сур’ёзная праца па славяназнаўстве насычана спасылкамі на работы папярэднікаў, як правіла, найбольш аўтарытэтных. Адпаведным чынам, узнікае неабходнасць у правядзенні даследаванняў гістарыяграфічнага характару

і публікацыі іх вынікаў. У дадзеным артыкуле разглядаюцца асноўныя тэндэнцыі вывучэння праблемы паходжання славян айчыннымі спецыялістамі (гісторыкамі, мовазнаўцамі, этнографамі, фалькларыстамі, краязнаўцамі), чыя навуковая дзейнасць разгарнулася ў другой палове XIX — пачатку XX стагоддзя. Высвятленне гэтых тэндэнцый, іх лаканічная характарыстыка і складае мэту артыкула.

У выдадзеных раней працах, дзе знайшоў адлюстраванне працэс развіцця беларускай славістыкі, пытанні даследавання айчыннымі навукоўцамі этнагенезу славян фактычна не вылучаліся ў асобны сюжэт і разглядаліся ўскосна, перш за ўсё, у агульным рэчышчы станаўлення і развіцця беларусказнаўства. Да такіх прац найбольшай значнасці належаць работы А. М. Пыпіна [1, с. 125—173], Я. Ф. Карскага [2, с. 199—429], М. В. Доўнар-Запольскага [3, с. 392—402], В. К. Бандарчыка [4—7], Д. У. Карава [8], І. А. Марзалюка [9], а таксама дзве калектыўныя працы савецкіх славістаў [10—11]. Пэўны ўклад у даследаванні праблемы ўнёс і аўтар гэтых радкоў, у работах якога адлюстраваны яе некаторыя аспекты [12—14]. Аднак выкладанне ў сістэматызаваным выглядзе матэрыялу па тэме робіцца аўтарам менавіта ў дадзеным артыкуле. Пры гэтым пэўныя пазіцыі ўдакладняюцца і канкрэтызуюцца ў параўнанні са зместам нашых ранейшых прац, у тым ліку, і ў параўнанні з манаграфіяй.

Матэрыял і метады даследавання. Фонд крыніц па тэме складаецца з прац беларускіх славістаў азначанага перыяду. Асабліваю цікавасць для даследчыкаў маюць навуковыя творы А. С. Будзіловіча [15—18] і Я. Ф. Карскага [2; 19; 20], у якіх даволі выразна выкладзены канцэптуальныя пазіцыі аўтараў па праблеме паходжання славян. Некаторыя аспекты тэмы высвятляюцца ў працэсе аналізу работ М. В. Каяловіча [21; 22], А. П. Сапунова [23], М. В. Доўнар-Запольскага [24; 25], Е. Р. Раманава [26; 27], А. Я. Багдановіча [28]. Існуючая база крыніц стварае перадумовы плённага даследавання, у выніку якога можна сфармуляваць высновы з дастаткова высокім узроўнем верыфікаванасці.

У працэсе навукова-гістарычнага аналізу гэтага комплексу крыніц можна высветліць ступень зацікаўленасці даследчыкаў славяназнаўчай праблематыкай, ацаніць узровень іх навуковай падрыхтоўкі, іх метадалагічныя пазіцыі (у пэўных выпадках), прыхільнасць тагачасных айчынных рупліўцаў навукі да таго або іншага варыянту славістычнай традыцыі, якая намаганьнямі еўрапейскіх і расійскіх даследчыкаў ужо склалася да сярэдзіны XIX стагоддзя. А самае галоўнае — крытычны аналіз прац пералічаных вышэй аўтараў дазволіць ахарактарызаваць іх пазіцыі па шэрагу актуальных і тады, і цяпер пытаньнях славянскага этнагенезу.

У ходзе даследавання аўтар артыкула прытрымліваўся метадалагічных прынцыпаў аб'ектыўнасці і гістарызму. Прымяняліся наступныя метады навукова-гістарычнага даследавання: гісторыкагенетычны, параўнальна-гістарычны, структурна-функцыянальны, а таксама комплексны міждысцыплінарны падыход, які прадугледжвае крытычны аналіз гістарычнай, гістарыяграфічнай, крыніцазнаўчай, археалагічнай, этналагічнай, этнаграфічнай, лінгвістычнай інфармацыі.

Мы разумеем, што ўключэнне ў склад беларускіх даследчыкаў М. В. Каяловіча, А. С. Будзіловіча, Я. Ф. Карскага, А. П. Сапунова, Е. Р. Раманава, А. Я. Багдановіча і нават М. В. Доўнар-Запольскага можа выклікаць прэрэчэнні сярод апанентаў, паколькі фактычна ўсе названыя не лічылі сябе беларусамі ў тым сэнсе, у якім успрымаюць і разумеюць беларускую ідэнтычнасць нашы сучаснікі. Аднак, у адпаведнасці з прынцыпам гістарызму, нельга было б ад іх чакаць праяў стоадсоткавай беларускасці ва ўмовах, калі беларуская нацыянальная ідэя і тая ж беларуская ідэнтычнасць толькі фарміраваліся. Таму мы палічылі мэтазгодным у дадзенай сітуацыі кіравацца фактарамі «зямлі і крыві» і аднесці іх да беларускіх навукоўцаў. Больш падрабязная аргументацыя па гэтым дыскусійным пытанні выкладзена ў прадмове да манаграфіі аўтара дадзенага артыкула [14, с. 8, 9]. Таксама там абгрунтаваны наш падыход да забеспячэння карэктнасці перакладу з рускай мовы на беларускую пры цытаванні крыніц [14, с. 11, 12].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Цікавасць да праблемы паходжання славян на працягу XIX стагоддзя займела некалькі аспектаў. З аднаго боку, яна сталася праяваю агульнага патрыятычнага ўздыху славянскіх народаў. Пошук сваіх каранёў у такіх умовах выглядаў цалкам натуральна. З другога боку, даследаванні этнагенетычнага характару, з пэўным адценнем рамантызму, часам наіўнага, былі ўласцівыя еўрапейскай навуцы дадзенага перыяду і знаходзіліся ў рэчышчы развіцця

гуманітарыстыкі таго часу. Іншымі словамі, да 1860-х — 1870-х гадоў быў закладзены даволі трывалы падмурак славістыкі. На гэтай базе разгортваліся далейшыя даследаванні, у тым ліку і па праблеме паходжання славян. Беларускія навукоўцы пры гэтым арыентаваліся на ўжо існаваўшую ў той час еўрапейскую і расійскую славістычную традыцыю, пра што сведчаць шматлікія па-рознаму аформленыя спасылкі на творы тагачасных навуковых аўтарытэтаў (і тэкставыя, і пазатэкставыя).

У працэсе вырашэння гэтай праблемы навукоўцы зыходзілі з факту прыналежнасці славянскіх моў да індаеўрапейскай сям'і. Адпаведным чынам, у пэўных работах айчынных даследчыкаў рабіліся спробы неяк інтэрпрэтаваць дадзены факт. Праўда, гэтыя інтэрпрэтацыі часам неслі на сабе відавочны адбітак тэрміналагічнай блытаніны. А. П. Сапуноў, напрыклад, адзначаў: «Верагодней за ўсё, скіфы не складалі адной народнасці; але ў Скіфіі, па сваёй колькасці і значэнні, пераважалі арыіцы, менавіта славяне; асабліва гэта трэба сказаць пра скіфаў-арыітых, што жылі па Дняпры» [23, с. 4]. З кантэксту фразы вынікае, што «арыіцамі» А. П. Сапуноў называў усе народы, індаеўрапейскія па мове. Тэрмін «скіфы» ён ужываў для вызначэння не столькі этнамоўнай, колькі тэрытарыяльнай супольнасці.

Такое размеркаванне тэрмінаў шмат у чым тлумачылася тагачаснай навуковай традыцыяй, паводле якой доўгі час індаеўрапейскія народы сапраўды называліся арыіскімі (не будзем забывацца на тое, што станаўленне індаеўрапеістыкі як самастойнай навуковай дысцыпліны адбывалася на грунце зацікаўленасці індыйскаю культураю і, у прыватнасці, санскрытам). Аднак у часы, калі разгарнулася навуковая творчасць А. П. Сапунова, уяўленне пра непасрэднае паходжанне славян ад арыяў ужо не карысталася прызнаннем у сур'ёзных навукоўцаў.

Своеасабліваю даніну састарэлай да яго часу навуковай традыцыі таксама аддаў і А. Я. Багдановіч. «Няма сумнення, што і славянскія народы ў тыя аддаленыя часы, калі яны жылі на сваёй праадзіме, дзесьці каля горнага хрыбта Гіндукуш, адносна гор падзялялі першабытныя погляды роднасных плямён», — упэўнена (і памылкова) сцвярджаў у сваім этнаграфічным нарысе бацька выдатнага беларускага паэта, калі высвятляў вытокі архаічных вераванняў беларусаў [28, с. 26].

Ні А. П. Сапуноў, ні А. Я. Багдановіч не былі прафесійнымі мовазнаўцамі, і брак ведаў часам быў прычынай не вельмі абгрунтаваных высноў, якія рабілі гэтыя даследчыкі. У сваю чаргу, А. С. Будзіловіч і Я. Ф. Карскі, якія мелі акадэмічную мовазнаўчую падрыхтоўку, зразумела, больш сур'ёзна ставіліся да вырашэння пытання аб месцы славянскіх моў у індаеўрапейскай сям'і і таму ўстрымліваліся ад катэгарычных сцвярджэнняў аб непасрэдным паходжанні славян ад арыяў. А. С. Будзіловіч добра ўсведамляў тое, што славянская мова ў сваім развіцці зазнала пэўную эвалюцыю. Ён вылучаў некалькі лексічных пластоў у славянскай мове і далёка не ўсе словы адносіў да непасрэднай спадчыны гіпатэтычнай індаеўрапейскай мовы, адносячы значную частку іх да пазнейшых часоў [17, с. VII—IX, XVI, 48—51].

Даследчык Я. Ф. Карскі палічыў неабходным адзначыць факт існавання адносна адзінага індаеўрапейскага народа «ў часы дагістарычных», мяркуючы, што тады гэты народ «не падзяляўся яшчэ прыкметна на плямёны, размаўляў адной моваю, адрозніваўся падабенствам нораваў і звычаяў, меў аднолькавыя рэлігійныя вераванні» [20, с. 1]. З гэтай нагоды варта адзначыць, што мовазнаўца тут выявіў сябе прыхільнікам тэорыі «генеалагічнага дрэва», паводле якой мовы нібыта адгаліноўваюцца ад агульнага ствала, паступова разыходзячыся ў часе і прасторы. І сапраўды, ён у іншай працы звярнуў увагу свайго чытача на тое, што ў старажытнасці існавала «адно непадзелнае індаеўрапейскае племя» [19, с. 5]. Прычыну распаду гэтага «племені» Я. Ф. Карскі тлумачыў такім чынам: «Але па меры росту гэтага народу ад яго пачалі аддзяляцца новыя галіны, што пайшлі ў іншыя краіны, якія адрозніваліся сваімі асаблівасцямі; тут часта даводзілася ім таксама сустракацца з народамі іншых плямёнаў, якія размаўлялі на чужой для іх мове. Усё гэта ўплывала на мову народных мас, што сюды выселіліся. Зрабіўшыся асобнымі, самастойнымі народнасцямі, гэтыя плямёны ў большай або меншай ступені змянілі і сваю агульную дзедаўскую мову» [20, с. 1].

Як вынікае з гэтых слоў, Я. Ф. Карскі прызнаваў, што міжмоўныя кантакты маглі істотна паўплываць на працэс фарміравання новай мовы, аднак вырашальным фактарам глотанезу ён, на наш погляд, усё ж такі лічыў фактар унутраных моўных інавацый, для якіх знешняе ўздзеянне магло служыць каталізатарам, але не больш за тое. Дарэчы, так або прыкладна так і сам Я. Ф. Карскі, і іншыя айчынныя даследчыкі тлумачылі факт распаду славянскай супольнасці на асобныя падгрупы і народы па аналогіі з індаеўрапейскай супольнасцю.

Яшчэ адным аспектам вывучэння славянскага этнагенезу была (як і цяпер ёсць) так званая балта-славянская праблема. Як вядома кожнаму, хто на даволі высокім навуковым узроўні даследуе паходжанне славян, дадзеная праблема зводзіцца да пошуку адказу на пытанне: ці прызнаваць існаванне ў часе і прасторы пэўнай стадыі балта-славянскага адзінства, як прамежкавай на шляху фарміравання асобнай славянскай мовы, ці тлумачыць гэтую з’яву з пункту гледжання міждыялектных кантактаў, сцвярджаючы пры гэтым, што балцкая і славянская мовы паасобку вылучыліся з індаеўрапейскай сям’і? Гэтай праблеме беларускія славісты ўдзялялі, аднак, мала ўвагі. Характарызуючы этнічную гісторыю Беларусі, Я. Ф. Карскі абмежаваўся, напрыклад, вельмі лаканічнай заўвагай. «Тут жыло тое племя, якое паслужыла прататыпам славянам і літоўцам», — зазначаў аўтар фундаментальнага твора «Белорусы» [2, с. 33]. Аднак далей на старонках гэтага твора ён не апелюе да гэтай праблемы, ведучы размову ў дадзеным кантэксце толькі пра славян і славянскія народы. Прыведзеная вышэй цытата нясе ў сабе зусім мала інфармацыі, і таму нельга ўпэўнена ахарактарызаваць пазіцыю навукоўца па «балта-славянскай» праблеме.

Даследчык А. П. Сапуноў таксама выказаўся па гэтай праблеме вельмі сцісла, мімаходзь. «Народы племені літоўскага, што жылі тут таксама, разам з братамі сваімі славянамі, старабыльцы на сваёй зямлі», — вось такая нешматслоўная сентэнцыя віцебскага гісторыка з гэтай нагоды [23, с. 8]. Наўрад ці тут варта бачыць прызнанне нейкага асаблівага балта-славянскага адзінства, тым больш, што А. П. Сапуноў быў схільны лічыць славян аўтахтонамі Усходняй Еўропы і бачыў іх нават там, дзе іх адмаўляліся бачыць сур’ёзныя навуковыя аўтарытэты — яго сучаснікі. Аб гэтым сведчыць вось такая фраза: «Славяне са старажытнейшых ужо часоў жывуць на сваіх карэнных месцах, і Усходняя Еўропа, ад берагоў Чорнага мора да берагоў Балтыйскага, была заселена толькі славянамі, менавіта рускімі» [23, с. 9].

Значна больш увагі тагачасныя беларускія славісты ўдзялялі праблеме вызначэння славянскай прарадзімы. Акрамя зразумелай навуковай зацікаўленасці, так бы мовіць, «агульнаславістычнага» характару, яны ў гэтым пытанні кіраваліся неабходнасцю вызначыць месца беларусаў сярод іншых славянскіх этнічных супольнасцей. І дадзены матыў быў для іх, бадай што, больш важным у параўнанні з імкненнем даследаваць працэс паходжання славян. З пералічаных вышэй імёнаў выключэннем з дадзенага правіла быў толькі А. С. Будзіловіч, якога нельга назваць беларусазнаўцам, аднак якраз ён і ўнёс найбольшы ўклад у даследаванне праблемы вызначэння прарадзімы нашых продкаў у параўнанні з іншымі айчыннымі навукоўцамі. Гэтаму, як і іншым аспектам славянскага этнагенезу, прысвечана яго праца «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным: исследование в области лингвистической палеонтологии славян» [17; 18], якую можна было б назваць фундаментальнай для таго часу, калі б не той факт, што яна не была скончана аўтарам.

Паколькі А. С. Будзіловіч быў лінгвістам, то і зразумела, што менавіта інфармацыю лінгвістычных крыніц ён паклаў у аснову сваёй навуковай рэканструкцыі. Шлях, які абраў навуковец, дазволіў яму з дастатковай ступенню верыфікаванасці своеасабліва чынам «аднавіць» протакультуру першых, яшчэ адносна непадзеленых славян (зразумела, з той агаворкаю, што даследаванне ўсё ж такі не было даведзена да канца). Такі шлях стаўся плённым і для наступных пакаленняў даследчыкаў, перш за ўсё, індаеўрапеістаў і славістаў — дастаткова ў якасці добра вядомых зацікаўленаму чытачу прыкладаў узгадаць працу Т. В. Гамкрэлідзэ і В. У. Іванава [29], а таксама працу А. М. Трубачова [30].

Высновы, да якіх прыйшоў А. С. Будзіловіч, наступныя: 1) рэгіён першапачатковага жыхарства славян (ці іх непасрэдных продкаў) быў багаты на лясы і балоты, але далёкі ад мора [17, с. 289]; 2) «неабходна меркаваць, што праславяне жылі ва ўмераным поясе Старога Свету і прытым у еўрапейскай яго частцы» [17, с. 370]; 3) прарадзіма славян знаходзілася паміж Падняпроўем, уключаючы яго тэрыторыю, і Карпатамі [17, с. 390—392].

Такім чынам, аўтар схіляўся да адносна ўсходняга варыянту лакалізацыі прарадзімы славян у параўнанні, да прыкладу, з Вісла-Одэрскай гіпотэзай.

Зазнала пэўную, хаця і не вельмі значную эвалюцыю, пазіцыя Я. Ф. Карскага па гэтым пытанні. Калі ў 1903 годзе славуты беларусазнаўца ўзгадаў «Прыкарпацка-Прыпяцкую тэорыю прарадзімы славян» [2, с. 70], то ў 1916 годзе ён бачыў першапачатковую тэрыторыю рассялення гіпатэтычнага

праславянскага этнасу ў водазборы «Прыпяці, верхняга Нёмана і ніжняй Беразіны» [19, с. 11]. Магчыма, гэтая эвалюцыя тлумачылася распаўсюджаннем папулярнага сярод беларусазнаўцаў пераканання, што беларусы якраз і складаюць першапачатковы, чысты, у пэўным сэнсе гэтага слова, тып славянства. Са спасылкай на выдатнага чэшскага славіста Л. Нідэрле, які ўжо на мяжы XX—XXI стагоддзяў займаў вядомасць у якасці класіка славяназнаўства, Я. Ф. Карскі сцвярджаў, што беларусы з'яўляюцца «больш чыстымі прадстаўнікамі» славян «у адносінах антрапалагічных» [2, с. 34]. Адсюль па-свойму лагічна вынікаў тэзіс, паводле якога прарадзіму славян трэба шукаць на тэрыторыі Беларусі.

З некалькі іншых пазіцый фактычна падтрымаў сцвярджэнне Я. Ф. Карскага аб антрапалагічнай чысціні славянскага тыпу ў беларусаў М. В. Доўнар-Запольскі. Паводле яго тлумачэння, «беларускае племя ў сваім гістарычным мінулым не злівалася з іншымі народамі, у той час як вялікаросы, займаючы землі фінскіх плямёнаў, змешваліся з імі», а ўкраінцы змешваліся з цюркамі [31, с. 259].

Айчынныя даследчыкі, нягледзячы на прыкметную тэндэнцыю паглыбляць карані славянства, а можа, і ў рэчышчы гэтай тэндэнцыі, у прынцыпе разумелі, што продкаў славян неабходна шукаць сярод супольнасцей, з большай або меншай паўнатаю апісаных антычнымі аўтарамі яшчэ да таго, як этнонім «славяне» (у розных варыянтах яго перадачы на літаратурных мовах позняй антычнасці і ранняга Сярэднявечча) трапіў на старонкі гістарычных крыніц.

Радыкальны пункт гледжання ў дадзеным кантэксце быў выказаны А. П. Сапуновым, які даволі неразборліва залічваў да славян і значную частку скіфаў, і сарматаў, і неўраў, і венетаў/венетаў (вінідаў, па яго тэрміналогіі) [23, с. 3—9]. Напэўна, тут мы маем справу са спрошчаным поглядам даследчыка на этнагенез, паводле якога пад улік бярэцца, перш за ўсё, непарыўная пераемнасць пакаленняў, якая нібыта забяспечвае этнічную пераемнасць. Аднак этнагенез — працэс значна больш складаны, і таму нельга некрытычна залічваць да славян прадстаўнікоў тых супольнасцей, адносна якіх у нас няма дакладнай інфармацыі пра іх мову і этнічную самасвядомасць.

Як гісторык, Я. Ф. Карскі па гэтым пытанні выказваўся не так радыкальна, як А. П. Сапуноў, але і ён лічыў продкамі славян неўраў, будзінаў і венетаў [2, с. 37—39]. Пры гэтым класіка беларусазнаўства наўрад ці бянтэжыла немагчымасць правесці непарыўную лінію ад гэтых старажытных супольнасцей да гістарычных славян. Аднак, з іншага боку, трэба ўлічыць, што такія погляды тады былі даволі папулярнымі ў еўрапейскай і расійскай славістыцы.

Заклучэнне. Беларускія славяназнаўцы, чыя навукова-творчая дзейнасць прыпала на другую палову XIX — пачатак XX стагоддзя, унеслі пэўны ўклад у вырашэнне міждысцыплінарнай навуковай праблемы паходжання славян. У той або іншай ступені яны выкарыстоўвалі напрацоўкі сваіх папярэднікаў і сучаснікаў — еўрапейскіх і расійскіх славістаў. Адсюль вынікала ў некаторых выпадках пэўная другаснасць, несамастойнасць пазіцый па дадзенай праблеме такіх навукоўцаў, як А. П. Сапуноў і А. Я. Багдановіч. Абодва яны значна больш упэўнены адчувалі сябе як беларусазнаўцы, а вось у асвятленні пытанняў славістыкі мусілі апелываць да навуковых аўтарытэтаў і часам рабілі гэта без належнай ступені крытычнасці.

Больш грунтоўнымі былі навуковыя пазіцыі А. С. Будзіловіча і Я. Ф. Карскага, якія, таксама арыентуючыся на існуючую славістычную традыцыю, выказвалі свае дастаткова аргументаваныя погляды па пытаннях паходжання славян. Можна сцвярджаць, што якраз лінгвістычная па сваім характары аргументацыя пэўных поглядаў па пытаннях славянскага этнагенезу была найбольш пераканавачай у навуковых творах айчынных славяназнаўцаў.

Даследчык А. С. Будзіловіч нават зрабіў у цэлым удалую для свайго часу спробу рэканструкцыі протакультуры самых першых славян і адказаў на пытанне аб іх прарадзіме. Неаднойчы асвятляў дадзенае пытанне і Я. Ф. Карскі, пазіцыя якога зазнала пэўную эвалюцыю. Наогул, амаль усе беларускія даследчыкі азначанага перыяду, з большай або меншай ступенню аргументацыі, схіляліся да думкі пра аўтахтоннасць славян на тэрыторыі Усходнеёўрапейскай раўніны і пра беларусаў як прадстаўнікоў найменш змененага тыпу славян.

Спіс цытаваных крыніц

1. Пыпин, А. Н. История русской этнографии : в 2 т. / А. Н. Пыпин. — СПб. : [б. и.], 1892. — Т. 4. Белоруссия и Сибирь. — 488 с.
2. Карский, Е. Ф. Белорусы / Е. Ф. Карский. — Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1903. — Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. С приложением двух карт. — 10, 467 с.
3. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. — Мінск : БелЭн, 1994. — 510 с.
4. Бандарчык, В. К. Гісторыя беларускай этнаграфіі. Пачатак XX ст. / В. К. Бандарчык. — Мінск : Навука і тэхніка, 1970. — 123 с.
5. Бандарчык, В. К. Гісторыя беларускай савецкай этнаграфіі / В. К. Бандарчык. — Мінск : Навука і тэхніка, 1972. — 168 с.
6. Бандарчык, В. К. Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст. / В. К. Бандарчык. — Мінск : Навука і тэхніка, 1964. — 232 с.
7. Бандарчык, В. К. Еўдакім Раманавіч Раманаў : Жыццё і навуковая дзейнасць / В. К. Бандарчык. — Мінск : Выд-ва Акадэміі навук БССР, 1961. — 305 с.
8. Карев, Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев / Д. В. Карев. — Вильнюс : ЕГУ, 2007. — 312 с.
9. Марзалюк, І. А. Міфы «адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі : манаграфія / І. А. Марзалюк. — Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. — 148 с.
10. Славяноведение в дореволюционной России : библиогр. слов. — М. : Наука, 1979. — 426 с.
11. Славяноведение в дореволюционной России: изучение южных и западных славян. — М. : Наука, 1988. — 682 с.
12. Літвінскі, А. У. Паходжанне славян у навуковай інтэрпрэтацыі Я. Ф. Карскага / А. У. Літвінскі // Историко-философские и социально-политические аспекты сохранения национальной идентичности белорусского общества : Дню Победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается : материалы Респ. науч.-практ. конф., 17 апр. 2015 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол. : А. В. Никишова (гл. ред.), А. В. Демидович (отв. ред.) [и др.]. — Барановичи : БарГУ, 2015. — С. 41—44.
13. Літвінскі, А. У. Уклад А. С. Будзіловіча ў развіццё славістыкі / А. У. Літвінскі // Специалист XXI века: психолого-педагогическая культура и профессиональная компетентность : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 22 окт. 2015 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол. : А. В. Никишова (гл. ред.), А. В. Прадун, А. А. Селезнёв (отв. ред.) [и др.]. — Барановичи : РИО БарГУ, 2015. — С. 180—183.
14. Літвінскі, А. У. Развіццё беларускай славістыкі ў другой палове XIX — пачатку XX стагоддзя : манаграфія / А. У. Літвінскі. — Баранавічы : РВА БарДУ, 2015. — 167 с.
15. Будилович, А. С. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы : в 2 т. / А. С. Будилович. — Варшава : [б. и.], 1892. — Т. 1. — 8, 463 с.
16. Будилович, А. С. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы : в 2 т. / А. С. Будилович. — Варшава : [б. и.], 1892. — Т. 2. — 400 с.
17. Будилович, А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным: исследования в области лингвистической палеонтологии славян / А. С. Будилович. — Киев : Тип. М. П. Фрица, 1878—1879. — Ч. 1. Вып. 1—2. — 22, 392, 15 с.
18. Будилович, А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным: исследования в области лингвистической палеонтологии славян / А. С. Будилович. — Киев : Тип. К. Н. Милевского, 1882. — Ч. 2. Вып. 1. — 153 с.
19. Карский, Е. Ф. Белорусы / Е. Ф. Карский. — М. : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1916. — Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. — Вып. 1. Народная поэзия. — 14, 557 с.
20. Карский, Е. Ф. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским / Е. Ф. Карский. — 13-е изд. — Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1908. — 4, 104 с.
21. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. — М. : [б. и.], 1864. — 348 с.
22. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России профессора М. Кояловича / М. О. Коялович. — Новое изд., перераб. и доп. с 1-го изд. 1864 г. — СПб. : [б. и.], 1884. — 349 с.
23. Сапунов, А. П. Река Западная Двина / А. П. Сапунов. — Витебск : Типо-литография Г. А. Малкина, 1893. — 4, 512, 71 с.
24. Довнар-Запольский, М. В. Исследования и статьи / М. В. Довнар-Запольский. — Киев : [б. и.], 1909. — Т. 1. Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. — 487 с.
25. Довнар-Запольский, М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия / М. В. Довнар-Запольский. — Киев : [б. и.], 1891. — 7, 170 с.
26. Романов, Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. — Витебск : Типо-литография Г. А. Малкина, 1887. — Вып. 3 : Сказки. — 444 с.
27. Романов, Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. — Витебск : Типо-литография Г. А. Малкина, 1891. — Вып. 4 : Сказки космогонические и культурные. — 220 с.
28. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов : Этнографический очерк / А. Е. Богданович. — Гродно : Губерн. тип., 1895. — III, 186 с.
29. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. — Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. — 1330 с.
30. Трубочёв, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян : Лингвистические исследования / О. Н. Трубочёв. — М. : Наука, 2003. — 489 с.
31. Русская история в очерках и статьях / под ред. М. В. Довнар-Запольского. — М. : [б. и.], 1904. — Т. 1. — 607, 2, 8 с.

Поступила в редакцию 16.09.2016.

УДК 069:351.853

А. Ю. Маршала

Харьковская государственная академия культуры, Министерство культуры Украины, Бурсацкий спуск, 4,
61057 Харьков, Украина, (057) 731 51 05, iu.marshala@yandex.ru

АРХИТЕКТУРА ШКОЛ ВОЕННЫХ КАНТОНИСТОВ В ОКРУГАХ ВОЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ 2-Й УЛАНСКОЙ ДИВИЗИИ

В статье рассматривается проблема возведения школ военных кантонистов в округе Чугуевского уланского полка Слободско-Украинского военного поселения кавалерии. В частности, на основе анализа современного состояния школьных домов, которые сохранились до сегодня в г. Чугуеве и с. Коробочкино, исследуются архитектурные и конструктивные особенности данного вида строений. Автором рассматриваются также особенности, существовавшие в процессе обучения и в составе изучаемых дисциплин различных категорий военных кантонистов, которые выделяли как по возрасту, так и по физическому состоянию.

Ключевые слова: военные поселения; 2-я уланская дивизия; школы военных кантонистов; архитектура; строительство.
Библиогр.: 24 назв.

A. Ju. Marshala

Kharkov State Academy of Culture, Ministry of Culture of Ukraine, 4, Bursatski spusk,
61057 Kharkov, Ukraine, (057) 731 51 05, iu.marshala@yandex.ru

SCHOOLS FOR MILITARY CANTONISTS IN THE DISTRICTS OF THE 2ND UHLAN DIVISION MILITARY SETTLEMENTS

The article deals with the problem of building schools for military cantonist schools existence in the districts of Slobodsko-Ukrainian military cavalry settlements. In particular, architectural and design features of school buildings in the town of Chuguyev and village of Korobochkino are studied via analysis of current state of old schools.

The choice of academic subjects and the peculiarities of educational process for military cantonists of different age and physical state are considered.

Key words: military settlements; the 2nd Uhlан Division; schools for military cantonists; architecture; building.
Ref.: 24 titles.

Введение. Военные поселения как особая система организации армии в первой половине XIX века охватывали часть западных и юго-западных губерний Российской империи. В частности, полки 2-й уланской и 2-й кирасирской дивизий получили оседлость в Слободско-Украинской губернии. Военно-поселенная система, которая была учреждена в целях перевода войск на самообеспечение, привела к значительным изменениям во всех сферах жизни населённых пунктов, вошедших в состав поселенных округов. Изменения претерпели не только органы управления, экономическая организация, социальная сфера, но и архитектурный облик городов и слобод, в которых было развёрнуто масштабное строительство. Таким образом, военные поселения выступают сложным, многогранным историческим явлением, требующим детального изучения, как в целом, так и отдельных его аспектов. Достаточно интересным является знакомство со школами военных кантонистов, основным предназначением которых была подготовка кадров для действующей армии и поселенных полков из среды сыновей военных поселян. Для размещения данных школ возводили специальные здания, отдельные образцы которых сохранились до настоящего времени в архитектурном ансамбле г. Чугуева и с. Коробочкино, входивших в состав округа военного поселения Чугуевского уланского полка. Сооружения нуждаются в детальном изучении как с точки зрения

конструктивных особенностей, так и с позиции знакомства с историческим периодом, в котором они были построены, однако комплексное изучение памятников не было произведено.

Цель и историография. Целью статьи является исследование архитектуры зданий школ военных кантонистов, сохранившихся в застройке г. Чугуева и с. Коробочкино, в контексте знакомства с процессом их учреждения и функционирования, а также особенностей обучения кантонистов.

Проблема существования школ военных кантонистов, как и в целом военных поселений, со второй половины XX — начала XXI века привлекала интерес исследователей. Так, в работах В. Л. Цубенко [1] и К. М. Ячменихина [2] в контексте изучения процессов функционирования военно-поселенной системы рассматривается институт военных кантонистов, в частности, основные моменты обучения кантонистов, обеспечения и содержания школ. Вопросам организации школ военных кантонистов в округах военных поселений на территории Беларуси посвящён ряд научных работ Ю. А. Блашкова [3; 4]. В статье В. К. Ячменихина [5] исследуется в целом институт военных кантонистов на протяжении всего периода его существования от создания в начале XVIII века до ликвидации в 50-е годы XIX века, а также изучаются школы кантонистов поселенных войск.

Результаты исследования и их обсуждение. Военными кантонистами называли сыновей военных поселян и коренных жителей военно-поселенных округов [6, с. 27]. Кроме того, сюда же причисляли и воспитанников военно-сиротских отделений, которые Указом от 21 января 1824 года были переданы в управление главного над военными поселениями начальника графа А. А. Аракчеева [7, с. 35] для преобразования по образцу кантонистских школ, существовавших в военных поселениях [7, с. 37]. Кантонисты из военно-сиротских отделений могли быть переведены в округа военных поселений [8, т. 32 с. 140], где обучались в школах и отдавались на воспитание поселянам [8, т. 33, с. 365]. Все кантонисты разделялись на три возраста: малый — до 7 лет, средний — с 7 до 12 лет, большой — с 12 до 18 лет, при этом кантонисты первой категории оставались с родителями, а сиротам назначали опекунов из военных поселян-хозяев [6, с. 28]. Кантонисты среднего возраста также продолжали жить дома, посещая школы и получая от государства обмундирование [6, с. 32, 34]. В школах изучали чтение и письмо гражданской грамоты, чтение церковной грамоты, Закон Божий, арифметику [9, с. 15]. Обучение кантонистов проходило по таблицам и книгам, подготовленным специальной комиссией составления учебных пособий кантонистам под председательством графа Е. К. Сиверса, в состав которой входили также генерал Пермский — директор 1-го кадетского корпуса, генерал Петров, флигель-адъютант полковник Клейнмихель, священник Г. П. Павловский, статский советник К. О. Тимковский, коллежский ассессор Н. И. Греч — почётный библиотекарь Императорской публичной библиотеки [10, с. 393].

Кантонисты старшего возраста разделялись на две категории — способные к строевой службе, из числа которых при каждом поселенном полку формировались учебные эскадроны кантонистов [11, с. 871], и неспособные к службе, по причине телесных недостатков, что состояли при мастерах и обучались различным ремёслам [6, с. 45]. Так, в 1818 году из Серпуховского уланского полка были отданы неспособные к службе кантонисты в возрасте от 13 до 17 лет в г. Харьков на обучение портняжному, медному, кузнечному, слесарному и столярному делам, а также в обойщики [12, л. 1]. Следует отметить, что мастера-ремесленники набирали кантонистов в ученики по собственному желанию [12, л. 3]. В 1820 году командиром 2-й уланской дивизии Юзефовичем 142 кантониста были также отправлены в Москву на обучение различному мастерству [13, л. 1]. По достижении 18-летнего возраста кантонисты из учебных эскадронов поступали на службу в действующие полки рядовыми и только после трёхлетней службы могли быть произведены в унтер-офицеры [11, с. 874]. Прилежная служба давала возможность выходцам из военных кантонистов сделать военную карьеру. Так, в своих воспоминаниях И. Е. Репин отмечал, что его дядя, Дмитрий Степанович, будучи выходцем из кантонистов, служил эскадронным командиром кирасирского полка [14, с. 44]. Выпуск происходил каждый год в декабре по назначению начальника дивизии и утверждению корпусного командира [11, с. 874]. Неспособные к строевой службе кантонисты могли быть также причислены к полкам, в число штабных мастеровых или вернуться к родителям и заниматься ремеслом самостоятельно [6, с. 46—47].

Сведения о быте военных кантонистов содержатся в воспоминаниях М. А. Кретчмера, состоявшего в кантонистском эскадроне при Екатеринославском кирасирском полку 2-й кирасирской дивизии

[8, ст. 33, с. 368]. Автор в целом даёт негативную оценку как процессу обучения [8, т. 33, с. 273—274], так и условиям жизни военных поселян [8, т. 33, с. 368—369], описывает плохое качество возведённых для школы в с. Сватова Лучка плетнёвых зданий [8, т. 33, с. 373—374]. М. А. Кретчмер отмечает, что в кантонистских школах военной муштре уделялось значительно большее внимание, нежели изучению наук. Так, к примеру, кантонисты должны были владеть всеми ружейными приёмами, а также палашом и пикой, уметь ездить верхом, знать особенности гарнизонной службы. При этом обучение проходило с применением деревянных ружья, палаша и пики, так как настоящего оружия в учебных эскадронах не было [8, т. 33, с. 370—371]. По окончании обучения кантонисты сдавали экзамен в г. Чугуеве в специально устроенном комедийном корпусе, после чего поступали в войско [8, т. 33, с. 379]. Таким образом, подготовка военных кантонистов заключала в себе как изучение различных дисциплин, которое происходило в школах, так и обучение военному делу — в учебных эскадронах. Кроме того, кантонисты, по состоянию здоровья не способные к службе, также получали профессию, обучаясь ремёслам.

Процесс упразднения военно-поселенной системы привёл к ликвидации школ военных кантонистов. Так, в Манифесте от 26 августа 1856 года в числе прочих положений были статьи, предписывающие навсегда исключить из военного ведомства кантонистов и иных детей, к нему принадлежащих, а также прекратить отпуск на них продовольствия и содержания из казны [15, с. 795].

Школы военных кантонистов учреждались в каждом поселенном эскадроне и представляли собой архитектурный комплекс, состоящий из школьного дома, соединённого с часовней, здания мастерской и школьного двора [9, с. 5—6]. До настоящего времени сохранились собственно школьные дома в г. Чугуеве, который выступал не только штаб-квартирой 2-й уланской дивизии, но и центром всех поселенных округов Слободско-Украинского военного поселения кавалерии, а также в с. Коробочкино, входившем в состав 2-го поселенного эскадрона Чугуевского уланского полка. Следует отметить, что в первые годы существования военно-поселенной системы в населённых пунктах, выступающих штаб-квартирами поселенных эскадронов, обязательно возводили два каменных здания, дополненных хозяйственными постройками: одно из них предназначалось для размещения школы военных кантонистов, совместно с эскадронным комитетом и часовней, второе — для эскадронных лавок и содержания пожарных инструментов. В 1820-х годах в г. Чугуеве и с. Коробочкино были построены оба здания. В 1824 году каменный дом для школы с часовней и дом для эскадронных лавок и пожарных инструментов в с. Ко-робочкино были построены вчерне [16, с. 108]. Следовательно, строительство зданий было окончено, но отделочные работы не производились. Однако уже в отчёте по военным поселениям за 1826 год данные строения, равно как и школьный дом в г. Чугуеве, значатся как полностью оконченные [17, с. 105—106]. Здания имели единое конструктивное решение и декоративное оформление, с той разницей, что в с. Коробочкино они образовывали архитектурный ансамбль полукруглой площади, а в г. Чугуеве располагались в начале и конце ул. Николаевской (сейчас ул. Карла Либкнехта), в отдалении друг от друга, создавая композиционное единство одной из центральных улиц города.

Анализ картографических материалов позволяет утверждать, что уже при составлении планов населённых пунктов военно-поселенных округов 2-й кирасирской дивизии дома для эскадронного комитета и школы военных кантонистов обозначали как отдельные [18, л. 3; 19, л. 6; 20, л. 2], при этом эскадронные лавки в планировке отсутствуют. Произошли изменения также и в распределении помещений чугуевских и коробчанских зданий. Так, на карте г. Чугуева 1838 года дом для эскадронных лавок обозначен как место расположения волостного (эскадронного) комитета, отделённого от школы, сохранившей своё расположение [21, с. 17—18]. Здание эскадронных лавок в с. Коробочкино было приспособлено под квартиру штаб-офицера, а школа и эскадронный комитет продолжали функционировать в одном сооружении [22, с. 49]. Следует отметить, что все четыре здания сохранились до наших дней. Таким образом, административный и общественный центр населённых пунктов — штаб-квартиры поселенных эскадронов — обозначался несколькими зданиями, в состав которых входили также школы военных кантонистов.

К строительству школьных зданий выдвигался ряд требований. Так, внутренняя планировка школьного дома должна была быть следующей: в центре сени, с правой стороны был зал для школы, с левой — для расположения старших классов, в случае недостатка места в школьном зале имелись помещения для караульни, чтобы отцы кантонистов, будучи на службе, могли наблюдать за обучением

своих детей, на чердаке — большая комната для проживания учителей [9, с. 6]. Также в школе располагалась часовня, в которую можно было войти как из сеней, так и из школьных комнат [9, с. 6—7]. Следует отметить, что школьные дома, как в г. Чугуеве, так и в с. Коробочкино, полностью отвечали обозначенным требованиям и сегодня сохраняют секционную планировку и состоят из просторных комнат. Требования, выдвигаемые к школам военных кантонистов, касались не только внутренней планировки зданий, но и иных конструктивных особенностей. Так, для предотвращения распространения в школьных комнатах сырости и холода пол необходимо было утверждать на балках, под которыми укладывали слой глины высотой в 4 вершка, а также оставляли воздушную прослойку такой же высоты [9, с. 8]. Окна, для лучшего освещения помещений, а также необходимости расположения на стенах обучающих таблиц, должны были располагаться на высоте 2,5 аршина от пола. Кроме того, для очищения воздуха в комнатах в некоторых окнах устраивали вентиляторы [9, с. 8]. Следовательно, здания для школ военных кантонистов должны были быть комфортными как для проведения уроков (т. е. иметь просторные школьные комнаты), так и для длительного нахождения в них детей.

Внутреннее убранство школьной комнаты состояло из расположенного возле входа учительского стола с табуретом, шкафа для хранения учебных пособий, а также ученических столов, стоящих один за другим и рассчитанных каждый на 10 кантонистов [9, с. 9—10]. Столы были трёх видов — для письма на песке, на досках и на бумаге. Стол для письма на песке имел по периметру специальные планки, и его поверхность полностью покрывалась песком. Для выравнивания песка перед и после урока применялись специальные дощечки с рукоятками [9, с. 11]. На верхней крышке стола для письма на досках прибавляли через определённое расстояние гвозди для вешания таблиц, а на поверхности стола для письма на бумаге делали специальные углубления для чернилниц. К каждому столу крепилась скамья [9, с. 12]. Кроме того, в школьных комнатах должны были быть настенные часы, а у учителя — колокольчик [9, с. 14].

Исследование сооружений, которые сохранились в г. Чугуеве и с. Коробочкино, позволяет познакомиться с архитектурным решением школьных домов. Так, оба здания являются кирпичными, оштукатуренными и состоят из трёх объёмов — центральной двухэтажной части и боковых одноэтажных. Следует отметить, что в домах для школ военных кантонистов центральная часть выступает из плоскости дворового фасада. Украшением главного фасада, а также входом в строение служит расположенный в центральной части портик, состоящий из двух не имеющих базы колонн тосканского ордера и двух прямоугольных пилонов, которые, не выступая из плоскости стены, образуют лоджию. Сейчас в здание школы в с. Коробочкино ведёт один входной проём, который располагается между двумя окнами центральной части; в школьном доме, который сохранился в г. Чугуеве, их три: один по центру, два других ведут непосредственно в боковые части здания, при этом в начале XIX века вместо центрального входа находилось широкое окно. Устройство дополнительных входов, как и перестройка дверного проёма в оконный, вероятно, произошли уже после ликвидации военных поселений, с целью использовать просторный вестибюль в качестве дополнительной комнаты. Тосканский ордер поддерживают также гладкие поверхности архитрава. Антаблемент зданий является неполным — отсутствует фриз, поэтому непосредственно над архитравом располагается высокий треугольный фронтон, который в XIX веке украшали прямоугольное слуховое окно в полуциркулярной нише, декорированное профилированным архивольтом, и поштукатуренный деревянный карниз софитного типа, остатки которого сохранились на одном из сооружений. Архитектурное решение фронтона главного фасада повторяется также на боковых и дворовом фасадах. По периметру здание венчает простой ступенчатый карниз.

Другим функциональным элементом фасада является ряд прямоугольных окон, симметрично расположенных на центральной и боковых частях здания. Общая монументальность сооружений и анализ архитектурных приёмов, которые использовались в архитектуре периода классицизма, позволяет утверждать, что оконные проёмы имели декоративное оформление, составить общее представление о котором помогает почтовая открытка начала XX века из собрания Художественно-мемориального музея И. Е. Репина, изображающая здание школы военных кантонистов в г. Чугуеве. Так, надоконье двух окон центральной части декорировано фронтонами, которые опираются на камушки, окна второго этажа украшает выносная плита, оконные проёмы боковых частей — сандрики и наличники. Таким

образом, дома для школ военных кантонистов в г. Чугуеве и с. Коробочкино представляли собой здания, возведённые в стиле классицизма и имеющие достаточно изысканную архитектуру.

В 1850-х годах в доме для школы военных кантонистов в г. Чугуеве размещалась бригадная и полковая канцелярии [22, с. 119], после ликвидации военно-поселенной системы в 1859—1861 годах и до начала XX века — городская управа, со второй половины XX века и до сегодня — городской Дом детского и юношеского творчества. Следует отметить, что за строениями школы и эскадронных лавок в с. Коробочкино закрепилось общее название «Волостная управа», в них на протяжении XX века располагалась общеобразовательная школа. В 1963 году постановлением Совета Министров УССР здание школы военных кантонистов в г. Чугуеве и комплекс Волостной управы в с. Коробочкино были признаны памятниками архитектуры государственного значения с присвоением охранных номеров 705 и 716 [23]. За почти двухсотлетнее существование сооружения утратили первоначальное декоративное решение фасадов, была частично произведена перепланировка внутренних помещений. Так, в ведомостях о памятниках архитектуры Харьковской области, подготовленных областным отделом строительства и архитектуры в 1964 году, отмечено, что памятник архитектуры — Городская управа в г. Чугуеве (школа военных кантонистов) — нуждается в проведении реставрационных работ, поскольку архитектурные формы здания, особенно портик, были повреждены предыдущими ремонтными работами [24, л. 2].

Заключение. В состав социальной структуры военно-поселенных округов в качестве особой категории входил институт военных кантонистов, основной целью которого было комплектование кадрами поселенных полков из числа сыновей военных поселян. Образование военных кантонистов имело особенное значение, для чего в военных поселениях учреждались специальные школы, обучение военному делу происходило в учебных эскадронах, сформированных из кантонистов старшего возраста. Таким образом, поступающие в войско солдаты и унтер-офицеры из числа бывших военных кантонистов были всесторонне подготовлены к воинской службе.

Сохранившиеся до сегодня в г. Чугуеве и с. Коробочкино здания кантонистских школ были возведены в стиле классицизма, характерного для архитектуры военных поселений. Архитектурное решение данных зданий соответствовало требованиям, выдвигаемым к подобному роду сооружений, — школьные дома являются кирпичными с секционной планировкой и просторными школьными залами. Следует отметить, что указанные строения постепенно теряют существовавшее в начале XIX века декоративное оформление фасадов, кроме того, не сохранилось также внутреннее убранство комнат.

Список цитируемых источников

1. Цубенко, В. Л. Військові поселення кавалерії на території України: особливості та загальні тенденції існування / В. Л. Цубенко. — Одеса : [б. в.], 2008. — 455 с.
2. Ячменихин, К. М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия / К. М. Ячменихин. — Чернигов : [б. и.], 2006. — 444 с.
3. Ячменихин, В. К. Институт военных кантонистов в структуре русской армии / В. К. Ячменихин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. — 2000. — № 1. — С. 55—68.
4. Проект учреждения о военном поселении пехоты. Ч. 2 : Особенные установления, к устройству военного поселения пехоты принадлежащие. — СПб. : [б. и.], 1817. — 97 с.
5. Приказы Главного над военными поселениями начальника, генерала графа Аракчеева и Начальника штаба по воле Его отданные, по отделениям военных кантонистов в 1824 г. — СПб. : [б. и.], 1824. — 538 с.
6. Воспоминания М. А. Кретчера // Ист. вестн. — 1888. — Т. 32. — С. 125—141 ; Т. 33. — С. 361—380.
7. Учреждение о военных поселениях. Ч. 6 : Руководство к учреждению школ для кантонистов среднего возраста по методу взаимного обучения и к управлению оными. — СПб. : [б. и.], 1819. — 120 с.
8. Греч, Н. И. Воспоминания о моей жизни / Н. И. Греч. — М.-Л. : [б. и.], 1930. — 896 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. — Т. 11 (1836 г.). — СПб. : [б. и.], 1837. — 896 с.
10. Государственный архив Харьковской области. — Ф. 3. Оп. 32. Д. 256. 109 л.
11. Государственный архив Харьковской области. — Ф. 3. Оп. 44. Д. 110. 10 л.
12. Репин, И. Е. Далёкое — близкое / И. Е. Репин. — М. : [б. и.], 2002. — 384 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. — Т. 31 (1856 г.). — СПб. : [б. и.], 1857. — 1111 с.
14. Отчёт по военным поселениям за 1824 г. — СПб. : [б. и.], 1825. — 160 с.
15. Отчёт по военным поселениям за 1826 г. — СПб. : [б. и.], 1827. — 150 с.

16. Государственный архив Харьковской области. — Ф. 25. Оп. 38. Д. 791. 5 л.
17. Государственный архив Харьковской области. — Ф. 25. Оп. 38. Д. 807. 6 л.
18. Государственный архив Харьковской области. — Ф. 25. Оп. 38. Д. 781. 7 л.
19. Украинские военные поселения, 5, 6, 7 и 8 кавалерийские округа за 1838 г. К 1 января 1849. — [Б. м., б. и.], 1849. — 29 с. : 8 л. карт.
20. Военно-статистическое обозрение Харьковской губернии. Сведения специальные / Сост. Генерального Штаба капитан Мочульский // Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального Штаба. — Т. 12. — Ч. 1. — СПб. : Тип. Департамента Генер. Штаба, 1850. — 151 с.
21. Про впорядкування справи обліку та охорони пам'яток архітектури [Електронний ресурс] : постанова Ради Міністрів Української РСР № 970 від 24.08.1963 р. : в ред. постанови Верховної Ради України від 10 жовтня 2012 р. № 929. — Режим доступу: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/970-63-%D0%BF>. — Дата доступу: 10.03.2016.
22. Государственный архив Харьковской области. — Ф. Р5696. Оп. 1. Д. 526. 46 л.

Поступила в редакцию 08.06.2016.

УДК 341.251.1.-232.37

И. И. Янушевич

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 647 22 37, ivan-jan@yandex.ru

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «СОЮЗА БЕЗБОЖНИКОВ» В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ (1924—1934 ГОДЫ)

В статье рассматривается ситуация с финансированием «Союза безбожников». Созданное в Москве по инициативе атеистически настроенных граждан «Общество друзей газеты “Безбожник”» должно было стать всесоюзной организацией. Добровольное общество, выполняющее важную идеологическую функцию, нуждалось в обеспечении средствами. Государственными и партийными органами предпринимались меры по формированию системы финансирования антирелигиозной работы и данного объединения как центрального звена агитационно-пропагандистского механизма. Проанализированы организационный потенциал и перспективы развития антирелигиозной структуры в условиях формирования новой модели государственно-церковных отношений. Определены основные источники поступления средств. Установлено, что общество безбожников не могло обеспечить достаточное финансирование организации самостоятельно. Рассмотрены скрытые формы государственного субсидирования антирелигиозной работы и механизмы получения средств от общественных организаций и хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: «Союз воинствующих безбожников»; финансовое обеспечение; антирелигиозная работа.

Библиогр.: 16 назв.

I. I. Yanushevich

Belarusian State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
4, Nezavisimosti ave., 220030 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 647 22 37, ivan-jan@yandex.ru

FINANCIAL SUPPORT OF THE ACTIVITY OF THE UNION OF ATHEISTS IN THE SOVIET BELARUS (1924—1934)

The article observes the situation with the Union of atheists financing. The “Society of friends of the ‘Bezbozhnik’ (atheist newspaper)” created in Moscow at the initiative of atheistic adjusted citizens was supposed to become the all-Union organization. The volunteer society carrying out an important ideological function needed financial support. The government and party bodies undertook measures for formation of financing system of antireligious work and this society as the central link of agitation and propaganda system. The institutional capacity and prospects of antireligious structure development in the conditions of forming a new model of the state and church relations are analyzed in this article. The main sources of funds receipt are defined.

It is established that the society of atheists couldn't provide sufficient financing for the organization itself. The latent forms of the state subsidizing of antireligious work and mechanisms of receiving means from public organizations and economic entities are considered. The reasons which led to almost complete termination of receipt of the funds from own authorized activity are considered. Insufficient financing of the society of atheists led to destruction of its managerial structure and almost complete stopping of antireligious propaganda.

Key words: “Union of militant atheists”; financial providing; antireligious work.

Ref.: 16 titles.

Введение. Провозглашённая компартией задача построения безрелигиозного общества в социалистическом государстве столкнулась с непреодолимыми препятствиями уже в самом начале своего выполнения. Проводимые атеистические агитационно-пропагандистские кампании показывали низкую эффективность даже в организационном плане, не говоря уже об их реальном влиянии на религиозность населения. В 1923—1924 годах на самом высоком партийном уровне указывалось на уродливые последствия насаждения безбожия административными мерами. Необходимо было выработать новую тактику реализации своей политики по отношению к религии и церкви. В стране имелось определённое

количество людей, придерживающихся точки зрения правящей партии, что религиозные верования являются препятствием на пути прогрессивного развития человечества. Власть была заинтересована в подобном движении, однако с тактической точки зрения в государстве, официально объявившем о нейтралитете по отношению к религии и церкви, финансирование какого-то добровольного общества было бы идеологической ошибкой. Компартия, в программе которой антирелигиозная работа обозначалась как одно из основных направлений идеологической работы, и официальная власть ещё не воспринимались как единый организм. Необходима была видимость государственного нейтралитета в соответствии с конституцией и законодательством. Поэтому созданный в 1925 году «Союз безбожников» (далее — СБ) (с 1929 года «Союз воинственных безбожников» (далее — СВБ)) следовало позиционировать движением передовой части населения и соответствующим образом обеспечивать его материально. Попытка исследования данного процесса и будет предпринята в статье.

Методология и методы исследования. Изучение вопроса финансового и материального обеспечения структур СБ-СВБ в СССР не проводилось. Источниковую базу исследования составляет делопроизводственная документация Центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Беларуси (далее — ЦК КП(б)Б), Народного комиссариата внутренних дел БССР (НКВД), БССР, Центрального совета (ЦС) СВБ и Комиссии культов ЦИК СССР. Это во многом определяет методологию исследования, основой которой является диалектическая теория познания, принципы конкретно-исторического и комплексного исследования, научные принципы исторического познания — историзм и объективность. Принцип историзма исходит из положений диалектической логики и предполагает рассмотрение фактов и исторических событий в соответствии с конкретно-исторической обстановкой, в их взаимной связи и обусловленности. Любое явление следует изучать в развитии, не изолированно, а в связи с другими. Принцип объективности основывается на изучении закономерностей, которые определяют процессы общественно-политического развития, на рассмотрении каждого явления в его противоречивости и многогранности с учётом всех фактов в их совокупности. Синхронно-логический метод позволяет раскрыть взаимосвязь одновременных событий. К общенаучным относятся исторический и логический методы. Использование исторического метода обусловлено необходимостью воспроизведения исследуемого явления как процесса в развитии со всеми его общими и индивидуальными чертами. К этой же группе относятся сравнительно-исторический и структурно-системный методы. Первый имеет целью установить общие тенденции и выявить пути их развития. Второй позволяет восстановить процесс по выявленным его типичным свойствам и показать закономерности его развития. Логический метод позволяет, опираясь на данные конкретно-исторического исследования, установить то, что было скрыто за несущественными и случайными фактами.

Результаты исследования и их обсуждение. Наиболее болезненным и сложным для СБ-СВБ и закрытым для исследователей был вопрос финансирования. Как организация публичная, с большими планами по проведению мероприятий различного уровня, союз должен был задействовать весьма значительные средства. Содержание штатных сотрудников также требовало определённых затрат. Обустройство помещений, кабинетов для сотрудников, накладные расходы, жильё для сотрудников и другие расходы не могли не служить нормальной организации труда, статусности и возможностям организации. Пока исследователями не определено, кто внёс первый финансовый вклад в новую структуру. Скорее всего, это были деньги от реализации антирелигиозной литературы. В 1925 году ЦС СВБ СССР имел основной доход от издательства в Ленинграде, переданного безбожникам для получения средств к существованию [1, л. 13; 2, л. 11]. В условиях НЭПа это был достаточно выгодный бизнес, и при резком увеличении тиражей издаваемой в 1929—1930-м годах антирелигиозной литературы приносил существенный доход. Тем более, что ЦС СВБ СССР, используя административный ресурс, вынуждал все возможные структуры выписывать свои журналы, газеты, покупать плакаты, книги и другую соответствующую продукцию [3, л. 141]. Это был наименее затратный и простой способ создать видимость антирелигиозной деятельности. Массировано нагнетаемая пропагандой опасность для государства и общества со стороны религии и церкви, в условиях «решительного

шага вперёд» в 1929 году и модернизации методов поиска врагов, должна была гаситься, в том числе, и безбожными опусами. Однако бумаги в стране не хватало, что в некоторой степени сужало возможности ЦС СБ-СВБ СССР. В конце 1920-х годов в стране проходила ревизия активов, их оптимизация для нужд народно-хозяйственного комплекса. Имеющиеся у СВБ издательские мощности, склады, книжные фонды, цеха по производству значков, плакатов, депозитов в соответствии с решением СНК СССР «О создании объединённого книжно-журнального издательства» с 1 сентября 1930 года передавались Государственному издательству [4, л. 36]. Но распространять газету «Безбожник», журналы «Безбожник», «Антирелигиозник», «Деревенский Безбожник», «Атеист» и «Воинствующий Безбожник» члены союза, почта и иные структуры должны «прежним порядком, но с усиленной энергией» [4, л. 38]. Сохранялась, видимо, и прежняя система поощрения процентами от сумм подписки, путёвками, премиями и т. д. Стимулировали ячейки СВБ организовывать подписку и в принудительном порядке. Объявленное в октябре 1929 года ЦС СВБ социалистическое соревнование являлось обязательным. Распространители должны были быть при всех ячейках [3, л. 71—75]. С учётом того, что весьма значительная часть наскоро слепленных ячеек были еще не боеспособными, выполнять заказ приходилось администрациям. Соревнование было всесоюзное. Проигнорировать не представлялось возможным. Белорусские безбожники подписали договор о проведении социалистического соревнования с единомышленниками из Западной области РСФСР [5, л. 87].

В БССР, выполняя наказ Первого съезда безбожников, секретариатом ЦК КП(б)Б с 1931 года было решено издавать антирелигиозную газету «Безбожник Белоруссии». Предыдущий опыт ЦС СВБ СССР показал, что из этого при правильном подходе может получиться прибыльный бизнес-проект. На союзном уровне после постановления СНК СССР о формировании объединённого государственного издательства коммерциализировать задумку уже было невозможно. Белорусские безбожники безуспешно попытались получить средства на выпуск газеты из республиканского бюджета [6, л. 18]. Часть полученных от реализации средств направлялась бы в распоряжение СВБ. Осуществить проект не удалось, в том числе и из-за фактического отсутствия организации как реально функционирующего механизма. Кстати, увеличить доходы издательств СБ-СВБ планировал и через скрытые государственные дотации, требуя удешевления антирелигиозных изданий для отдельных категорий граждан. Предполагалось, что разницу между себестоимостью и отпускной ценой для населения погасит госбюджет.

Не менее важными для бюджета организации являлись и членские взносы. Уставом СБ СССР 1925 года предусматривалась следующая схема их распределения: первичная организация — 50%; волостной совет — 10; уездный — 10; губернский — 20; центральный — 10% [3, л. 11]. В случае отсутствия одной из структур деньги передавались в вышестоящую организацию. Таким образом ЦС СБ-СВБ СССР мог получать значительные средства при условии большого количества вносящих оплату. Формировалась своеобразная пирамида. Центральный союзный совет со своей вертикалью вербовали членов, при этом расходы на данную деятельность не были в какой-то прямой зависимости от доходов. Неизбежные в этом случае заработная плата, накладные, организационные траты росли не такими темпами. Значительную часть работы выполняли принуждённые к этому иные структуры. Схема эта действовала в 1929—1932 годах, когда шёл рост организации, при этом она имела и существенные труднопреодолимые изъяны. Во-первых, дутая численность. Исходя из анализа динамики численности и планов роста, ЦС СВБ СССР требовал явно завышенных показателей. Волокита с членскими билетами не могла показать реальную цифру [7, л. 19]. Карточки также выписывались либо про запас и оплачивались оптом, либо в районных и городских структурах не выкупались уже присланные. Единственным показателем численности, хотя с изъятиями для бедных, красноармейцев, частично учащихся, могла быть правильно про дифференцированная по составу участников сумма взносов. Центральный совет должен был получать свой процент. Ситуация разворачивалась так, что с 1933 года от взятого за основу количества взносы платили от 14 до 30% членов в зависимости от региона [8, л. 21], т. е. меньше, чем могли оставить в первичке. Но так не могло быть, потому что в финансировании нуждалась вся вертикаль. Отсутствие плательщика никакими премиальными процентами от собранной суммы и путёвками закрыть не представлялось возможным. О каких же суммах могла идти речь? В год с городского безбожника причиталось 60 копеек, а сельского 24 копейки [3, л. 69]. Взносы вносились

поквартирно. Регулярным был и интернациональный взнос. Предусматривались и разовые платежи — вступительный взнос и плата за членский билет. Для юных безбожников скидки на стоимость билета не предусматривалось, и они платили те же 5 копеек [3, л. 70]. Собственно, других способов заработка, кроме отработанной в конце 1930-х годов схемы по платной организации лекций, у СВБ не было.

Потенциал общества безбожников в 1928—1929 годах значительно возрос. Власти понимали, что инициативу необходимо финансово поддержать. Во избежание появления ещё одного нахлебника на шее государственного бюджета, для соблюдения видимости добровольности членства и независимости союза от партийных органов материальная поддержка должна была оказываться различными структурами на местах [9, л. 255]. Это было разумно и оправданно. При наличии стабильного финансирования в условиях тотального бюрократизирования советской административно-управленческой системы могла сформироваться новая армия функционеров по всей стране. Поставив получение средств в прямую зависимость от наличия ячейки СБ-СВБ и активности её членов, власти оптимизировали расходы государственного бюджета. Здесь же очень важным являлось то, что полученные на местном уровне деньги не могли быть аккумулированы Центральным советом в Москве [10, л. 1]. Только интернациональные, вступительные, членские взносы и оплата членских билетов и карточек направлялись в ЦС СВБ СССР.

В документах ЦС СВБ СССР, ЦС СВБ БССР, ЦК КП(б)Б целевое предназначение выделяемых средств обозначено достаточно условно. Деньги на содержание СБ-СВБ и на организацию антирелигиозной работы могли как совпадать, так и не иметь к союзу никакого отношения. ЦК КП(б)Б в 1928 году предписывал партийной вертикали «оказывать материальную и организационную поддержку» СБ-СВБ [9, л. 255]. В этом же документе рекомендовалось «Главполитпросвету обсудить вопрос об изыскании средств для проведения пропаганды, организации антирелигиозных семинариев, приобретения литературы...» [9, л. 255]. Практически одновременно резолюция секретариата ЦК КП(б)Б от 17 июля 1928 года требовала: «Камсамолу і фракціям кааперацыйных, прафсаюзных, грамадзянскіх арганізацый відавочных прадпрыемстваў і палітпросветустаноў, устанавіць плянаваць у антырэлігійнай рабоце па іх лініі і цвёрдыя асігнаванні на яе» [11, л. 16]. В постановлении бюро ЦК КП(б)Б «Аб мерапрыемствах па ўзмацненню антырэлігійнай работы» за 1929 год, кстати практически повторяющем документ от 1928 года и в последующем ставшем основой для решений 1937 г. и 1938 года, СБ-СВБ рассматривается как методический и координационный центр организации идеологической борьбы с религией и церковью [12, л. 1—2], т. е. структуры безбожников должны были помогать тратить деньги, а не распоряжаться ими по своему усмотрению.

После проведения II съезда и переименования организации с добавлением слова «воинствующих» ЦС СВБ СССР попытался ввести более выгодную для себя схему финансирования. Выделяемые из культфондов твёрдые ассигнования на антирелигиозную работу должны были расходоваться по согласованию со всеми заинтересованными сторонами [10, л. 1]. Эти средства по сути также направлялись на идеологическую борьбу с религией и церковью. Самым заинтересованным, естественно, выступал СВБ. ЦС СВБ СССР требовал от своей вертикали добиваться «от всех культ- и политпросвет организаций введения в штат антирелигиозника и прикрепления их к советам СВБ» [10, л. 1]. Некая организация должна была оплачивать работу сотрудника, занимавшегося не профильной деятельностью, а антирелигиозной. Одновременно он входит в структуру СВБ как добровольного общества. Ему союз не платил заработную плату, в то время плоды его труда могли приносить доход в виде членских взносов, реализации печатной и иной продукции предприятий СВБ. Более того, содержание сотрудников союза безбожников по всей вертикали ЦС СВБ СССР стремился переложить на местные органы власти, требуя «выделения средств в сметном порядке» [10, л. 1].

Видимо, как материальную поддержку организации следует рассматривать работу в СВБ членов компартии. ЦК КП(б)Б предлагал считать данную деятельность как основную партийную нагрузку [11, л. 16]. Оплачиваемую ставку антирелигиозника планировалось ввести при наркомате образования [12, л. 2]. Фактически финансирование штатных сотрудников на уровне района и города не предусматривалось. Добиваться выделения средств приходилось у различных структур. Например, Гомельский окружной совет СВБ в 1930-м году получил основную сумму от «кооперационных і прафсаюзных

арганацій і інспектуры палітасветы» [13, л. 29]. Это был для них тучный год. В дальнейшем финансирование резко сократилось. В 1933 году ЦС СВБ БССР информировал свои структуры, что в соответствии с решением высших органов государственного управления «сродкі на утрыманне райсавету СВБ павінны адпускацца райпрафсаветам кааперацыі і куспромсаюза, Райза і ворганамі наркомасветы» [14, л. 2]. Мозырскому совету СВБ, находившемуся в достаточно крупном городе и производственно развитом регионе, в 1934 году не удалось, несмотря на решение райкома компартии, получить денег от всех организаций района «за выключэннем РК Саюза Прамасвет, які ўнёс 200 руб. і швейнай арцелі, якая ўнесла 50 руб. А ўсяго павінна было паступіць у дапамогу РС СВБ — 1500 руб.» [15, л. 7]. Здесь уже наблюдается финансирование непосредственно организации, а не чисто антирелигиозных мероприятий, в том числе из государственного бюджета за счёт средств Наркомата просвещения. Между тем ЦС СВБ СССР при доходе 396 000 р. в 1933 году растратил только 353 240 р. [16, л. 62]. В 1934—1935 годах финансирование организаций СВБ на местах практически прекращается, на уровне республики ЦС СВБ БССР фактически не функционировал.

Заключение. Проведённое исследование показало, что в период от создания в 1924 году до фактической приостановки деятельности в 1934 году финансовое положение организации безбожников не приобрело плановости и стабильности. При отсутствии целевого выделения средств из государственного бюджета добровольное общество не способно было содержать аппарат управления и решать определённые своим уставом задачи. Официальные власти по объективным и субъективным причинам не имели возможности постоянно оказывать финансовую поддержку, в том числе через принуждение различных структур. Предлагаемые для воплощения в жизнь цели не нашли среди простых граждан, руководства государственных и производственных организаций сторонников, способных обеспечить финансирование СВ-СВБ на достаточном уровне.

Список цитируемых источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. 5407. Оп. 1. Д. 1.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. — Ф. 17. Оп. 113. Д. 14.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). — Ф. 261. Оп. 1. Д. 2.
4. ГА РФ. — Ф. 5407. Оп. 1. Д. 56.
5. НА РБ. — Ф. 261. Оп. 1. Д. 6.
6. НА РБ. — Ф. 261. Оп. 1. Д. 9.
7. НА РБ. — Ф. 261. Оп. 1. Д. 27.
8. ГА РФ. — Ф. 5407. Оп. 1. Д. 104.
9. НА РБ. — Ф. 4. Оп. 7. Д. 101.
10. ГА РФ. — Ф. 5407. Оп. 1. Д. 39.
11. НА РБ. — Ф. 261. Оп. 1. Д. 1.
12. НА РБ. — Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 3508.
13. Государственный архив Гомельской области. — Ф. 623. Оп. 1. Д. 22.
14. НА РБ. — Ф. 261. Оп. 1. Д. 28.
15. НА РБ. — Ф. 261. Оп. 1. Д. 30.
16. ГА РФ. — Ф. 5407. Оп. 1. Д. 103.

Поступила в редакцию 10.08.2016.

УДК 658.15

Ю. Е. Горбач

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 274 37 36, gorbachje@mail.ru

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ ПОТОКАМИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ С ОЦЕНКОЙ РИСКА

Статья посвящена проблеме управления финансовыми потоками промышленной организации. Подробно описан предлагаемый алгоритм управления финансовыми потоками с оценкой риска, который состоит из трёх этапов. Методика работы по этому алгоритму представлена на примере промышленной организации. В основе разработанного алгоритма лежит коэффициентный метод.

Ключевые слова: финансовые потоки; классификация финансовых потоков; оптимизация, структура финансовых потоков; группа мероприятий; оценка риска.

Табл. 1. Библиогр.: 5 назв.

Y. E. Horbach

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21, Voykova str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (29) 274 37 36, gorbachje@mail.ru

DEVELOPMENT OF FINANCIAL STREAMS MANAGEMENT ALGORITHM AT THE INDUSTRIAL ENTERPRISE WITH THE ASSESSMENT OF RISK

The article deals with the problem of financial streams management at the industrial enterprise. The offered algorithm of management is described in detail. It consists of three stages.

The developed algorithm helps to optimize financial streams at the industrial enterprise. The experimental procedure of work in conformity with the algorithm is considered by the example of the industrial enterprise of Baranovichi. The method of factors and the procedure of a safety zone definition lie in the basis of the developed algorithm.

Key words: financial streams; classification of financial streams; optimization; structure of financial streams; group of actions; assessment of risk.

Table 1. Ref.: 5 titles.

Введение. Финансовые потоки всегда представляли и представляют собой важный объект управления. Низкая степень эффективности управления такими потоками на промышленном предприятии может привести к негативным последствиям, которые отражаются на конечных финансовых результатах деятельности организации. Каждой промышленной организации необходимо оптимизировать свои финансовые потоки и вносить изменения в механизм управления ими, особенно в настоящих, постоянно изменяющихся условиях хозяйствования. Следует отметить, что на финансовые потоки

может влиять совокупность множества внешних и внутренних факторов, в зависимости от которых изменяются и алгоритм, и метод управления ими.

Рассмотрим предлагаемый алгоритм управления финансовыми потоками промышленного предприятия на основе их оптимизации, сбалансированности и оценки риска.

Основная часть. Так как не существует единой системы коэффициентов, которая может быть использована в любых условиях для любого хозяйствующего субъекта, нами выбрана система показателей, которая в данном случае, по нашему мнению, наиболее подходит для проведения исследования и создания эффективного алгоритма управления финансовыми потоками промышленного предприятия. Предлагаемая система позволяет выявлять сильные и слабые стороны управления финансовыми потоками промышленной организации и диспропорции в их структуре (с учётом различных факторов, в том числе и фактора деноминации), а также является методом оценки уровня риска.

При этом к выбору коэффициентов для оценки финансовых потоков нужно подходить следующим образом: количество коэффициентов должно быть минимальным, однако не в ущерб качеству оценки; система коэффициентов должна позволять разработать мероприятия (систему мероприятий) для повышения эффективности деятельности промышленной организации по различным направлениям [1].

Предлагаемый алгоритм управления финансовыми потоками промышленной организации с оценкой риска содержит три последовательных этапа: 1) общая классификация финансовых потоков промышленной организации и проверка их сбалансированности; 2) оптимизация структуры финансовых потоков по двум критериям с определением точки финансовой безубыточности и запаса финансовой устойчивости; 3) общие выводы и определение степени риска [2].

При создании эффективного алгоритма управления финансовыми потоками промышленной организации наиболее целесообразно и удобно использовать следующие коэффициенты и показатели: коэффициент прилива, коэффициент оседания, коэффициент абсолютной ликвидности, коэффициент покрытия оттока, коэффициент достаточности, коэффициент финансового риска, коэффициент покрытия задолженности, эффект финансового рычага, свободный поток.

Рассмотрим подробно предлагаемый нами алгоритм управления финансовыми потоками промышленной организации с оценкой риска.

На первом этапе финансовые потоки классифицируются по различным признакам. Проводится проверка сбалансированности положительных и отрицательных потоков, а также общая оценка их состояния. Для этого целесообразно рассчитать и проанализировать определённые показатели: коэффициент прилива, коэффициент оседания, коэффициент абсолютной ликвидности, коэффициент покрытия оттока, коэффициент достаточности, коэффициент финансового риска, коэффициент покрытия задолженности. При получении отрицательных результатов следует переходить к оценке вероятности банкротства.

Для оперативного анализа вероятности банкротства в ходе предложенного алгоритма удобно использовать модели «Рейтинговое число» («Рейтинговая модель») и «Двухфакторная модель».

Рейтинговая модель Р. С. Сайфуллина и Г. Г. Кадыкова имеет широкую известность для оценки риска банкротства в среднесрочной перспективе. При полном соответствии значений коэффициентов их нормативным минимальным уровням рейтинг организации будет равен единице. Финансовое состояние с рейтинговой оценкой менее единицы характеризуется как неудовлетворительное [3].

Двухфакторная модель Альтмана — это одна из самых простых и наглядных методик прогнозирования вероятности банкротства, при использовании которой необходимо рассчитать влияние только двух показателей: коэффициента текущей ликвидности и удельного веса заёмных финансовых потоков [4].

На втором этапе для проведения оптимизационных расчётов используется механизм финансового рычага и формула свободного потока промышленной организации. При этом оптимизация будет многокритериальной и позволит точнее определить оптимальную структуру финансовых потоков.

Финансовый рычаг — это финансовый механизм управления рентабельностью собственного капитала за счёт оптимизации соотношения используемых собственных и заёмных финансовых средств. Эффект финансового рычага — это приращение к рентабельности собственных средств, получаемое благодаря использованию кредита, несмотря на платность последнего. Он показывает, на сколько процентов увеличивается сумма собственного капитала за счёт привлечения заёмных средств в оборот.

Эффект финансового рычага возникает из-за расхождения между экономической рентабельностью и ценой заёмных средств [5].

В экономической литературе очень подробно описаны разнообразные методы оптимизации структуры финансовых потоков по источникам формирования промышленной организации, но чаще всего оптимизация проводится по каждому из них в отдельности. В предлагаемом нами алгоритме можно объединить сразу несколько методов. Для создания модели целесообразно выбрать основные и наиболее часто применяемые методы: метод оптимизации на основе эффекта финансового рычага и метод оптимизации на основе свободного потока.

Обратимся к структуре финансовых потоков, понятие которой было введено в современный финансовый анализ для обозначения соотношения притоков и оттоков, принятого в промышленной организации для реализации его деятельности. Такое соотношение может иметь случайный характер или быть результатом целенаправленного выбора. Оптимальная структура — это соотношение финансовых притоков и оттоков, при котором достигается наилучшее развитие промышленной организации.

Для оценки структуры финансовых потоков промышленной организации и их оптимизации целесообразно ввести понятия «точка финансовой безубыточности» и «запас финансовой устойчивости (зона финансовой безопасности)». Если изображать всё на графике, то на оси абсцисс следует указать объём реализации продукции, на оси ординат — суммы финансовых потоков промышленной организации, зависящих от объёма производства и реализации. Точкой финансовой безубыточности в данном случае будет пересечение линии финансовых притоков и финансовых оттоков. Правее этой точки будет находиться зона положительного чистого финансового потока, левее — зона отрицательного финансового потока. Именно с помощью такого графика можно будет увидеть фактическую зону финансовой безопасности исследуемой промышленной организации.

На третьем этапе формулируются общие выводы по результатам расчётов и осуществляется оценка риска. На этом этапе все показатели разбиваем на группы: в пределах нормативного значения (отклонение от нормативного значения на 0—15%); неудовлетворительные (отклонение от нормативного значения на 16—60%); рискованные (отклонение от нормативного значения на 61—100% и более) [2].

Также для оценки риска вводим понятие «интегрированные показатели» — И1 и И2: И1 представляет собой сумму всех показателей, которые должны иметь положительную тенденцию. Соответственно, суммируем их нормативные значения; И2 — это процентное отношение соответствующих нормативным значениям показателей (если показатель соответствует нормативному значению, принимаем его за 1, если нет — за 0).

Теперь можем перейти к эмпирической проверке действия предложенного алгоритма. Удобно проводить проверку в соответствующей таблице, при этом делая вывод по предложенным интегрированным коэффициентам (таблица 1). Расчёты проводятся на основании условных данных промышленной организации.

В пределах нормативного значения оказались: коэффициент покрытия оттока, коэффициент достаточности, двухфакторная модель, свободный поток; неудовлетворительными — коэффициент абсолютной ликвидности, коэффициент финансового риска, коэффициент покрытия задолженности, рейтинговое число; рискованными — коэффициент прилива, коэффициент оседания, эффект финансового рычага.

При этом интегрированный показатель И1 равен 3,764 (при общей норме 7), а И2 — 36 (при общей норме 100).

Можно сделать вывод, что показатель И1 почти в два раза меньше нормативного значения, а показатель И2 не выполнен в организации на 64%. Следовательно, данная промышленная организация нуждается в разработке мероприятий для улучшения состояния.

Далее необходимо переходить к формированию нескольких групп мероприятий. Допустим, к первой группе мероприятий можно отнести изменение денежных потоков и структуры баланса. Ведь показатели ликвидности и сбалансированности непосредственно зависят от структуры финансовых потоков, а также от их величины и направления. Поэтому можно реализовать мероприятия по погашению краткосрочной задолженности, увеличению собственного капитала.

Также одновременно можно реализовывать мероприятия по снижению затрат: введение и поддержание в промышленной организации режима жёсткой экономии материалов и энергозатрат. Ведь сейчас динамика

Т а б л и ц а 1. — Проведение двух аналитических этапов по предложенному алгоритму

Показатель	Значение показателя (условные данные промышленной организации)	Нормативное значение
<i>1-й этап</i>		
Коэффициент прилива	-1,000	> 0,7
Коэффициент оседания	-0,037	> 0,2
Коэффициент абсолютной ликвидности	0,031	> 0,2
Коэффициент покрытия оттока	0,965	≥ 1
Коэффициент достаточности	0,964	≥ 1
Коэффициент финансового риска	1,893	≤ 1
Коэффициент покрытия задолженности	0,528	≥ 2
<i>2-й этап</i>		
Эффект финансового рычага	-69,840	> 0
Свободный поток	135	> 0
<i>Подэтап</i>		
Рейтинговое число	0,421	> 1
Двухфакторная модель	-1,295	< 0

снижения энергоёмкости производства — это один из основных показателей технического развития промышленной организации, повышения экономической эффективности и финансовой стабильности.

Во второй группе могут быть мероприятия по направлению «оптимизация». Сюда можно отнести оптимизацию численности работающих. Целью оптимизации численности любой промышленной организации всегда является достижение поставленных целей через повышение эффективности ее деятельности. Также большое внимание следует уделить оптимизации инвестиционных проектов. Целесообразно, особенно в нестабильных условиях хозяйствования промышленной организации, отказаться от инвестиций в капитальное строительство, приобретения новой техники, а также от тех капитальных расходов, которые не могут дать немедленную отдачу для промышленной организации.

Действие каждой группы мероприятий проверяется отдельно. При этом должны учитываться все факторные взаимосвязанные и взаимообусловленные изменения финансовых потоков организации.

Ещё одним важным моментом является учёт в формуле эффекта финансового рычага именно минимального прогнозного уровня экономической рентабельности. Можно построить линию изменения экономической рентабельности промышленной организации за несколько предыдущих периодов и выбрать минимальные значения, затем определить среднюю величину, которую и надо будет подставлять в формулу эффекта финансового рычага.

Предположим, после проведения всех этапов предложенного алгоритма для первой группы мероприятий значение И1 составит 5,814, а И2 — 63; для второй И1 составит 4,216, а И2 — 59. В такой ситуации более предпочтительной и менее рискованной для данной промышленной организации является первая группа мероприятий.

Заключение. Использование предложенного нами алгоритма позволяет проверить, как изменились основные показатели, отражающие состояние финансовых потоков промышленной организации, при реализации двух групп мероприятий. Очевидно, что первая группа мероприятий приведёт организацию к наилучшему результату, так как введённые автором «интегрированные коэффициенты» в большей степени приблизились в данном случае к нормативному значению и характеризуют наименьшую степень риска.

Список цитируемых источников

1. Русак, Н. А. Финансовый анализ субъекта хозяйствования / Н. А. Русак, В. А. Русак. — М. : Высш. шк., 2005. — 309 с.
2. Горбач, Ю. Е. Совершенствование организационно-экономического механизма управления финансовыми потоками предприятия / Ю. Е. Горбач // Экономика и управление. — № 2 (42). — 2015. — С. 36—39.
3. Модель банкротства предприятий Сайфуллина—Кадыкова [Электронный ресурс] // Учеб. центр «Школа финансового анализа» : офиц. ресурс. — Режим доступа: <http://www.beintrend.ru/2011-06-20-17-05-06>. — Дата доступа: 10.07.2016.
4. Z-модель Альтмана [Электронный ресурс] // Экономический портал. — Режим доступа: http://www.economicportal.ru/pouyatiya-all/altman_z_model.html. — Дата доступа: 14.07.2016.
5. Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности / Г. В. Савицкая. — М. : ИНФРА-М, 2013. — 284 с.

Поступила в редакцию 15.08.2016.

Репозиторий БарГУ

УДК 630*8

Т. В. Каштелян

Учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Свердлова, 13а, 220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 332 36 18, taisiya_kascht@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА БЕЛАРУСИ)

В статье рассматриваются экономические аспекты воспроизводства лесных ресурсов Беларуси, анализируются факторы процесса лесопользования, подходы к организации финансов. В целях структуризации экономического интереса обосновывается потребность применения категории «общий экономический оборот». Предлагается разработка целостного финансово-экономического механизма (в частности, использования баланса экономического оборота), что продиктовано переходом лесхозов в 2015 году на продажу древесины в заготовленном виде. Выдвигаются основные задачи по ориентации субъектов лесного хозяйства на получение положительного сальдо денежного потока — снижение налоговой нагрузки, изменение системы бюджетного финансирования. Обозначены основные направления институциональных преобразований, которые будут способствовать формированию эффективной системы воспроизводства лесных ресурсов.

Ключевые слова: лесные ресурсы; воспроизводство; финансы; налогово-бюджетные отношения; общий экономический оборот; финансово-экономический механизм; древесное сырьё; денежный поток; налоговая нагрузка; финансирование; институциональные преобразования.

Табл. 2. Библиогр.: 7 назв.

T. V. Kashtelyan

Belarusian State Technological University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 13a, Sverdlova str., 220030 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 332 36 18, taisiya_kascht@mail.ru

ECONOMIC ASPECTS OF NATURAL RESOURCES REPRODUCTION (BY THE EXAMPLE OF FORESTRY OF BELARUS)

The article deals with the economic aspects of forest reproduction in Belarus. The author analyses factors of forest management process and considers some approaches to the finance organization. The necessity to use the category “overall economic turnover” is justified by the aim of economic interest structuring. Elaboration of a holistic financial-economic mechanism is suggested due to the forestry establishments transition to sale converted wood since 2015.

Major tasks focused on forestry object orientation on obtaining a positive “balance” cash flow are put forward. These are: reduction of tax burden, changes in the budget system of financing.

Key words: forest resources; reproduction; finance; fiscal relations; general economic turnover; wood raw material; cash flow; tax burden; financing; institutional transformation.

Table: 2. Ref.: 7 titles.

Введение. Одно из главных богатств Беларуси — лесные ресурсы. По оценкам Статистической службы Европейского союза Eurostart, Продовольственной и сельскохозяйственной организации FAO Беларусь занимает неплохие позиции по обеспеченности лесосырьевыми ресурсами на душу населения — 0,9 га, опережая при этом Польшу (0,24 га) и Германию (0,14 га) [1]. Как показывает опыт, в лесном комплексе Беларуси существует целый ряд насущных вопросов: необходимость развития глубины переработки сырья, соответствие качества древесины существующим технологическим процессам её обработки и др. Последняя, весьма сложная проблема сопряжена с понятием воспроизводства ресурсов.

Понятие «воспроизводство» является основополагающим в системе экономических категорий. Применительно к факторам национальной экономики (природным ресурсам в частности) выделяют

простое и расширенное воспроизводство. Характерная особенность первого воспроизводственного аспекта любого вида экономической деятельности — это функционирование экономической системы в режиме, обуславливающим восстановление использованного потенциала.

Исходным пунктом к определению «процесс воспроизводства лесных ресурсов» является концепция динамической сбалансированности между потреблением древесного сырья и системой лесохозяйственных мероприятий. Изучением финансово-экономических аспектов воспроизводства лесных ресурсов в разные времена занимались известные учёные П. В. Васильев, К. А. Евсеенко [2], Н. И. Кожухов, М. А. Лобовиков, Н. А. Моисеев, А. В. Неверов, А. П. Петров и др. По мнению указанных учёных, «воспроизводство» применительно к природным ресурсам — это процесс приращения запасов, который включает лесовосстановительные работы, лесоразведение, охрану лесов и другие мероприятия. Рассматривая «воспроизводство лесных ресурсов» как экономическую категорию, можно отметить, что в Беларуси данный процесс обусловлен финансами государственного бюджета, тесно связан с лесопользованием (в частности, древесинопользованием). Как отметил К. А. Евсеенко, процесс воспроизводства лесных ресурсов представлен в виде двух стадий — лесохозяйственного производства и потребления [2]. Последняя стадия связана с производством. Нет потребления без производства. Что касается условий функционирования лесного хозяйства Беларуси, то они должны обладать воспроизводственным потенциалом, — совмещать две стороны деятельности, одна из которых руководствуется удовлетворением потребности в ресурсах и услугах леса, другая — не просто охраной природы, но и её улучшением, повышением качества жизни в окружающей среде развивающегося общества [3]. На этой основе возникает некая «структура» экономических интересов, связанная с набором используемых в экономической деятельности источников финансирования, процентным соотношением финансов, получаемых из имеющихся источников.

Основная часть. В методологическом плане имеются разработки по формированию механизма реализации структурированного экономического интереса субъектов природопользования [4]. Признавая отсутствие приоритетности и даже паритетности экологической составляющей по отношению к экономической, предлагается расширение состава основных факторов производства за счёт включения в него окружающей природной среды и обосновывается необходимость внесения соответствующих изменений в систему учёта затрат на производство и в применяемый механизм формирования стоимости товара. Во-первых, природная среда достаточно интенсивно эксплуатируется, что обуславливает образование своеобразного её износа, адекватным выражением которого служит объём наносимого ей экологического ущерба. Во-вторых, стоимостным выражением такого износа выступает сумма образовавшегося вследствие производства экологического ущерба, интерпретируемого как экологические издержки. В-третьих, сумма экологических издержек, соответствующая объёму износа окружающей природной среды, по аналогии с расходами, выражающими стоимость изношенной части других факторов производства, будучи по своему существу объективно необходимыми затратами, входит в состав себестоимости продукции и включается в цену [4].

Предложенный механизм реализации экологического интереса предназначен для установления источников формирования средств экономического возмещения. Однако его реализация на практике связана с ограничениями институционального характера. По некоторым оценкам, платежи, являющиеся стоимостным выражением износа, не превышают 5% суммы образующегося экологического ущерба, поэтому происходит его накопление [4]. Главным исходным элементом и объективно необходимым условием формирования эффективной системы воспроизводства лесных ресурсов должен стать механизм структуризации экономических интересов. Недостаток финансирования природоохранных мероприятий из бюджета надо восполнять за счёт нахождения собственных устойчивых источников.

Лесопользование в Беларуси (предпосылка потребления) осуществляется по принципу непрерывности, неистощительности и относительного постоянства. Среднегодовые заготовки древесины составляют 11—12 млн м³ в год, из них в порядке ведения рубок главного пользования (в спелых древостоях) — 4,3—4,5 млн м³ (40%), рубок ухода за лесом и санитарных рубок (в молодняках, средневозрастных и припевающих насаждениях) — 5,4 млн м³. Ежегодный прирост запасов — 31,4 млн м³. В соответствии с Лесным кодексом Республики Беларусь (Национальный реестр правовых актов

Республики Беларусь, 18.07.2000, № 2/195) государственный контроль за состоянием, использованием, охраной, защитой государственного лесного фонда и воспроизводством лесов осуществляется Министерством лесного хозяйства (далее — Минлесхоз), Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды и их территориальными органами, а также иными государственными органами в соответствии с нормативными правовыми актами Республики Беларусь.

Процесс лесопользования в рамках организаций Минлесхоза за последнее десятилетие свидетельствует о перенесении центра финансирования на собственные средства. Свидетельством этому служит доля бюджетных ассигнований в денежном потоке поступлений от лесного хозяйства (таблица 1). Однако плата за лес на корню за последние три года стабилизировалась на уровне, превышающем 740 млрд р. В 2013 году удельный вес её в денежном потоке поступлений отрасли заметно уменьшился, хотя изначально только данная «доходная» статья призвана возмещать затраты на ведение лесного хозяйства.

Проблему воспроизводства лесных ресурсов в экономическом аспекте следует рассматривать в системе существующих преобразований субъектов лесного хозяйства, которые связаны с ориентацией на законченный сырьевой производственно-торговый цикл и направлены на повышение самостоятельности и самокупаемости. Можно констатировать, что целостный механизм управления доходностью лесного хозяйства формируется при помощи бюджетных средств. Составляется две сметы — по лесохозяйственным расходам и в целом по бюджетным ассигнованиям. Задачей государства в современных условиях является создание действенного инструментария регулирования производства, предусматривающего минимизацию выделения централизованных средств на развитие субъектов природопользования, лесопользования в частности. При этом нужно понимать, что целесообразно уменьшить налоговую нагрузку субъектов сырьевого комплекса, которая является чрезмерной (так, ставка налога на добавленную стоимость (НДС) — 20%, налога на прибыль — 18%). Негативно сказывается на перспективах инновационного развития невысокий относительно других отраслей удельный вес вычетов по НДС, а также перераспределительные меры, вызывающие некомпенсируемые потери доходов лесного хозяйства.

Официально проводимая в жизнь бюджетная политика обязана строиться на заинтересованности в получении высокой прибыли, в частности, от такого вида экономической деятельности, как лесопользование. В современных условиях лесхозы, выступая в качестве поставщиков лесных ресурсов в заготовленном виде, формируют положительный финансовый поток посредством развития сфер деятельности «деревообработка», «прочая продукция». Указанные направления сопровождаются получением прибыли. На данном этапе в соответствии с прогнозами растущих объёмов заготовки и потребления древесины (таблица 2) следует формировать систему покрытия операционных и капитальных затрат лесного хозяйства преимущественно за счёт собственных средств. В то же время не стоит забывать, что внешняя поддержка отрасли обуславливается совокупностью лесных ресурсов, находящихся в распоряжении государства. Как отмечает Л. И. Якобсон, «ресурсы, которыми распоряжается государство, — это не только организации, находящиеся в его собственности, но и доходы и расходы бюджета» [5].

Т а б л и ц а 1. — Динамика показателей экономической деятельности Минлесхоза Республики Беларусь в текущих ценах

Показатель	Год			
	2007	2012	2013	2015
Расходы на ведение лесного хозяйства, млрд р.	387,1	2123,7	3102,3	3857,3
Денежный поток поступлений от ведения лесного хозяйства, млрд р.	239,6	1267,2	1847,8	2639,0
из них: плата за лес на корню	—	660,9	789,97	747,83
Доля бюджетных ассигнований в доходах, %	40,2	34,8	34,0	30,1

Т а б л и ц а 2. — Прогнозные показатели лесозаготовительного производства Минлесхоза Республики Беларусь

Год	Показатели реализации древесного сырья		
	Объём, тыс. м ³	Выручка, тыс. дол. США	Прибыль, тыс. дол. США
2020	9 564	278 460	84 163
2025	10 804	420 816	123 165
2030	15 184	971 776	194 355

Рассчитывая на государство как участника экономической деятельности, важно определить своеобразие отношений с субъектами хозяйствования, потребляющими древесное сырьё и другие полезные продукты леса, учесть не только натурально-вещественные пропорции внутри отрасли, но и стоимостные или денежные пропорции внутренней и внешней среды. Финансирование мероприятий по лесовосстановлению и другим мероприятиям (за исключением лесной охраны), по опыту зарубежных стран, представляется возможным организовать на должном уровне, если использовать понятие «общего экономического оборота» отрасли и субъектов хозяйствования в частности.

Положительному влиянию повышательных ценовых трендов на системы производства и воспроизводства лесосырьевых ресурсов препятствует сохраняющаяся до настоящего времени неразработанность частных балансов экономических оборотов субъектов лесного хозяйства в отношении предоставляемых благ и доходов, отсутствие процесса сведения их в один общий баланс экономических оборотов. Следует отметить, что только охотхозяйственная деятельность выделена в качестве отдельного бизнес-процесса. Результаты текущей лесохозяйственной деятельности финансируются государством на уровне расчётно-плановых трудовых затрат (возмещаются расходы на заработную плату в части производства лесохозяйственных работ), а не цен, сформированных на основе принятых в белорусской концепции ценообразования моделях, включающих нормативную себестоимость производства и прибыль, достаточную для платежей в бюджет. Существуют несовершенные налогово-бюджетные отношения, взаимные переброски финансовых средств с хозрасчётной деятельности на бюджетную (лесохозяйственное производство) и наоборот. Зарубежный опыт выделения дотаций на природоохранные цели не используется.

Практическая необходимость реализации единого государственного подхода к формированию эффективной системы воспроизводства лесных ресурсов предполагает развитие организационных условий, в которых предоставляются рамки преимущественно свободного ценообразования. Для гарантирования проведения природоохранных мероприятий поток государственной помощи можно было бы переориентировать на покрытие не производственных расходов, а расходов, связанных с функционированием организаций в целом (или реализацией продукции, как это предполагает экономический оборот в зарубежных странах). Тогда для руководителей и управленцев государственных субъектов (лесхозов) формируются условия, максимально приближенные к условиям деятельности коммерческих организаций. Это предполагает инициативу «государственных менеджеров», которые всю предпринимательскую деятельность (включая производственную лесохозяйственную) должны будут строить на эффективности продаж ресурсов в любом виде, продукции подсобных, перерабатывающих производств. Процесс лесопользования должен стать максимально безотходным и, соответственно, эффективным.

На наш взгляд, прямые затраты лесохозяйственной деятельности (скажем, на лесовосстановительные и другие работы) целесообразно компенсировать за счёт попенной платы, не пытаясь учесть косвенные затраты (управленческие) и издержки на вспомогательные операции. Как было упомянуто выше, суть платы за лес на корню как доходной части поступлений от деятельности лесхозов в возмещении указанных затрат. Основная проблема здесь — учесть затраты на лесоустroительное проектирование. Если включать затраты в тот год, когда оно сделано, получится завышенная себестоимость. Эти расходы надо равномерно распределять по годам.

Необходимо учитывать, что нахождение соотношений между выгодами и затратами формирует основу эффективности бизнес-процессов. Используя методы преимущественно централизованного планирования, целесообразно не только группировать затраты по направлениям деятельности, но и обобщать их в системе единого экономического оборота благ и доходов. Это создаст предпосылки для формирования эффективной системы воспроизводства лесных ресурсов на основе разработки целостного финансово-экономического механизма, в котором будет рационально структурирован экономический интерес, что уже продиктовано переходом с 2015 года лесхозов на реализацию древесины только в заготовленном виде.

В методологии и практике планирования в разных пропорциях, в зависимости от специфики работы лесхозов, должны сочетаться сопоставления не только выручки от реализации древесного сырья в заготовленном виде с соответствующими затратами, но и платы за лес на корню с расходами на лесовосстановление и другие природоохранные мероприятия. Большое значение при этом приобретает рентная концепция развития организаций [6]. Для реального получения рентосогласующей прибыли следует выработать особый подход взаимоотношений с одним из важных потребителей древесного сырья — концерном «Беллесбумпром», а также нанимаемыми подрядчиками на лесозаготовках и др. Методика финансирования субъектов лесного хозяйства, которая сопряжена с получением ренты, описана российскими исследователями З. С. Мироновой, А. И. Тукмачёвой, Р. Ю. Сулименковым, М. Ф. Сычёвым [7].

Субъекты лесного хозяйства существенно различаются по наличию ресурсов, социально-экономическому развитию. Источники рентосогласующих прибылей (абсолютной и дифференциальной ренты) в лесхозах — это запас на 1 га, удалённость, породно-возрастной состав насаждений, деловые связи с потребителями сырья и др. Те субъекты, которые находятся на территориях, где природно-географические параметры лесных участков лучше и уровень организации (механизации в частности) работ и управления производством выше, чем на усреднённом (среднеотраслевом или «эталонном») участке, должны получать финансовые средства, достаточные для эффективного развития. Тех субъектов, которые имеют в указанных параметрах условия хуже усреднённых, целесообразно финансировать с помощью бюджетных средств с использованием принципа компенсации отклонений от «эталона». Применение такого подхода подразумевает формирование рентоориентированного поведения субъектов через освоение инновационных технологий заготовки и переработки древесного сырья, роста количества (видов) и конкурентоспособности продукции, работ, услуг.

Заключение. Лесное хозяйство Беларуси — одна из отраслей, которая в современных условиях призвана эффективно восстанавливать и развивать эколого-ресурсный потенциал. В качестве основы для формирования эффективной системы воспроизводства лесных ресурсов предлагаются меры, направленные на создание и эффективное использование экономических условий. Они должны ориентировать через минимизацию бюджетной поддержки на совершенствование существующей системы формирования сырьевого спроса и, соответственно, потребления, благоприятно влияющего на лесохозяйственное производство.

Институциональные преобразования, заложенные в недавно принятом Лесном кодексе Республики Беларусь, обязаны затрагивать активизацию функций собственника не только через выделение средств и контроль их использования. Большое значение в современных условиях имеет адаптивность субъектов природопользования, умение «идти в ногу» с трансформирующимися экономическими отношениями. Речь идёт о формировании воспроизводственного потенциала за счёт видения результативности экономической деятельности и предпринимаемых усилий для её достижения.

Список цитируемых источников

1. Кто в лесу хозяин? // Беларус. час. — 2015. — № 10 (1502). — С. 3.
2. Евсеенко, К. А. Государственная система управления воспроизводством лесных ресурсов [Электронный ресурс] / К. А. Евсеенко // Государственное управление. Электрон. вестн. — № 27. — 2011. — Режим доступа: e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk_27_ijun_2011_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/evseenko.pdf. — Дата доступа: 25.09.2016.

3. Моисеев, Н. А. Проблемы лесной экономики в науке и практике [Электронный ресурс] / Н. А. Моисеев // Лесной журн. — 2008. — № 4. — С. 6.—12. — Режим доступа: <http://www.booksite.ru/forest/forest/factor/7.htm>. — Дата доступа: 25.09.2016.
4. Выварец, А. Д. Экономика предприятия / А. Д. Выварец. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 543 с.
5. Якобсон, Л. И. Экономика общественного сектора: основы теории государственных финансов / Л. И. Якобсон. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 320 с.
6. Лесное управление : монография // А. В. Неверов [и др.] ; под общ. ред. А. В. Неверова. — Минск : Пач. шк., 2014. — 400 с.
7. Экономика воспроизводства лесов [Электронный ресурс] / М. Ф. Сычёв [и др.]. — Вологда, 2011. — 105 с. — Режим доступа: www.booksite.ru/fulltext/economvospr/text.pdf. — Дата доступа: 25.09.2016.

Поступила в редакцию 26.09.2016.

Репозиторий БарГУ

УДК 334.72

В. В. Климук¹, О. А. Чернова²

¹ Учреждение образование «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 712 03 00, klimuk-vv@yandex.ru

² Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет», Министерство образования и науки Российской Федерации, ул. Большая Садовая, 105/42, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация, +89 (09) 453 67 80, chernova-o.a@mail.ru

ФАКТОРООБРАЗУЮЩАЯ ИННОВАЦИОННОСТЬ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Конкурентное функционирование на микро- и макроуровне экономической модели формирует необходимость внесения изменений, ведущих к ресурсоэффективности, сокращению трудоёмкости, повышению производительности, расширению ассортимента, загрузке производственных мощностей. В данном контексте целесообразной выступает инновационная модель экономики. Целью настоящего исследования является выделение факторов воздействия на уровень инновационного развития страны на основе предложенной системы показателей и формирование намеченной траектории развития экономики. На основе статистических данных 2015 года проанализирована общемировая ситуация с точки зрения инновационной активности. Детально рассмотрены факторы, отражающие инновационный уровень экономики Республики Беларусь. Факторы воздействия на инновационный уровень развития областей Беларуси сгруппированы по четырём векторам (на основе производных показателей). В результате выявлены факторы инновационного развития страны, определена специализация инновационной деятельности областей страны, разработана система показателей оценки уровня инновационного развития страны с дифференциацией по областям и по приоритетным направлениям.

Ключевые слова: инновации; факторы воздействия; экономическое развитие; специализация; дифференциация; оценка инновационного развития.

Рис. 7. Библиогр.: 6 назв.

V. V. Klimuk¹, O. A. Chernova²

¹ Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21, Voykova str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (29) 712 03 00, klimuk-vv@yandex.ru

² The Federal State Autonomous Educational Institution "Southern Federal University", Ministry of Education and Science of Russian Federation, 105/42, Bolshaja Sadovaja str., 344006 Rostov-on-Don, Russia, +89 (09) 453 67 80, chernova-o.a@mail.ru

STYLE FACTORS OF INNOVATION MODEL OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Competitive functioning of any economic model at micro- and macroeconomic level requires changes, leading to resource efficiency, reduction of labor intensity, improvement of productivity and extension of the assortment and capacity utilization. The innovative model of economy under discussion seems to be expedient in this context. Consequently, the aim of the present study is to identify factors affecting the level of innovation development of the country on the bases of the proposed system of indicators and formation of the intended direction of economic development. The analysis of global situation in the sphere of innovation activity is based on the statistical data of the year 2015. The factors reflecting the innovative level of Belarusian Economy are considered in detail. Pressures on the innovative development of regions in Belarus are grouped into four vectors (based on derivative indices).

The research results in: detection of the country innovation development factors, definition of regional specialization of innovation activity, elaboration of evaluation criteria of the country innovation development level which has regional and priority area differentiation.

Key words: innovation; impact factors; economic development; specialization; differentiation; evaluation of innovative development.

Fig. 7. Ref.: 6 titles.

Введение. Нынешняя картина мирового развития экономики отражает циклические фазы реформирования, соответствующие временным стадиям роста, спада, относительной стабильности. Данные изменения зависят от выбранных руководством страны приоритетов, обеспечивающих устойчи-

вость функционирования, акцент на последние достижения науки и техники. Принципами формирования такой ветви развития страны могут выступать: 1) инновационность — обеспечение отраслей народного хозяйства технико-технологическими инструментами, соответствующими современному уровню динамики в мире; 2) независимость — формирование ресурсного аппарата, автономного относительно стратегического сырья функционирования экономики; 3) диверсификация — обеспечение поливекторного хозяйства, обеспечивающего апробацию новых видов продуктов, услуг, стимулирование занятости населения; 4) глобализация — обеспечение безбарьерного обмена информацией, ресурсами между регионами, странами, создание производственных альянсов для достижения мультипликативных эффектов; 5) периферийность — создание условий для реализации своего потенциала провинциальными регионами с богатой материальной (ресурсы) и духовной (культура, обычаи) базой.

Фактором экономического развития, несомненно, выступают инновационные продукты, формирующие новый виток в создании устойчивой платформы функционирования государства с новым подходом в управлении, новыми средствами в производстве, обработке, доставке, позиционировании и других формах представления новых идей. Целью данного исследования является формирование блока факторов, влияющих на уровень инновационного развития страны, на основе предложенной системы показателей.

Методология и методы исследования. Вопросы исследования факторов инновационного развития, методологической базы его оценки, эконометрического моделирования, алгоритмизации стратегии инновационного развития освещены в работах профессора Л. Г. Матвеевой [1] (разработка экономико-математических моделей прогнозирования инновационного развития), профессора О. А. Черновой [2] (факторный анализ динамики уровня инновационного развития), профессора Т. А. Авериной [3] (типологизация моделей инновационного развития), Т. В. Голдяковой [4], М. П. Посталюк [5] и других учёных. Труды данных деятелей науки легли в основу проведённого в настоящей статье исследования.

Авторы статьи при её написании использовали общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Инновационная активность страны определяется по доле инновационно активных организаций, под которыми понимаются организации, осуществляющие затраты на технологические инновации. Однако организации могут инвестировать в создание нового продукта, в покупку уже готового нового продукта. В связи с этим целесообразно выделить две группы инновационно активных организаций: 1) организации-производители — производят инновационную продукцию; 2) организации-потребители — приобретают уже готовую инновационную продукцию.

Баланс двух данных категорий, с учётом внешних и внутренних инвесторов, государственного механизма регулирования инновационной деятельности, уровня запросов общества и других элементов, формирует идеальную инновационную модель развития экономики страны.

Повышение инновационной активности организаций генерирует тренд «обновления жизни» в разных сферах, обеспечивая таким образом улучшение условий труда, энергонезависимость, синергетический эффект от интегрированного функционирования организаций, расширение инфраструктуры, высокое качество продукции и др. Данные факторы в комплексе создают платформу конкурентоспособности организаций, отраслей и страны в целом. Однако для определения будущего вектора развития и факторов, его обуславливающих, необходимо первоначально оценить текущий инновационный уровень страны (региона, отрасли), после чего уже формировать концепцию инноватизации.

Под моделью инновационного развития, на основе обобщения научных подходов, нами понимается многовекторный полюс функционирования страны (региона), базирующийся на широком применении усовершенствований в технико-технологическом, организационно-экономическом, эколого-социальном направлениях по сферам жизнедеятельности.

Мировая конкуренция за инновации по темпам их создания, глобальности пользы их результатов создаёт условную форму «игры» между странами за генерацию идей и их внедрение в практическую деятельность для обеспечения безопасности государства и формирования факторов форсирующего его развития. Каждая страна нацелена на обеспечение как можно большей доли хозяйственных субъектов процессом инноватизации в целях достижения комплексного успеха для государства (показатель уровня инновационной активности) (рисунок 1).

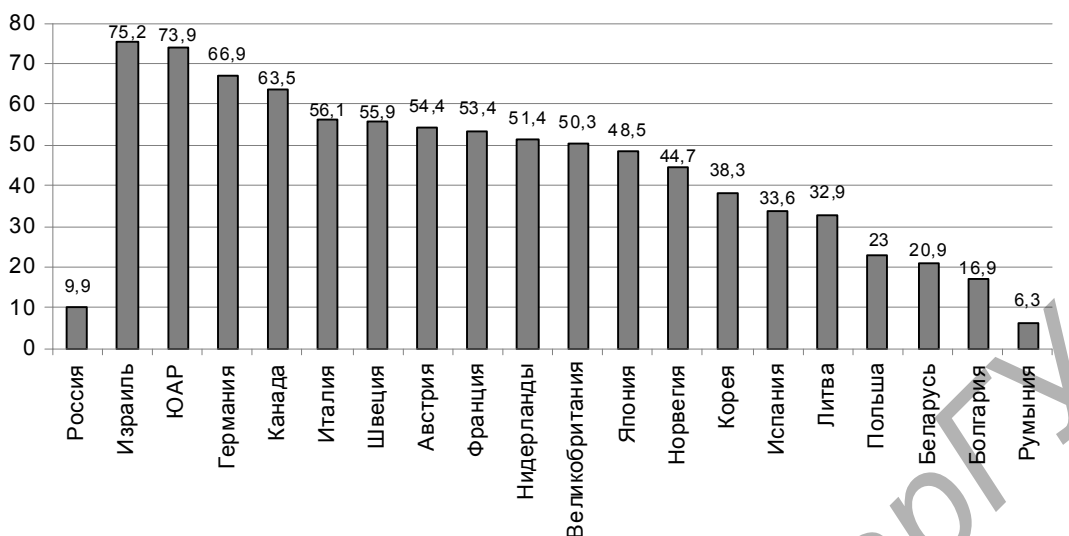

Рисунок 1. — Совокупный уровень инновационной активности по странам, %

Примечание. Собственная разработка на основе [6].

Инновационный тренд формирует траекторию развития страны в отдельном направлении — специализации региона. Наибольшая доля инновационно активных организаций сконцентрирована в производственном проектировании и приобретении машин, оборудования (более 50% с 2005-го по 2014 год), а наименьшая — в маркетинговых исследованиях (менее 10%) (рисунок 2).

В Беларуси за последние 10 лет пока превалирует деятельность организаций-консументов, приобретающих уже готовую инновационную продукцию. При этом следует также подразделять инновации на продуктовые (материализованные товары) и процессные (набор новых услуг, работ) (рисунок 3).

Стержнем экономики являются именно продукты материализованные, на которые расходованы соответствующие денежные средства, вложенные в данный продукт, а не неосязаемые — средства, которые можно проконтролировать только путём сопоставления конечного и начального результата

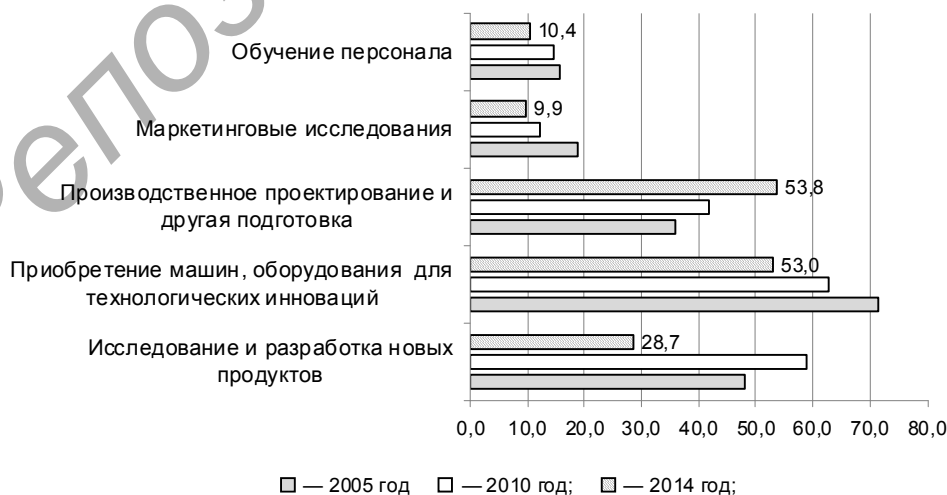

Рисунок 2. — Структура специализации инновационных организаций в общем числе по видам инновационной деятельности, %

Примечание. Составлено автором на основе [7].

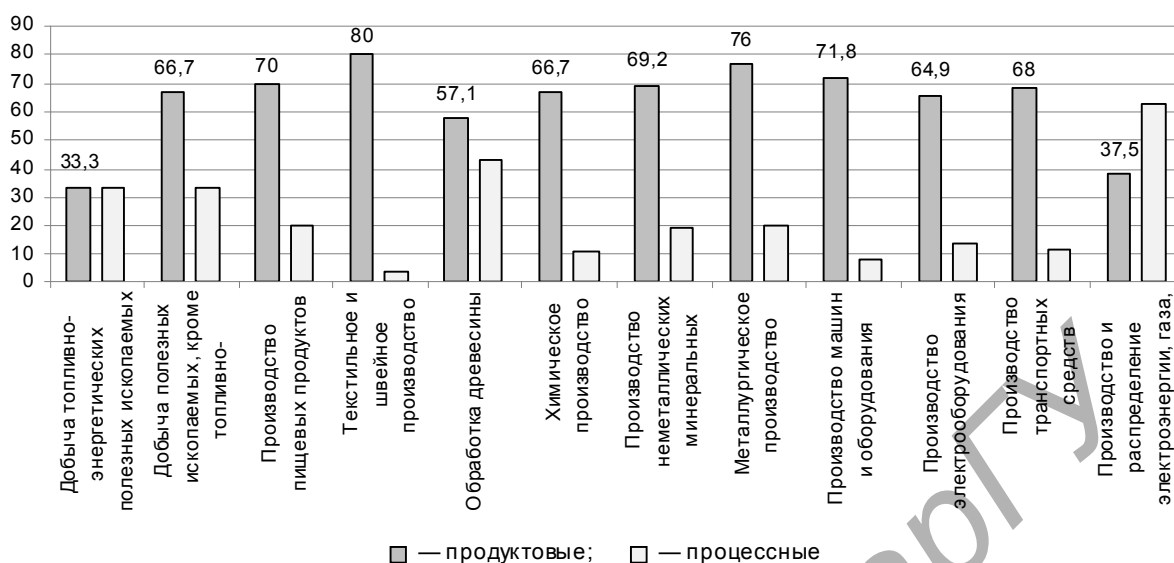

Рисунок 3. — Структура инновационной активности организаций по типам инноваций в Республике Беларусь за 2015 год, %

Примечание. Составлено автором на основе [6].

(направленного на повышение качества условий жизнедеятельности и функционирования). Преобладание в Беларуси продуктовых инноваций формирует благоприятные условия развития экономики, базирующейся на продуктивных средствах труда. В региональном разрезе по Беларуси специализирующимися на процессных инновациях являются Брестская и Витебская области (процессные инновации более чем в 3 раза превосходят создание продуктовых инноваций), остальные регионы — «создатели» новых продуктов (рисунок 4).

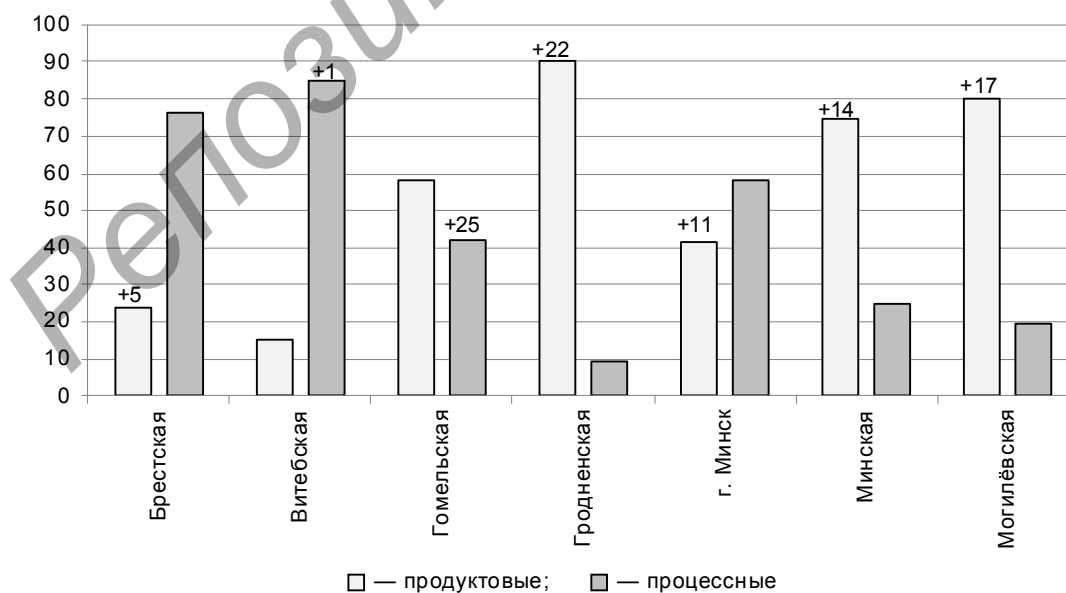

Рисунок 4. — Структура типов инноваций по областям Беларуси за 2015 год, %

Примечания: 1) составлено автором статьи на основе [6]; 2) цифра над столбцами — процентный прирост типа инноваций в 2015 году по сравнению с 2005 годом.

Ценность инноваций, как любого товара, определяется их спросом на рынке. Причём более высокую оценку, их конкурентоспособность отражает внешний спрос, формируемый ростом доли экспорта (рисунок 5). «Инновационно активными» областями (по доле инноваций в объёме отгруженной продукции) являются Витебская (27,82%), Гомельская (18,54%), низкий показатель инновационности отмечен в Брестской (всего 2,04%). Данную схему можно объяснить высоким уровнем физического и морального старения средств труда, используемых в сфере создания инновационной продукции в частности и валового регионального продукта в целом. В результате стоимость инновации возрастает из-за неоправданно высоких затрат ошестовлённого труда. В большинстве регионов (кроме Брестской области) отмечено преобладание экспорта инноваций над их поставкой на внутренний рынок. Данное обстоятельство можно объяснить, с одной стороны, активизацией валютных потоков, с другой — позиционированием продукции, региона и страны в целом. Однако негативным явлением может выступать стремление создавать новинки «на сторону» и их использование зарубежными фирмами, но не своими! Основной причиной, мы считаем, выступает слабое стимулирование, в первую очередь материальное, вторая проблема — негативное (в лучшем случае — нейтральное) отношение к изменениям, поэтому новаторы склонны предлагать свои оригинальные идеи иностранным покупателям, способным удовлетворить вышеназванные условия.

Одним из факторов экономического развития страны можно назвать уровень дифференциации затрат на инновации — выявление сферы деятельности с наибольшей долей инвестированных средств на повышение конкурентоспособности продукции (рисунок 6). В Беларуси наибольший объём средств на инноватизацию приходится на предпринимательский сектор, который выступает в качестве локомотива экономической устойчивости страны, обеспечивая высокий уровень и частоту денежных потоков.

В большинстве исследуемых стран мира преобладают затраты на инновации в предпринимательском секторе, формирующем новые продукты, услуги. Однако в прибалтийских государствах (Литва, Латвия) «лидером» выступает сегмент высшего образования, в который инвестируется более 50% от общей суммы затрат на инновации, что определяет приоритет вектора развития данного блока стран.

Ещё одним определяющим фактором воздействия на уровень инновационного развития страны можно назвать кадровый потенциал, формируемый на основе доли населения с высшим образованием,

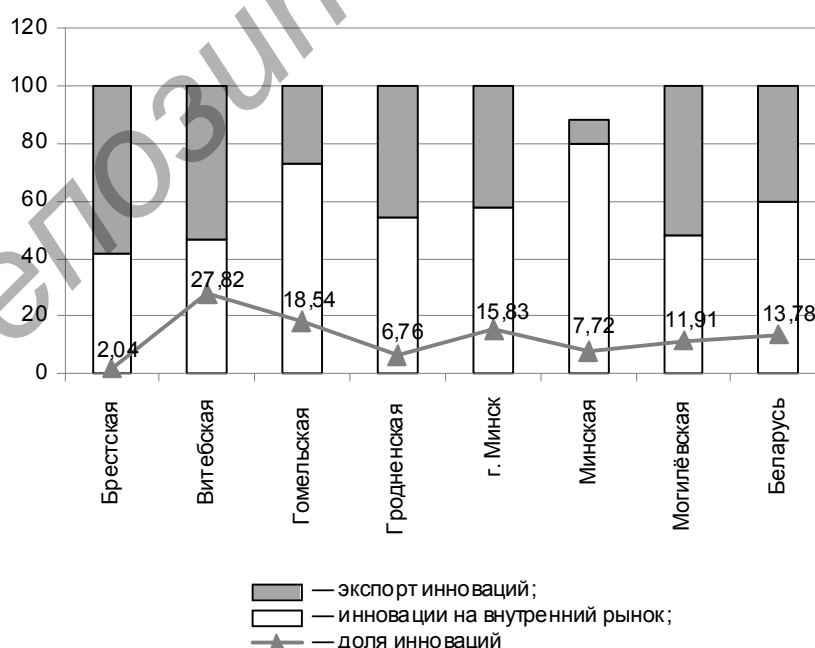

Рисунок 5. — Структура реализации инноваций по областям Беларуси за 2015 год, %

Примечание. Составлено автором на основе [6].

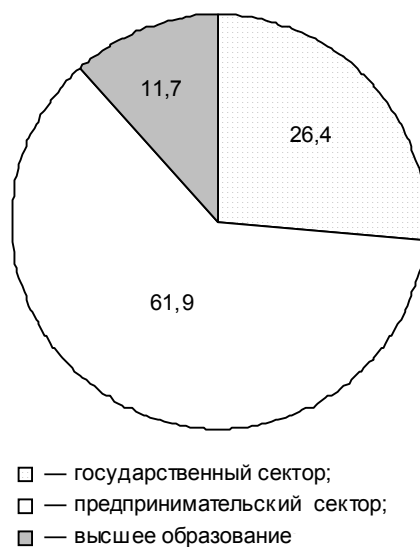

Рисунок 6. — Структура внутренних затрат на инновации в Беларуси за 2015 год, %

Примечание. Составлено автором на основе [6].

результативности послевузовского образования. В Беларуси доля населения в возрасте 30—34 лет с высшим образованием составляет 28,4%, а выпуск аспирантов, докторантов на 10 тысяч человек населения — 8 человек (в сравнении, например, с Норвегией, страной с высоким качеством жизни, — 47,6% и 20 человек соответственно).

Страны с высоким уровнем кадрового потенциала — Великобритания, Норвегия, Швеция — в качестве одного из ведущих локомотивов экономического развития определяют именно интеллектуальные ресурсы, для чего необходимо, в первую очередь, материальное стимулирование.

С целью количественной оценки уровня инновационного развития стран, кроме традиционных, предложен комплекс следующих показателей:

- 1) доля инновационно активных организаций (показатель 1 — инновационная активность);
- 2) затраты на технологические инновации на одну инновационно активную организацию (показатель 2 — затратноёмкость);
- 3) объём производства инновационной продукции на одну инновационно активную организацию (показатель 3 — производительность);
- 4) доля экспорта инноваций в общем объёме отгруженной инновационной продукции (показатель 4 — экспортноёмкость).

Данный комплекс индикаторов определён в качестве базового при оценке уровня инновационного развития региона (страны), а также как платформа стратегирования направлений развития по инновационной траектории.

Полученные результаты оценки представлены на графике перекрытия и отражают сильные и слабые стороны инновационной деятельности исследуемых регионов (таблица 1).

В результате оценки интегрального индикатора как среднегеометрического из четырёх компонент сформированы ранги областей (наивысший результат у Витебской области; выше среднего по Беларуси — в Минске, Гомельской области; остальные регионы отстают от «среднебелорусской планки»). Основными факторами инновационного развития по оценке областей Беларуси являются производительность инновационной продукции и затраты на её создание (рисунок 7).

Заключение. Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

- 1) на основе анализа мирового уровня инновационного развития Республика Беларусь (20,9%) соответствует показателю ниже среднего (30%). Повышение уровня выступает объективной необходимостью.

Т а б л и ц а 1. — Показатели оценки уровня инновационного развития областей Республики Беларусь

Регион	Показатель			
	Производительность, 100 млрд р. на одну организацию	Затратоёмкость, млрд р. на одну организацию	Инновационная активность, % к общему количеству	Экспортоёмкость, % к объёму отгрузки
Брестская	11,55	16,55	16,3	2,04
Витебская	11,63	30,93	27,4	27,82
Гомельская	27,36	10,80	14,4	18,54
Гродненская	9,90	3,51	25,2	6,76
г. Минск	9,11	17,66	33,5	15,83
Минская	16,09	19,76	14,8	7,72
Могилёвская	14,95	17,97	16,3	11,91
Республика Беларусь	13,28	26,85	13,9	13,78

Примечание. Собственная разработка.

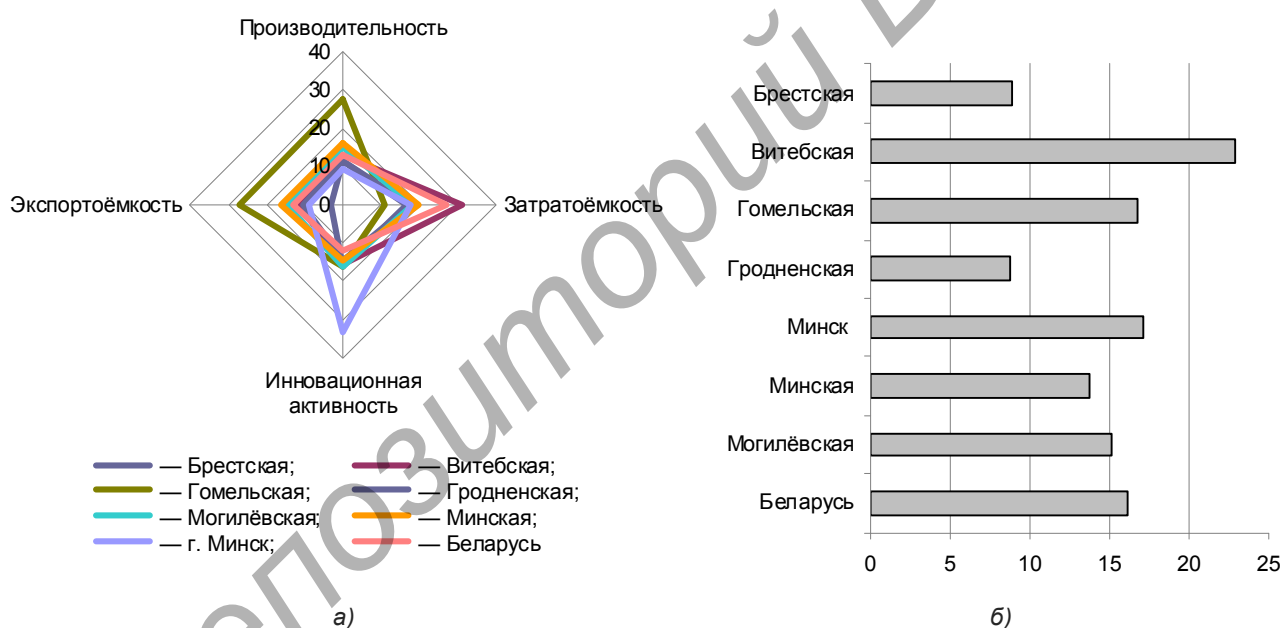

Рисунок 7. — Группировка факторов воздействия на инновационный уровень развития областей Беларуси (а) с отражением условно интегрального индикатора (б)

тью и первоочередной задачей для страны (данный вывод подтверждён выступлением высшего руководства Республики Беларусь на V Всебелорусском народном собрании, проходившем 22—23 июня 2016 года. Одним из факторов, мешающих движению вперёд, Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко назвал низкую инновационную активность [7]);

2) на основе анализа взаимосвязи выявлены центры воздействия на динамику инновационного развития и проанализировано их влияние на уровень экономического состояния страны (структура внутренних затрат на инновации, структура реализации инноваций, структура типов инноваций, структура инновационной активности организаций по типам инноваций, структура специализации инновационных организаций по видам экономической деятельности), что позволит значительно повысить качество разработки инновационной модели экономического развития страны;

3) с целью количественной оценки уровня инновационного развития страны предложена система показателей, отражающих трудовую составляющую, внешнеэкономический вектор, интенсивный и экстенсивный рычаги воздействия. На базе данных показателей построена диаграмма перекрытия с выделением четырёх векторов развития (приоритет в направлении экономической устойчивости страны формирует фактор производительности труда). Данная система индикаторов и графический инструмент векторной динамики позволят провести углублённый анализ инновационной деятельности страны (областей) с дифференциацией по векторам развития, воздействующим на экономическое развитие, и могут быть полезны как органам власти при разработке и корректировке политики инноватизации экономики, так и менеджменту организаций при формировании стратегии инновационного развития.

Список цитируемых источников

1. Матвеева, Л. Г. Оценка эффективности политики импортозамещения в промышленности: методический инструментарий / Л. Г. Матвеева, О. А. Чернова, В. В. Климук // Изв. Дальневосточ. федер. ун-та. Сер. : Экономика и управление. — 2015. — № 3 (75). — С. 3—14.
2. Чернова, О. А. Механизмы активизации инновационной активности предприятий / О. А. Чернова, А. С. Садовников // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1, ч. 1. — С. 759—765.
3. Аверина, Т. А. Анализ моделей и методов управления инновационным развитием предприятия / Т. А. Аверина // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектурно-строит. ун-та. Сер. : Управление строительством. — 2014. — № 1 (6). — С. 76—83.
4. Голдякова, Т. В. Понятие и классификация инноваций / Т. В. Голдякова // Рос. внешнеэкон. вестн. — 2006. — № 2. — С. 20—27.
5. Посталюк, М. П. Механизмы обеспечения инноватизации структур экономического развития / М. П. Посталюк, В. Ю. Гусарова // Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике. — 2014. — С. 27—30.
6. Индикаторы инновационной деятельности: 2016 : стат. сб. — М. : НИУ ВШЭ, 2016. — 320 с.
7. Доклад Президента Беларуси на пятом Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-pjatom-vsebelorusskom-narodnom-sobranii-13867/. — Дата доступа: 25.06.2016.

Поступила в редакцию 25.06.2016.

УДК 330.34

О. А. Лабейко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (163) 45 26 49, Olgo.Labeyko@tut.by

РЕЗЕРВЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАНЫ: ПРОБЛЕМЫ ИЗЫСКАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Демографической основой формирования трудового потенциала страны является процесс воспроизводства населения, обеспечивающий непрерывное возобновление поколений людей. В условиях негативных демографических тенденций особую значимость и актуальность приобретает оценка влияния демовоспроизводственных процессов на трудовой потенциал страны. В статье проведён комплексный анализ рождаемости, смертности и миграции с точки зрения их влияния на масштабы ресурсов труда. Выделен трудовой потенциал лиц с ограниченными возможностями как один из возможных дополнительных источников рабочей силы.

Ключевые слова: демографический компонент; рождаемость; смертность; миграция населения; трудовой потенциал лиц с ограниченными возможностями.

Табл. 3. Рис. 1. Библиогр.: 4 назв.

O. A. Labeyko

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21, Voykova str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (163) 45 26 49, Olgo.Labeyko@tut.by

PROVISIONS TO INCREASE LABOR POTENTIAL OF THE COUNTRY: PROBLEMS OF FINDING AND THEIR SOLUTION

Formation of socially-oriented market economy model based on innovative development involves effective use of competitive advantages, which, first and foremost, is labor potential of the national economy. Efficient use of labor potential is impossible without its analysis that determines the conditions of its reserve formation and increase.

The article assesses the demographic component of labor potential in Belarus, considers the ways how to increase labor resources. It is suggested to employ people with disabilities as additional source of work force.

Key words: demographic components; fertility; mortality; migration; labor potential; people with disabilities.

Table 3. Fig. 1. Ref.: 4 titles.

Введение. Люди — основное богатство общества, его главная производительная сила. Чем выше уровень социально-экономического развития общества, тем весомее должна быть роль труда и человеческого фактора в нём. Именно в трудовом потенциале аккумулируются возможности всех членов общества к созидательной деятельности во всех сферах жизни. От количества и качества трудового потенциала страны зависят темпы научно-технического прогресса, организация, культура и производительность труда, качество экономического роста и социальный прогресс. В международном сообществе утвердилось понимание, что экономика существует ради людей, а не люди ради развития экономики.

Социально ориентированная модель экономического развития Республики Беларусь, ориентация системы хозяйствования на наукоёмкий и высокотехнологичный способ производства создаёт потребность в таком трудовом потенциале, параметры которого наиболее полно отвечают целям и задачам общественного развития. Чтобы реально оценить возможности и ограничители реализации сформулированных задач, лежащих на стороне человеческого фактора, люди должны знать, каким трудовым потенциалом в количественно-качественном измерении располагает общество.

Методология и методы исследования. Понятие «трудовой потенциал» появилось в научной литературе в 70-е годы XX века и стало широко использоваться в экономической практике. Особенности и условия формирования трудового потенциала общества, его структура и методы оценки, способы и направления эффективного использования становятся объектом исследования многих учёных-экономистов и демографов. Существенный вклад в изучение проблемы внесли Л. И. Абалкин, Э. М. Либанова, Е. В. Макарова, М. П. Пилуй, Н. Н. Привалова, А. А. Раков, Л. Л. Рыбаковский, Л. Е. Тихонова, Г. Н. Тыбердай, Л. П. Шахотько, П. Е. Шевчук, В. Н. Шимов.

Несмотря на достаточно большое количество публикаций, посвящённых изучению роли человеческого фактора в процессе общественного производства, среди учёных ведётся дискуссия и имеется немало разноречивых суждений. Из всего многообразия представлений о потенциале можно выделить три основных подхода: 1) ресурсный, рассматривающий трудовой потенциал как совокупность количественных и качественных характеристик трудовых ресурсов страны; 2) факторный, характеризующий трудовой потенциал как систему материальных и трудовых факторов, т. е. количество и качество ресурсов труда, а также условия его формирования, развития и использования; 3) системный, выражающий трудовой потенциал как целостное единство структуры и функции объекта, их взаимосвязи, как совокупную возможность коллектива для выполнения каких-либо задач.

По нашему мнению, именно факторный подход в наибольшей степени даёт возможность не только исследовать и оценить трудовой потенциал страны, но и выявить характер и степень влияния современных демографических, социальных и экономических условий на процесс его воспроизводства, выявить источники и резервы увеличения ресурсов труда. Выделяют четыре взаимосвязанных компонента трудового потенциала: демографический, естественно-биологический, профессионально-квалификационный и социально-экономический. Задачей современного анализа является оценка составляющих трудового потенциала общества и факторов, определяющих его масштаб, качество и уровень формирования.

Организация исследования. Выявление резервов увеличения трудового потенциала Республики Беларусь проводится на основании оценки демографического компонента с учётом влияния рождаемости, смертности и миграции на масштабы ресурсов труда. Лица с ограниченными возможностями рассматриваются как потенциальный дополнительный источник рабочей силы в Республике Беларусь.

Результаты исследования и их обсуждение. Демографический компонент относится к числу главных количественных характеристик трудового потенциала общества. Его основой является численность трудовых ресурсов страны, к которым в Республике Беларусь относятся: население трудоспособного возраста (за исключением неработающих инвалидов I и II групп и неработающих лиц, получающих пенсию по возрасту на льготных условиях), а также лица старше и младше трудоспособного возраста, занятые в экономике [1]. Рассмотрим уровень трудового потенциала страны (таблица 1).

Формирование трудового потенциала республики происходит в условиях сокращения общей численности населения с 9 500 тыс. человек в 2010 году до 9 468,2 тыс. человек к аналогичному периоду 2014 года. Такая динамика детерминирована, прежде всего, естественной убылью населения (в 2014 году число умерших в целом по республике превысило число родившихся на 3 тыс. человек). За анализируемый период уровень трудового потенциала, выражающегося через численность трудовых ресурсов, уменьшился на 73 тыс. человек. При этом темпы снижения численности трудовых ресурсов опережают темпы снижения населения страны. Следовательно, уменьшение трудового потенциала вызвано как демографическими, так и социальными, экономическими причинами.

В структуре трудового потенциала страны наибольшую тревогу вызывает сокращение населения трудоспособного возраста на 160 тыс. человек, а также рост удельного веса лиц старше трудоспособного возраста, занятых в экономике (+1,5 процентного пункта).

Такая тенденция изменения возрастного состава трудовых ресурсов вызвала увеличение показателя демографической нагрузки на трудоспособное население до уровня 705 нетрудоспособных человек на 1 000 человек трудоспособного возраста [4]. Данные изменения негативно сказываются на социально-экономическом развитии республики: увеличение расходов на пенсионное обеспечение, изменение структуры занятости, снижение интенсивности ведения народного хозяйства.

Т а б л и ц а 1. — Динамика трудового потенциала Республики Беларусь, тыс. человек

Показатель	Год				
	2010	2011	2012	2013	2014
Численность населения	9 500,0	9 481,2	9 465,2	9 463,8	9 468,2
Трудовые ресурсы / удельный вес в численности населения, %	6 078,5 / 64,0	6 031,4 / 63,6	6 030,0 / 63,7	5 989,1 / 63,7	6 005,5 / 63,3
Лица младше трудоспособного возраста, занятые в экономике / удельный вес в численности трудовых ресурсов, %	0,1 / 0,001	0,1 / 0,001	0,1 / 0,001	0,1 / 0,001	0,1 / 0,001
Трудоспособное население в трудоспособном возрасте / удельный вес в численности трудовых ресурсов, %	5 742,0 / 94,5	5 694,9 / 94,4	5 637,4 / 93,5	5 587,1 / 93,3	5 582,2 / 93,0
Лица старше трудоспособного возраста, занятые в экономике / удельный вес в численности трудовых ресурсов, %	336,4 / 5,5	336,4 / 5,6	392,5 / 6,5	401,9 / 6,7	423,3 / 7,0

Примечание. Расчёты автора на основе официальных статистических данных [2].

Ввиду сложившейся тенденции сокращения масштабов трудового потенциала Республики Беларусь встаёт острая необходимость поиска и выявления резервов увеличения ресурсов труда. Важнейшими факторами изменения количественных параметров численности населения в трудоспособном возрасте являются рождаемость, смертность, естественный прирост населения и миграция.

Сложившаяся в Республике Беларусь рождаемость как один из факторов, определяющих численность поколений, которые вступают в трудоспособный возраст, характеризуется позитивными тенденциями. Рост числа родившихся ежегодно составляет 3,8 тыс. человек, в результате общий коэффициент рождаемости достиг уровня 12,5‰. Влияние рождаемости на формирование трудоспособного населения проявляется через временной лаг, составляющий 16 лет. Следовательно, в 2010—2014 годах в трудоспособный возраст вступили малочисленные поколения, родившиеся в период 1994—1998 годов. Вместе с тем величина трудового потенциала также зависит от численности населения, выходящего за пределы трудоспособного возраста. В анализируемом периоде это многочисленные поколения мужчин 1950—1954 и женщин 1955—1959 годов рождения (таблица 2).

Основная тенденция рождаемости в Республике Беларусь в 1994—1998 годах выражается в устойчивом уменьшении числа рождений: в среднем на 3,6 тыс. человек в год. Трудовой потенциал республики пополнили малочисленные поколения людей, приблизительно 489,8 тыс. человек. Численность населения, выходящего за пределы трудоспособного возраста, составила 649,7 тыс. человек, что на 32,7% больше по сравнению с входящими когортами населения. В результате в 2010—2014 годах численность трудоспособного населения сокращалась.

Таким образом, рассматривая рождаемость как один из резервов увеличения численности трудового потенциала, необходимо отметить, что в 2016—2020 годах установившийся уровень рождаемости определил закономерности снижения трудового потенциала Республики Беларусь. В трудоспособный возраст будут вступать малочисленные когорты населения 2000—2004 годов рождения, по предварительным расчётам 451,6 тыс. человек. За пределы трудоспособного возраста будет выходить поколение послевоенных годов рождения (мужчины 1956—1960, женщины — 1961—1965 годов рождения), которое составит 719,2 тыс. человек.

Т а б л и ц а 2. — Динамика влияния тенденций рождаемости на численность населения трудоспособного возраста Республики Беларусь в 2010—2014 годах

Год рождения	Число родившихся (всего), чел.	Год вступления в трудоспособный возраст (выхода из трудоспособного возраста)	Среднегодовая численность			Разность между когортами населения
			мужчин (в возрасте 60 лет)	женщин (в возрасте 55 лет)	всего	
1994	110 599	2010	48 016	75 363	123 379	-12 780
1995	101 144	2011	50 271	77 184	127 455	-26 311
1996	95 798	2012	50 380	79 369	129 749	-33 951
1997	89 586	2013	48 442	83 289	131 731	-42 145
1998	92 645	2014	54 680	82 758	137 438	-44 793

Примечание. Расчёты автора на основе официальных статистических данных [4].

Уровень смертности населения в трудоспособном возрасте определяет динамику потерь трудового потенциала республики. За анализируемый период трудоспособное население сокращалось в среднем на 28,2 тыс. человек в год, общие потери составили 141,43 тыс. человек (рисунок 1). В 2010 году число умерших в трудоспособном возрасте составляло 0,55% к численности всего трудоспособного населения, в 2014-м этот показатель снизил своё значение до уровня 0,44%. В 2010—2014 годах положительная динамика сокращения общего уровня смертности населения в республике предопределила сокращение смертности населения в трудоспособном возрасте на 24%.

Обращает на себя внимание высокий уровень смертности мужчин в трудоспособном возрасте (81,5%). В республике мужчин умирает в 4,4 раза больше, чем женщин. Возрастные показатели смертности имеют наибольшее значение у мужчин в возрасте от 55 до 59 лет и у женщин от 50 до 54 лет. Среди основных классов причин смерти трудоспособного населения первое место занимают болезни системы кровообращения (55,5%), второе и третье место — новообразования и внешние причины (14,3% и 8% соответственно) [3].

Таким образом, сокращение уровня смертности населения в трудоспособном возрасте является одним из резервов увеличения масштабов трудового потенциала страны. Однако, согласно проведённым исследованиям половозрастной структуры трудового потенциала Республики Беларусь, а также расчётным данным, до 2020 года резкого снижения уровня смертности населения трудоспособного возраста не произойдёт. Это связано с тем, что в возрастную группу мужчин с самым высоким уровнем смертности в возрасте 55—59 лет будет входить когорта, по численности большая на 25 тыс.

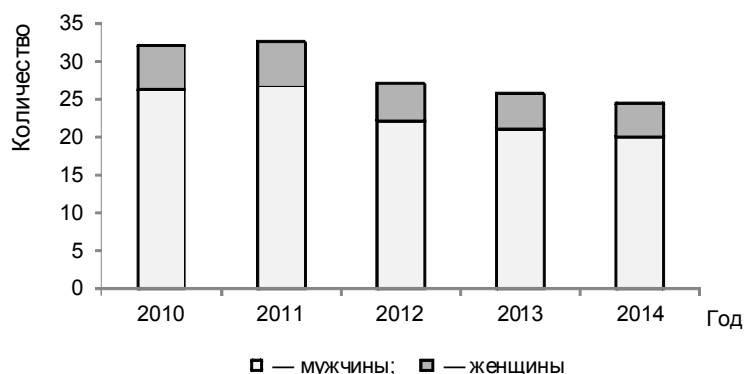

Рисунок 1. — Потери трудового потенциала по причине смертности населения трудоспособного возраста, тыс. человек

Примечание. Расчёты автора на основе официальных статистических данных [2; 3].

Т а б л и ц а 3. — Итоги международной миграции населения трудоспособного возраста Республики Беларусь, человек

Показатель	Год				
	2010	2011	2012	2013	2014
Число прибывших	11 693	11 786	9 727	11 879	15 831
Число выбывших	5 057	5 561	6 353	5 829	7 266
Миграционный прирост, убыль (–)	6 636	6 225	3 374	6 050	8 565

Примечание. Расчёты автора на основе официальных статистических данных [4].

человек. Вместе с тем возрастную группу женщин от 50 до 54 лет заменит когорта населения, меньшая на 61 тыс. человек. Данные демографические процессы будут определять некоторое увеличение численности умерших мужчин трудоспособного возраста и снижение женской смертности.

Важное значение при формировании трудового потенциала общества имеет миграция населения. В настоящее время в Беларуси происходит как внешняя, так и внутренняя миграция. В 2010—2014 годах численность въезжающих на территорию страны граждан увеличилась до 24,9 тыс. человек. Поток эмигрантов из Беларуси имеет относительно стабильное значение — около 9 тыс. человек в год. Положительное сальдо миграции установилось на уровне 15,7 тыс. человек. Впервые за последние десять лет в 2013—2014 годах за счёт мигрантов стало возможным возместить естественную убыль населения, что способствовало положительному общему приросту населения и росту количества трудового потенциала республики (таблица 3).

Общая численность прибывших мигрантов в трудоспособном возрасте составляет в среднем 12 тыс. человек в год, из них в наиболее активном трудовом возрасте — 21%. Также необходимо отметить, что 38% граждан, въезжающих в республику, имеют высшее образование. В результате миграционного обмена преобладающую часть эмигрантов трудоспособного возраста составляет население в возрасте от 20 до 34 лет. Сегодняшние темпы миграционного прироста населения компенсируют потери трудового потенциала из-за сложившегося уровня смертности на 35%. Таким образом, в перспективе миграция становится единственным резервом увеличения трудового потенциала республики.

Ввиду сложившейся демографической ситуации в республике возможным резервом увеличения трудового потенциала может стать трудовой потенциал людей с ограниченными возможностями. По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, за сентябрь 2015 года в органах по труду, занятости и социальной защите состоят на учёте 517 тыс. инвалидов I, II и III групп в возрасте 18 лет и старше. Из них не более 5% (около 2,6 тыс. человек) с I и II группами инвалидности имеют возможность реализовать свой трудовой потенциал на специализированных предприятиях, участках и цехах. Практика показывает, что в Республике Беларусь существует доля лиц с инвалидностью, обладающих способностями к труду, но не имеющих возможность их реализовать в связи с ограниченностью социальной инфраструктуры, традиционным пенсионированием инвалидов вместо создания условий для профессиональной, трудовой реабилитации и интеграции их в общество.

Учитывая указанное, целесообразной и объективно своевременной представляется разработка и реализация технологии инклюзивного трудоустройства лиц с ограниченными возможностями посредством совершенствования механизма бронирования рабочих мест, что будет способствовать увеличению количественного состава трудового потенциала страны, повышению уровня и качества жизни социально уязвимых групп населения, снижению экономической напряжённости в обществе.

Заключение. В 2010—2014 годах формирование трудового потенциала Республики Беларусь происходило в неблагоприятных условиях. В трудоспособный возраст вступали малочисленные поколения людей 1994—1998 годов рождения, а выходили многочисленные когорты мужчин 1950—1954 и женщин 1955—1959 годов рождения. При этом сложившийся уровень смертности населения

в трудоспособном возрасте определил сокращение трудового потенциала на 141 тыс. человек, особенно большие потери несли мужчины, смертность которых составила 81,5%.

В условиях суженного воспроизводства населения актуальным становится вопрос выявления резервов увеличения трудового потенциала. Предложено рассмотреть трудовой потенциал лиц с ограниченными возможностями как один из возможных дополнительных источников рабочей силы в стране.

Список цитируемых источников

1. Об утверждении Методики по формированию и расчёту баланса трудовых ресурсов : постановление Нац. стат. комитета Респ. Беларусь, 8 мая 2013 г., № 28 ; в ред. постановления Нац. стат. комитета Респ. Беларусь от 13 апр. 2015 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2015. № 18. 7/3092.
2. Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2015 : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск : [б. и.], 2015. — 448 с.
3. Труд и занятость в Республике Беларусь, 2014 : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск : [б. и.], 2014. — 321 с.
4. О естественном движении населения по Республике Беларусь за 2014 год : стат. бюл. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск : [б. и.], 2015. — 37 с.

Поступила в редакцию 14.01.2016.

УДК 620.92 (597)

Нго Ань Туэт

Белорусский национальный технический университет, Министерство образования Республики Беларусь,
пр-т Независимости, 65, 220013 Минск, Республика Беларусь, +375 (17) 242 75 35, tuyetna@epu.edu.vn

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Сегодня в использовании энергетических источников во Вьетнаме имеют место значительные насущные проблемы, которые необходимо решить с целью ориентации экономики на «зелёное» развитие, обеспечивающее экономический рост, социальную стабильность, защиту окружающей среды. В статье анализируется социально-экономическое положение страны за последние 15 лет и даётся прогноз экономического роста на период до 2030 года. Оценивается производство и потребность в энергии на текущий момент и в будущем с учётом существующих энергетических ресурсов во Вьетнаме. На основе проведённого анализа рассматриваются проблемы, препятствующие развитию возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ) во Вьетнаме, и предлагается решение для энергетических проблем страны.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии; подход к развитию ВИЭ; энергетический кластер.

Табл. 2. Библиогр.: 8 назв.

Ngo Anh Tuyet

Belarusian National Technical University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 65, Nezavisimosti ave,
220013 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (17) 242 75 35, tuyetna@epu.edu.vn

THE OFFERED APPROACH TO DEVELOPMENT OF RENEWABLES IN VIETNAM

Nowadays there are considerable pressing problems in the use of energy sources in Vietnam. They need to be solved for the purpose of economy orientation to the “green” development providing the economic growth, social stability and environment protection. The country economic and social situation for the last 15 years is analyzed and the forecast of economic growth for the period till 2030 is given. Production and need for energy at present and in the future taking into account the existing energy resources in Vietnam is estimated. On the basis of the carried-out analysis the problems interfering development of renewable energy resources in Vietnam are considered and the solution for energy problems of the country is offered.

Key words: renewable energy resources; approach to development of RES; energy cluster.

Table 2. Ref.: 8 titles.

Введение. Социалистическая Республика Вьетнам (Вьетнам) находится в Юго-Восточной Азии. Это страна с площадью территории 330 тысяч квадратных километров и населением около 90 миллионов человек.

Во Вьетнаме представлены различные по видам собственности предприятия: государственные, коллективные, частные, предприятия на основе смешанной собственности с частью государственного капитала, предприятия с иностранными инвестициями (совместные предприятия). При этом наибольшая доля принадлежит государственным предприятиям.

Основная часть. Состояние социально-экономического развития Вьетнама в период с 2001 по 2015 годы характеризуется следующими показателями. Экономика Вьетнама базируется на трёх основных секторах: первичный (сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство); вторичный (обрабатывающая промышленность и строительство); третичный (сфера услуг). В структуре экономики страны основными отраслями являются промышленность, сельское хозяйство, торговля, транспорт, отрасли социально-культурной ориентации (сфера услуг).

За десять лет (с 2001 по 2010 год) валовый внутренний продукт (ВВП) увеличился в среднем на 7,26%, в том числе за период 2001—2005 годов вырос в среднем на 7,51%; за 2006—2010 годы — на 7,01%; в период 2011—2015 годов это увеличение составило почти 6%.

Экономический рост Вьетнама относительно высокий и стабильный. Согласно вариантам прогноза, экономика страны определяется как способная сохранить высокие темпы роста в будущем со средним годовым ростом в 7%, а при варианте прогноза быстрого развития возможен рост в 8% [1].

Рост ключевых экономических отраслей показывает, что экономика Вьетнама быстро развивается. В связи с этим спрос на энергию и на инвестиционный капитал возрастает. Среднее потребление коммерческой энергии, согласно прогнозу, намного увеличится в основном и интенсивном вариантах и составит в 2020 году — 821 и 871 kgOE / чел. в год и в 2030 году — 1488 и 1713 kgOE / чел. в год соответственно. Прогнозируется увеличение потребления от 2 до 4 раз, в то время как среднее потребление коммерческой энергии в 2012 году составило всего 395 kgOE / чел. в год (kgOE: kilogram of oil equivalent — килограмм нефтяного эквивалента) [2; 3].

Проанализируем источники энергии, используемые для социально-экономического развития во Вьетнаме.

Сегодня энергетическую систему страны представляют традиционные (уголь, нефть, газ, гидроэнергия, производимая на гидроэлектростанциях (далее — ГЭС)) и нетрадиционные (гидроэнергия — малые ГЭС, энергия ветра, солнечная энергия) источники электрической энергии. В будущем прогнозируется появление новых источников энергии: ядерная энергия, гидроэнергия, энергия биомассы.

Энергетическая система Вьетнама традиционно использует ископаемое топливо (уголь, нефть, газ) и гидроэнергетику (ГЭС), которые являются основными источниками энергии для обеспечения потребностей экономики.

Во Вьетнаме уголь составляет почти 20% общего конечного потребления энергии и примерно 17-20% годовой структуры производства электроэнергии на данный период. Вьетнам оценивается как страна с богатым потенциалом ресурса угля (таблица 1).

По причине последствий финансового кризиса и экономического спада, а также ввиду увеличения ресурсных налогов (в 15 раз) и других расходов, условия для добычи угля усложнились, что вызвало сокращение добычи угля в 2012 году. Самая большая доля в потреблении угля отводится потреблению для производства электроэнергии: 40—55% в 2010 году. По прогнозу до 2030 года доля угля для производства электроэнергии достигнет 80% от общего объема потребления.

Предварительно, залежи нефти оцениваются в 3,31—4,4 млрд м³, в то время как объемы газа составляют 55—60%. В настоящее время общие запасы газа — 150 млрд м³ — сосредоточены на континентальном шельфе Вьетнама и перекачиваются на берег [2].

Газ используется в производстве электроэнергии (газовые электростанции составляют около 40% в структуре годового производства электроэнергии); в качестве основного сырья для бытовых нужд и в промышленности (сжиженный природный газ обеспечивает 70% спроса для развития промышленности и внутренних потребителей в стране) и в производстве удобрений (снабжает 35—40% производства) [4].

Теоретически потенциал гидроэнергетики всей речной системы Вьетнама (включая малые ГЭС) — около 300 млрд кВт · ч / год. В структуре годового использования производственных мощностей страны гидроэнергетика составляет 30—50% от общей мощности производства электроэнергии.

С 2000 года электроэнергетическая промышленность государства начала развиваться в сторону конкурентного электроэнергетического рынка. Электроэнергетическая группа Вьетнама (далее — ЭГВ) сохраняет характеристики монополии и является единственным покупателем и продавцом на рынке.

Т а б л и ц а 1. — Добыча угля в период с 2008 по 2015 год (млн т)

Показатель	Год						
	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Объем добычи угля	39,78	43,50	46,22	39,60	40,84	40,28	42,34

Примечание. Данные группы угольной и горной промышленности Вьетнама (Vinasom — TKV) [3]

Она регулирует оптовый рынок электроэнергии (ЭГВ владеет более чем 60% общей мощности всей электроэнергетической системы); регулирует распределение розничного электроэнергетического рынка (ЭГВ владеет более чем 90% рынка) и монополизует управление передачей электроэнергии [5].

Вьетнам проводит эксплуатацию оптового рынка электроэнергии с 2005 года. Присутствие на данном рынке и участие в торгах разрешается только электростанциям мощностью более 30 МВт. Это означает, что электростанции большой мощности (большая часть ЭГВ) присутствуют на рынке, а малые электростанции и электростанции ВИЭ не допускаются к участию в оптовом рынке. Последние продают электроэнергию при необходимости в розницу и с разрешения из центра при регулировании государственной электроэнергетической системой.

Обратим внимание на новые источники энергии во Вьетнаме.

В настоящее время существует два проекта строительства атомных электростанций, которые будут построены на юге страны.

Что касается возобновляемых источников энергии, то Вьетнам имеет различные источники: солнечная энергия, энергия ветра, малая гидроэнергия, геотермальная энергия, энергия биомассы, энергия биогаза и энергия океана (приливы, океанские волны, течение и т. д.).

Малые ГЭС. По данным института энергетики, общий технический потенциал станций, каждая из которых имеет установленную мощность менее 10 МВт, равен 1 600—2 000 МВт, что составляет 7—10% от общей мощности гидроэлектроэнергетических источников.

Энергия ветра. На сегодня на всей территории Вьетнама зарегистрировано около 48 проектов ветряных электростанций, сосредоточенных в центральных и южных регионах. Мощность каждой из них колеблется от 6 МВт до 300 МВт, а средняя величина мощности составляет 95 МВт; общая мощность электростанций почти 5 000 МВт [6; 7].

Солнечная энергия. Практически на всей территории Вьетнама возможно получение солнечной энергии на основе солнечной радиации. Средний по всей стране показатель солнечной радиации равен 4—5 кВт · ч / м² в день.

Энергия биомассы. Биомасса составляет большую долю в структуре потребления энергии в стране, главным образом, в сельских и горных районах. Энергия биомассы во Вьетнаме может быть получена из отходов и побочных продуктов сельскохозяйственного производства (солома, рисовая шелуха, жмых и т. д.), а также из бытовых отходов. Потенциал биомассы для производства электроэнергии во Вьетнаме оценивается в 250—500 МВт [2].

Таким образом, в перспективе Вьетнам будет расширять использование различных источников энергии, включая ВИЭ, доля которых, однако, в энергетической системе Вьетнама остаётся крайне низкой и находится на уровне 3—5% с 2010 года по настоящий период (таблица 2).

На основании вышеизложенного проанализируем энергетические проблемы Вьетнама.

В ближайшее время страна столкнётся с нехваткой энергии для экономического и социального развития, вызванной отсутствием угля для производства электроэнергии. Для решения данной проблемы предлагаются два направления — импорт энергии или поиск альтернативных источников энергии. В случае энергетической независимости, обеспеченной использованием альтернативных источников энергии, Вьетнам также может столкнуться с рядом проблем:

Т а б л и ц а 2. — Потенциал и эксплуатация возобновляемых источников энергии во Вьетнаме

Показатели	Источники энергии						
	Ветер	Солнце	МГЭС	Биомасса	Городские отходы	Биогаз	Геотермальный источник
Показатель эксплуатации	1,25 МВт	1,2 кВт	300 МВт	150 МВт	2,4 МВт	2 МВт	0 МВт
Потенциал	~1 800* МВт	4-5 кВт · ч / м ² / д.	4 000 МВт	600 МВт	350 МВт	150 МВт	340 МВт

Примечание. Потенциал энергии ветра измеряли примерно на 8—9% площади всей территории. Источник: данные Министерства промышленности и торговли Вьетнама [2]

1) уровень технологий, связанных с возобновляемыми источниками энергии, в стране ещё низкий. Исследования в области технологий не могут удовлетворить спрос производства, что диктует необходимость импорта технологий, а это, в свою очередь, повышает затраты на производство. Кроме того, имеет место недостаточная государственная поддержка научных исследований и технологических разработок. Инвестиции в исследования и инновации технологий остаются низкими;

2) поддержка направлена на отдельно взятую технологию и не может охватить различные технологии в целом. К примеру, налоговые и тарифные льготы применяются к малой гидроэнергетике, но не могут быть применены в отношении энергии ветра, биомассы или солнечной энергии;

3) до настоящего времени поддержка правительства направлена в основном на инвесторов, что способствует интеграции участников рынка. Например, ветроэнергетика и малая гидроэнергетика имеют тарифные льготы, стимулирующие производство, но ЭГВ (покупатель) не поддерживается в покупке электроэнергии, производимой из ВИЭ;

4) не точно оценён потенциал ВИЭ Вьетнама. Неточность оценки объясняется неравномерным распределением ВИЭ по территории страны, зависимостью от сезонности и погодных условий. Оценка потенциала и планирование использования этих источников обычно выполняются на местах и в регионах по каждому виду ВИЭ;

5) несмотря на выработку и применение методики поддержки, стимулирующей развитие ВИЭ, этих мер недостаточно для привлечения инвесторов. Многие частные инвесторы приняли участие в инвестиционных проектах по возобновляемой электроэнергии (МГЭС, ветроэлектростанции), но отказались от инвестирования на стадии незавершённости строительства или на стадии начала эксплуатации.

Анализ, приведённый выше, указывает на необходимость передачи ВИЭ в ведение энергетической системы Вьетнама, но доля этого источника энергии ещё слишком низка по сравнению с другими источниками. Кроме того, географическая раздробленность, нецентрализованный характер создания и использования запасов ВИЭ наряду с децентрализацией управления создают препятствие для строительства электростанций, работающих на ВИЭ, и в итоге многие построенные электростанции не имеют никаких преимуществ при вступлении в систему.

Во Вьетнаме применяются различные методы поддержки развития ВИЭ. В их числе финансовая помощь, налоговые и тарифные льготы, административная поддержка. Однако все перечисленные методы разрозненные, нецентрализованные или предназначаются только для одного определённого типа технологий, не соединяя при этом различные технологии, не связывая продавцов и покупателей на рынке.

Таким образом, Вьетнаму необходимо принять решение по формированию макроэкономической политики в области энергетики, по содействию развитию ВИЭ, по снятию проблем, препятствующих развитию ВИЭ в стране.

Определим направления решений по данной проблеме.

Формирование энергетического кластера является успешным решением по развитию ВИЭ и укреплению энергетической системы для обеспечения экономического и социального развития, что подтверждает опыт многих стран мира — Германии, России, США и т. д. Это решение способствует снятию энергетических проблем и, в то же время, устойчивому экономическому развитию и охране окружающей среды. Существует три основных определяющих фактора для формирования кластера. Понимание формирования кластера должно базироваться на принципе «тройной спирали» (TripleHelix) (правительство—наука—бизнес): 1) правительство разрабатывает регулируемую политику и программы деятельности для поддержки развития кластеров; 2) наука — университеты, институты и научные ассоциации, которые участвуют в исследовании новой технологии, содействуют реализации и инновации технологии; 3) бизнес — компании (предприятия) отдельной отрасли (основные участники кластера). Бизнес реализует технологические идеи, которые были рассмотрены наукой, с целью коммерциализации под управлением и при поддержке правительства [8].

Оценка потенциала и возможности формирования кластера включает количественную и качественную оценку. Качественная определяется через SWOT-анализ, количественная оценка включает расчёт коэффициента интеграции по трём направлениям: экономические показатели, потенциальные и эксплуатационные показатели, организационные и управленческие показатели.

Расчёт коэффициента интеграции отрасли выполняется на основе коэффициента локализации отрасли по трём показателям. Коэффициент интеграции определяется по формуле

$$K = \frac{\sum_{j=1}^3 \overline{a_j} K_j}{\sum_{j=1}^3 \overline{a_j}} = \frac{(\overline{a_1} K_1 + \overline{a_2} K_2 + \overline{a_3} K_3)}{a_1 + a_2 + a_3}$$

где K_j — коэффициенты локализации отрасли по трём группам показателей: социально-экономическим (K_1), потенциальным и эксплуатационным (K_2), организационным и управленческим (K_3);

a_j — экспертный множитель для области оцениваемой энергетики по социально-экономическим, потенциальным и эксплуатационным, организационным и управленческим показателям;

$\overline{a_j}$ — средняя величина экспертных множителей, которые определяются экспертами; a_j и K_3 определяются по мере самооценки; K_1 и K_2 — по показателям и параметрам отрасли.

Коэффициенты K_1 и K_2 выявляются по показателям и параметрам, предлагающимся для оценки локализации отрасли (предприятий). Коэффициент K_3 оценивается экспертами для определения уровня организации и управления отрасли (предприятий). Множитель a_j оценивается экспертами для определения важности предпосылок.

Создание энергетического кластера может решить проблемы, связанные с применением новых технологий и объединением рынка, а также связать законодательные органы с основными элементами экономики в целях создания конкурентной среды для развития различных источников энергии.

Заключение. Для Вьетнама формирование энергетического кластера в области ВИЭ может стать эффективным решением для снятия энергетических проблем страны и, в то же время, для стимулирования развития возобновляемых источников энергии и охраны окружающей среды. Кластеризация возобновляемых источников энергии в стране может содействовать решению проблемы стимулирования технологических инноваций, внедряемых в целях повышения возможности применения различных технологий возобновляемых источников, а также поддерживать участников электроэнергетического рынка. Таким образом, благодаря созданию энергетического кластера, конкурентоспособность возобновляемых источников энергии (по сравнению с традиционными источниками энергии) в рамках энергетической системы страны значительно повысится.

Список цитируемых источников

1. План стратегии социально-экономического развития 2011—2020 гг. [Электронный ресурс] // Центральный комитет. — 2015 — Режим доступа: <http://www.xaydungdang.org.vn/Home/vankientulieu/2011/3511/CHIEN-LUOC-PHAT-TRIEN-KINH-TECHA-NOI-20112020.aspx>. — Дата доступа: 10.09.2016.
2. План развития электроэнергетики Вьетнама на период 2011—2020 годов и до 2030 года (Electricity Plan VII) : утв. решением Премьер-министра № 1208/Q-TTg 21 июля 2011 г. — Ханой, 2011.
3. План развития угольной промышленности до 2020 г. с перспективой до 2030 г. : утв. решением Премьер-министра № 60/Q-TTg 9 янв. 2012 г. — Ханой, 2012 г.
4. Отчёт анализа нефтегазовой отрасли [Электронный ресурс] // Банк Биржи Ан Бинь (АББ). — Режим доступа: <https://bsc.com.vn/Pages/DownloadReport.aspx?ReportID=464989>. — Дата доступа: 10.09.2016.
5. День Тхе Фук. Энергетический рынок Вьетнама: актуальные вопросы (часть 4) [Электронный ресурс] // Энергетическая ассоциация Вьетнама. — Режим доступа: [http://nangluongvietnam.vn/news/vn/nhan-dinh-phan-bien-kien-nghi/phan-bien-kien-nghi/thi-truong-nang-luong-viet-nam-nhung-van-de-cap-thiet-\(ky-3\).html](http://nangluongvietnam.vn/news/vn/nhan-dinh-phan-bien-kien-nghi/phan-bien-kien-nghi/thi-truong-nang-luong-viet-nam-nhung-van-de-cap-thiet-(ky-3).html). — Дата доступа: 09.09.2016.
6. Нгуен Куок Кхань. Информация об энергии ветра во Вьетнаме [Электронный ресурс] // Проект энергии ветра GIZ/MOIT. — Режим доступа: http://gizenergy.org.vn/media/app/media/Bao%20cao%20nghien%20cuu/Guideline_Power_Planning_VNE.pdf. — Дата доступа: 10.09.2016.
7. Фан Тхань Тунг. Состояние развития ветроэнергетики и возможность финансирования для проектов во Вьетнаме [Электронный ресурс] // Проект энергии ветра GIZ/MOIT. — Режим доступа: http://gizenergy.org.vn/media/app/media/Bao%20cao%20nghien%20cuu/Status_of_wind_power_development_and_financing_of_these_projects_in_Vietnam_VN_09042012.pdf. — Дата доступа: 09.09.2016.
8. Руководство по развитию кластеров [Электронный ресурс] // Проект: развитие кластеров и интернационализация предприятий приграничных регионов России и Эстонии. — Режим доступа: <http://rus.kohtla-jarve.ee/uploads/documents/valissuhted/projektid/2/cd/ru/guide.pdf>. — Дата доступа: 09.09.2016.

Поступила в редакцию 27.09.2016.

УДК 332.122

А. Г. Толкач

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 795 07 28, sp-tonic@rambler.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КОМПЛЕКСНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье рассмотрена методика оценки комплексности развития малого предпринимательства в регионах Республики Беларусь (на примере Брестской области) на основе расчёта долевого, темпового и комплексного индексов. Проведена дифференциация районов по приоритетности развития, что способствует оптимизации распределения бюджетных средств и региональных ресурсов на поддержку малого бизнеса.

Ключевые слова: малое предпринимательство; социальный индекс; экономический индекс; комплексный индикатор.

A. G. Talkach

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21, Voykova str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (29) 795 07 28, sp-tonic@rambler.ru

APPROACHES TO THE ASSESSMENT OF INTEGRATED SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS AT THE REGIONAL LEVEL

The article describes some method of estimating the complexity of small business development in the regions of the Republic of Belarus (by the example of Brest region) on the basis of equity, tempo and complex indices calculation. The differentiation of areas for priority development is conducted, and it contributes to the process of optimization of budget allocation and regional distribution of resources on the purpose to support small businesses.

Key words: small businesses; social index; economic index; comprehensive indicator.

Введение. В условиях переходной экономики Республики Беларусь особое место уделяется стимулированию предпринимательской активности в регионах страны. Используемые методики оценки предпринимательской деятельности ориентированы преимущественно на потенциальных инвесторов. При этом они не учитывают общего уровня развития микро- и малых организаций в регионах, что не позволяет системно оценить влияние общеэкономической ситуации на предпринимательский сектор.

В отечественной литературе существуют различные подходы к оценке комплексности социально-экономического развития субъектов региональной экономики. Одни авторы рекомендуют определять уровень развития региона на основе индекса результативности региональной политики [1, с. 11], другие предлагают построение факторной модели оценочного комплекса влияния среды на малое предпринимательство [2; 3]. Среди учёных, занимающихся вопросами исследования проблем регионального развития, следует отметить Г. В. Астратову, Т. З. Богатырёва [4], И. Н. Санникова, А. Я. Троцкого, Е. А. Шубину и др. [5—10].

Экономическая значимость полученных в статье результатов заключается в комплексной оценке и группировке регионов по направлениям приоритетности развития с целью оценки эффективности региональной политики в области поддержки малого предпринимательства. Полученные результаты позволяют ранжировать регионы по приоритетности финансирования: требующие поддержки, устойчивые, развитые.

Основная часть. Для сравнительной оценки уровня развития малого предпринимательства по различным регионам можно использовать непараметрические методы статистического анализа, которые дают возможность стандартизировать исходную статистическую информацию, что существенно облегчает дальнейшую обработку данных. Для комплексной оценки социально-экономического развития субъектов малого предпринимательства предусмотрена методика интегрального индикатора В. В. Климука [11; 12], который включает в себя две составляющие:

- динамический индекс (dynamical index, *DI*) — среднегодовой темп изменения показателей по каждому региону;
- максимизирующий индекс (maximizing index, *MI*), основанный на методе стандартизованных коэффициентов.

Динамический индекс (*DI*) определяется по формуле

$$DI = \sqrt[n-1]{\frac{i_r}{i_b}},$$

где *n* — количество лет исследуемого периода;

i_r — значение показателя в отчётном году;

i_b — значение показателя в базисном году.

Для расчёта максимизирующего индекса (*MI*) используются следующие формулы:

- 1) для показателей, оказывающих положительное воздействие на динамику уровня развития региона, —

$$MI = \frac{i_{act}}{\max_i},$$

где *i_{act}* — значение фактического показателя по региону;

max_i — максимальное значение показателя по области;

- 2) для показателей, оказывающих отрицательное воздействие на динамику уровня развития региона, —

$$MI = \frac{\min_i}{i_{act}},$$

где *min_i* — минимальное значение показателя по области;

i_{act} — значение фактического показателя по региону.

Комплексный индекс (*CI*) социально-экономического развития рассчитан по формуле $CI = \overline{MI \cdot DI}$.

Рассмотрим показатели социально-экономического развития малого предпринимательства в регионах Республики Беларусь (таблица 1).

При сборе, обработке и анализе статистических данных использовался аппарат факторного анализа, что позволило сократить число переменных и определить структуру взаимосвязей между ними [13] (рисунок 1).

Полученные значения по расчётным индексам объединены в две подгруппы: 1) темповая социально-экономическая группировка; 2) долевая социально-экономическая группировка.

Представим расчётные значения индикаторов социально-экономического развития по каждой подгруппе (таблицы 2 и 3). В 4-м, 9-м и 10-м столбцах соответственно указаны числовые значения общего социального (*CI_s*), экономического (*CI_e*) и комплексного (*CI*) индикаторов.

Т а б л и ц а 1. — Показатели социально-экономического развития субъектов малого предпринимательства

Группа	Наименование показателя
Социальная	– Численность организаций (Number of agencies, <i>NA</i>); – средняя численность работников (Number of employees, <i>NE</i>)
Экономическая	– Объем производства продукции (Local output, <i>LO</i>); – объем промышленного производства (Factory output, <i>FO</i>); – выручка от реализации работ, услуг (Gross sales, <i>GS</i>); – чистая прибыль (Net profit, <i>NP</i>)

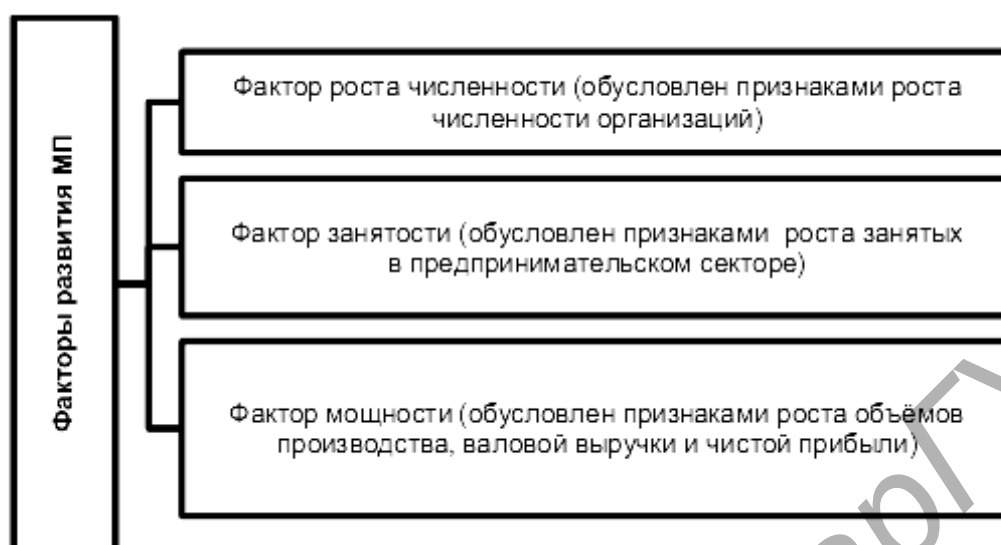

Рисунок 1. — Интерпретация факторов развития
малого предпринимательства (МП)

Т а б л и ц а 2. — Расчёт общего динамического индекса на основе социальной и экономической группы статистических индикаторов

Города и районы	Социальная подгруппа			Экономическая подгруппа					
	NA	NE	CI _s	LO	FO	GS	NP	CI _e	CI
Брест	1,0591	1,1012	1,0801	1,3471	1,3612	1,3242	1,1012	1,2834	1,1818
Барановичи	1,0369	1,0868	1,0619	1,3511	1,3275	1,2971	1,1256	1,2753	1,1686
Пинск	1,0484	1,1135	1,0810	1,2775	1,2480	1,2932	-0,8708	0,7370	0,9090
Барановичский район	1,1431	1,0169	1,0800	1,3525	1,2348	1,2617	1,3348	1,2960	1,1880
Берёзовский район	1,0887	1,0628	1,0757	1,3473	1,3962	1,3277	0,9519	1,2558	1,1658
Брестский район	1,1892	1,1494	1,1693	1,4830	1,4352	1,4953	1,3068	1,4301	1,2997
Ганцевичский район	1,0746	1,1780	1,1263	1,4910	1,5030	1,4647	-1,0483	0,8526	0,9894
Дрогичинский район	1,0938	1,1437	1,1188	1,4290	1,5025	1,4116	1,3787	1,4305	1,2746
Жабинковский район	1,1813	1,1280	1,1546	1,4432	1,2711	1,4496	1,4183	1,3955	1,2751
Ивановский район	1,0625	1,1439	1,1032	1,4256	1,3052	1,4056	1,4449	1,3953	1,2493
Ивацевичский район	1,0874	1,0927	1,0901	1,4332	1,4580	1,3855	1,4696	1,4366	1,2633
Каменецкий район	1,2403	1,1386	1,1894	1,8115	2,0967	2,2446	1,4915	1,9111	1,5502
Кобринский район	1,0814	1,0830	1,0822	1,3021	1,3207	1,2687	1,1567	1,2621	1,1721
Лунинецкий район	1,0826	1,1610	1,1218	1,4768	1,4096	1,5170	1,5759	1,4948	1,3083
Ляховичский район	1,1086	1,0886	1,0986	1,4023	1,5037	1,4194	1,4161	1,4354	1,2670
Малоритский район	1,0971	1,1652	1,1312	1,4321	1,3797	1,4846	1,5798	1,4691	1,3001
Пинский район	1,1638	1,1702	1,1670	1,5238	1,7816	1,5289	1,3772	1,5529	1,3599
Пружанский район	1,1240	1,2084	1,1662	1,5772	1,6211	1,5497	1,3155	1,5159	1,3410
Столинский район	1,1040	1,1067	1,1054	1,4986	1,6218	1,4435	1,2586	1,4556	1,2805

Т а б л и ц а 3. — Расчёт общего социально-экономического индекса (CI_{s-e}) на основе долевого и темпового индикаторов

Города и районы	Социальная подгруппа			Экономическая подгруппа			CI_{s-e}
	DI	MI	CI_s	DI	MI	CI_e	
Брест	1,0801	1,0000	1,0401	1,2834	1,0000	1,1417	1,0909
Барановичи	1,0619	0,2857	0,6738	1,2753	0,3987	0,8370	0,7554
Пинск	1,0810	0,1948	0,6379	0,7370	0,1564	0,4467	0,5423
Барановичский район	1,0800	0,0852	0,5826	1,2960	0,0491	0,6726	0,6276
Берёзовский район	1,0757	0,0827	0,5792	1,2558	0,1429	0,6994	0,6393
Брестский район	1,1693	0,1061	0,6377	1,4301	0,0960	0,7631	0,7004
Ганцевичский район	1,1263	0,0456	0,5860	0,8526	0,0270	0,4398	0,5129
Дрогичинский район	1,1188	0,0513	0,5851	1,4305	0,0733	0,7519	0,6685
Жабинковский район	1,1546	0,0527	0,6037	1,3955	0,0619	0,7287	0,6662
Ивановский район	1,1032	0,0623	0,5828	1,3953	0,0892	0,7423	0,6625
Ивацевичский район	1,0901	0,0946	0,5924	1,4366	0,1063	0,7715	0,6819
Каменецкий район	1,1894	0,0599	0,6247	1,9111	0,1008	1,0060	0,8153
Кобринский район	1,0822	0,1928	0,6375	1,2621	0,1530	0,7076	0,6725
Лунинецкий район	1,1218	0,0719	0,5969	1,4948	0,1039	0,7994	0,6981
Ляховичский район	1,0986	0,0453	0,5720	1,4354	0,1076	0,7715	0,6717
Малоритский район	1,1312	0,0388	0,5850	1,4691	0,0401	0,7546	0,6698
Пинский район	1,1670	0,0716	0,6193	1,5529	0,0668	0,8099	0,7146
Пружанский район	1,1662	0,0628	0,6145	1,5159	0,1329	0,8244	0,7195
Столинский район	1,1054	0,0590	0,5822	1,4556	0,0479	0,7518	0,6670

Комплексный индикатор по социальной и экономической подгруппе рассчитывается по формуле

$$CI_{s, e} = \frac{1}{n} \sum_{j=1}^n I_j,$$

где $CI_{s, e}$ — комплексный социальный и экономический индекс для i -го региона соответственно;
 I_j — социальные (экономические) индексы первого порядка для i -го региона;
 n — число индексов первого порядка, формирующих индекс второго порядка.

Для долевого индикатора методика аналогична. При построении графической модели «Социально-экономическое развитие субъектов малого предпринимательства Брестской области» используем комплексный социальный и комплексный экономический индексы. Для расчёта комплексного индикатора представим полученные значения по расчётным индексам (см. таблицу 3).

Используя комплексный индекс, дифференцируем районы на сильные, средние перспективные, средние регрессивные и слабые. Для этого сформируем пределы для каждой из групп.

В сильную группу войдут районы со значением комплексного индекса в пределах, определяемых

по формуле $CI_{\text{сил}} \in \left[\frac{\bar{i} + \max_i}{2}; \max_i \right];$

в среднюю перспективную — $CI_{\text{ср. пер}} \in \left[\bar{i}; \frac{\bar{i} + \max_i}{2} \right];$

в среднюю регрессивную — $CI_{\text{ср. рег}} \in \left[\frac{\min_i + \bar{i}}{2}; \bar{i} \right];$

$$\text{в слабую группу — } CI_{\text{слаб}} \in \left[\min_i; \frac{\min_i + \bar{i}}{2} \right],$$

где \min_i — минимальное значение комплексного индекса по области;
 \max_i — максимальное значение комплексного индекса по области;
 \bar{i} — среднее значение комплексного индекса.

Для более наглядного отражения социально-экономического развития регионов Брестской области представим следующий график (рисунок 2).

По промежуточным результатам определился регион-лидер с наибольшим значением комплексного индекса — Брест (CI равен 1,0909). При расчёте максимальной и средней величины из общей выборки его необходимо исключить и автоматически отнести к сильной группе. Таким же образом можно выделить регионы, которые по умолчанию войдут в слабую группу: Пинск и Ганцевичский район.

Далее следует сформировать пределы каждой подгруппы и провести группировку районов по комплексному индикатору согласно полученным результатам (таблица 4).

В слабую группу вошли Пинск и Ганцевичский район со значением $CI < 0,5129$. Среднюю регрессивную группу составляют Барановичский, Берёзовский, Дрогичинский и другие районы со значением

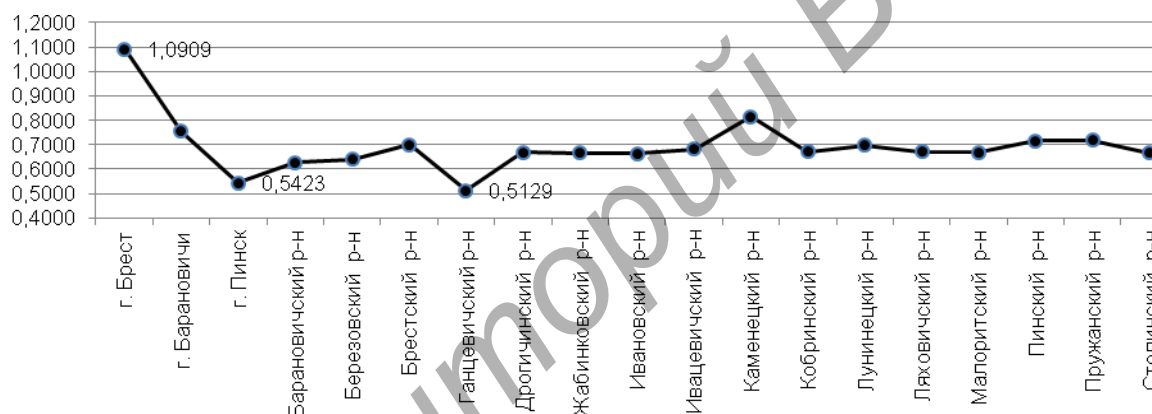

Рисунок 2. — Комплексный социально-экономический индекс по регионам Брестской области

Т а б л и ц а 4. — Группировка регионов по комплексному индикатору социально-экономического развития

Границы пределов	Слабые	Средние регрессивные	Средние перспективные	Сильные
max	0,5129	0,5921	0,6714	0,7434
min	0,5921	0,6714	0,7434	0,8153
Города и районы	Пинск	Барановичский район	Брестский район	Барановичи
	Ганцевичский район	Берёзовский район	Ивацевичский район	Каменецкий район
	—	Дрогичинский район	Кобринский район	Брест
	—	Жабинковский район	Лунинецкий район	—
	—	Ивановский район	Ляховичский район	—
	—	Малоритский район	Пинский район	—
	—	Стопинский район	Пружанский район	—

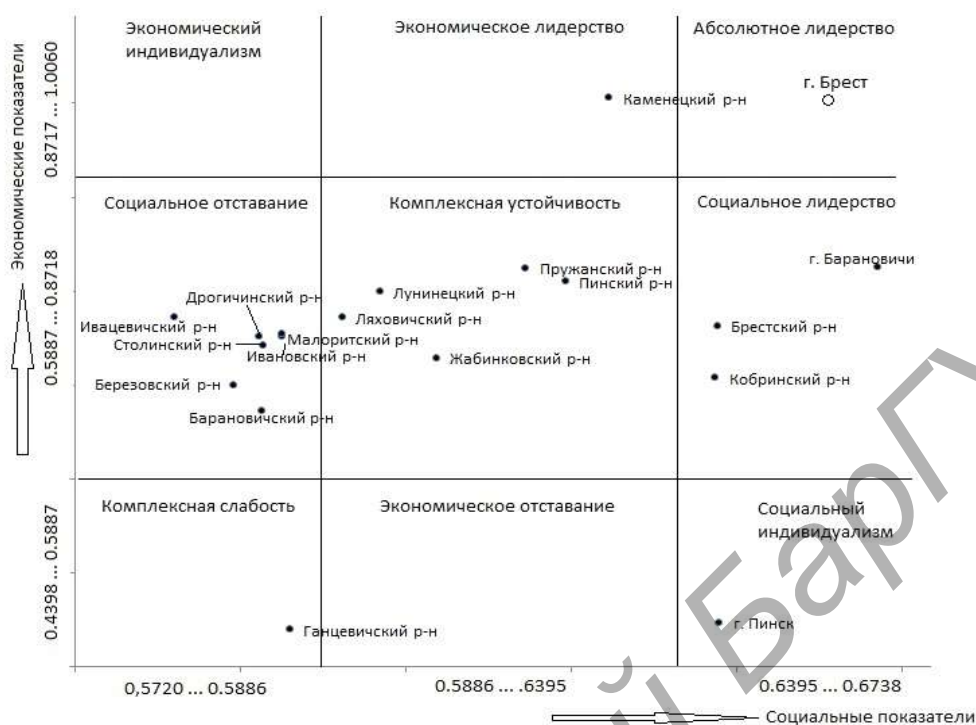

Рисунок 3. — Социально-экономическое развитие субъектов малого предпринимательства в Брестской области

комплексного индекса менее среднего по области. В среднесрочной перспективе Барановичский и Березовский районы могут попасть в слабую группу, так как имеют минимальные значения в своей подгруппе (0,6276 и 0,6393 соответственно). Из средней перспективной в сильную группу могут перейти два субъекта: Пинский и Пружанский район (значение CI — 0,7146 и 0,7195 соответственно). В сильную группу вошли Барановичи (CI — 0,7554), Брест (CI — 1,0909) и Каменецкий район (CI — 0,8153) с максимальными значениями комплексного индекса по области.

Для определения приоритетности развития регионов по социальным и экономическим показателям представим матрицу «Социально-экономическое развитие регионов Брестской области» (рисунок 3). По оси ординат отражён вектор «Экономический» (на основе расчётных совокупных экономических индексов), а по оси абсцисс — вектор «Социальный» (на основе расчётных социальных индексов). Каждый из девяти секторов (квадрантов) матрицы имеет своё название с разбивкой по группам (в рамках выделенных пределов). Исходные значения для определения квадрантов отражены по осям координат.

По социальным показателям впереди Пинск, Брестский и Кобринский районы, однако Пинск имеет самые слабые экономические показатели. Причинами могут служить падение спроса населения по региону на товары и услуги малых предпринимателей ввиду роста цен, снижение объёмов производства продукции по причине роста издержек производства (в первую очередь связанных с ростом покупательной стоимости реализуемых товаров). В квадрант «Комплексная устойчивость» вошли Лунинецкий, Пружанский, Пинский и другие районы. Приоритетными регионами в рамках социальной политики являются районы, находящиеся в квадранте «Социальное отставание». Среди этих субъектов выделены самые слабые комплексные социальные индексы.

Заключение. Следует выделить критерии при выработке целей и направлений социально-экономического развития малого предпринимательства в регионах. Цели диктуются социальными запросами экономических субъектов, выраженными в уровне доходов населения, численности субъектов малого предпринимательства на тысячу жителей, темпом роста в регионе рабочих мест, созданных пред-

принимателями, и др.

Оценка эффективности управления развитием региона базируется на социальной ответственности предпринимателей, что отвечает задачам, поставленным в основных положениях программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016—2020 годы, принятой на пятом Всебелорусском народном собрании [13], а основным критерием является качество жизни населения. Для анализа комплексного социально-экономического развития малого предпринимательства в регионах страны необходима новая методика, основанная на сбалансированных интегральных индикаторах. Такая система должна включать социальные, экономические, экологические и иные показатели. Использование предложенной в статье методики позволит снизить уровень субъективизма в анализе регионального развития, а также будет способствовать оперативной и стратегической оценке государственного управления на региональном уровне.

Список цитируемых источников

1. Санникова, И. Н. Оценка особенностей развития региональной политики по поддержке малого предпринимательства / И. Н. Санникова, А. П. Вершинина // *Науковедение*. — 2015. — № 1. — С. 2—13.
2. Социально-экономическое развитие региона: методика и результаты исследования : монография / А. Я. Троцкий [и др.]. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. — 373 с.
3. Шубина, Е. А. Методика комплексного анализа состояния и развития предпринимательства в регионе / Е. А. Шубина // *Приложение математики в экон. и техн. исслед.* — 2016. — № 1 (6). — С. 276—282.
4. Богатырёв, Т. З. Роль малого предпринимательства в социально-экономическом развитии региона / Т. З. Богатырёв // *Изв. Кабардино-Балкар. науч. центра РАН*. — 2012. — № 5. — С. 20-28.
5. Власюк, Л. И. Эффективные регионы: критерии и классификация / Л. И. Власюк, О. В. Дёмина // *Пространств. экономика*. — 2012. — № 1. — С. 29—42.
6. Гапоненко, А. Л. Развитие региона: цели, закономерности, методы управления : монография / А. Л. Гапоненко, В. Г. Полянский. — М. : Изд-во РАГС, 2009. — 128 с.
7. Гафарова, Е. А. Имитационные модели комплексного регионального развития / Е. А. Гафарова // *Управление большими системами*. — 2013. — № 45. — С. 206—213.
8. Корчагина, Е. В. Методика оценки устойчивого развития региональных социально-экономических систем / Е. В. Корчагина // *Проблемы соврем. экономики*. — 2012. — № 1 (41). — С. 67—71.
9. Красюкова, Н. Л. Факторы и сценарии долгосрочного развития СКФО / Н. Л. Красюкова // *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд : X Междунар. науч.-практ. дистанц. конф. : сб. науч. ст. ; под общ. ред. С. С. Чернова : в 2 ч.* — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. — Ч. 2. — С. 152—170.
10. Малое предпринимательство Республики Беларусь : стат. сб. / под ред. И. В. Медведева. — Минск : [б. и.], 2015. — 441 с.
11. Климук В. В. Методические подходы к оценке комплексного развития региона (на примере Брестской области) / В. В. Климук, Е. В. Климук // *Проблемы управления*. — 2015. — № 3 (56). — С. 94—100.
12. Климук, В. В. Устойчивость развития в региональной экономике и применяемая отчётность (на примере Республики Беларусь и Российской Федерации) / В. В. Климук, И. А. Светкина // *Экономика*. — 2014. — Т. 2. — № 4. — С. 25—32.
13. Основные положения программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016—2020 годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.economy.gov.by/dadvfiles/001252_122016_1.pdf. — Дата доступа: 15.08.2016.

Поступила в редакцию 02.11.2016.

УДК 338.42

Е. И. Тымуль

Белорусский национальный технический университет, Министерство образования Республики Беларусь,
пр-т Независимости, 65, 220013 Минск, Республика Беларусь, +375 (17) 242 75 35, kezy@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИНДИКАТОРОВ РИСКА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Реформационные процессы, протекающие в настоящий момент в системе управления энергетикой Республики Беларусь, принесут существенные изменения в подходе к организации хозяйственной деятельности энергетических предприятий. В статье рассмотрены основные этапы реформирования Белорусской энергосистемы. Автором акцентировано внимание на предстоящих экономических, технологических и финансовых изменениях различных уровней управления энергетикой. В результате реформирования предполагается возникновение рынка энергии и мощности, что приведёт к необходимости введения риск-менеджмента на энергетических предприятиях. Автором обращено внимание на технологические особенности производства, распределения и передачи электроэнергии и связанные с ними различные риски. Предложена авторская модель соотношения технологического цикла производства электроэнергии и вероятных рисков. Дана авторская оценка возможных рисков для каждой стадии технологического цикла производства энергии. Предложена система индикаторов для оценки риска электро-сетевых предприятий.

Ключевые слова: энергетика; риски; технологический процесс; индикаторы; управление.

Табл. 1. Рис. 3. Библиогр.: 7 назв.

E. I. Tymul

Belarusian National Technical University, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
65, Nezavisimosti ave, 220013 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (17) 242 75 35, kezy@mail.ru

FORMATION OF RISK INDICATOR SYSTEM FOR POWER GRID ENTERPRISES

Reformation processes in the present energy management system of the Republic of Belarus will bring significant changes to the organization of economic activities of energy enterprises.

The article describes the main stages of the Belarusian energy system reform. Attention is drawn to the forthcoming economic, technological and financial changes at various levels of energy management. The reform is supposed to lead to the occurrence of energy and capacity market; and this will demand the introduction of risk management at energy enterprises. The author focuses his attention on the technological features of production, distribution and transmission of electricity and related risks. The author offers a model of electricity ratio production cycle and possible risks.

The author's estimation of potential risk for every technological cycle of energy production is given; the system of indicators to assess the risk of power grid enterprises is suggested.

Key words: power, risks, engineering procedure, indicators, management.

Table 1, Fig. 3, Ref.: 7 titles.

Введение. Энергетика — один из ключевых видов экономической деятельности. Энергетика Республики Беларусь в данное время находится на стадии глобальных перемен: всем привычная и понятная система полного государственного контроля должна за несколько лет трансформироваться в рыночную схему. Такая смена рыночной структуры приводит к возникновению новых правил ведения бизнеса. Для предприятий энергетикой это означает значительное снижение уровня государственной поддержки и работу в условиях оптового рынка, а значит, и возникновение большого количества рисков.

Основная часть. Совершенствование системы управления энергетикой предполагается провести в три этапа. На первом за счёт выделения из состава энергоснабжающих организаций 12 электростанций

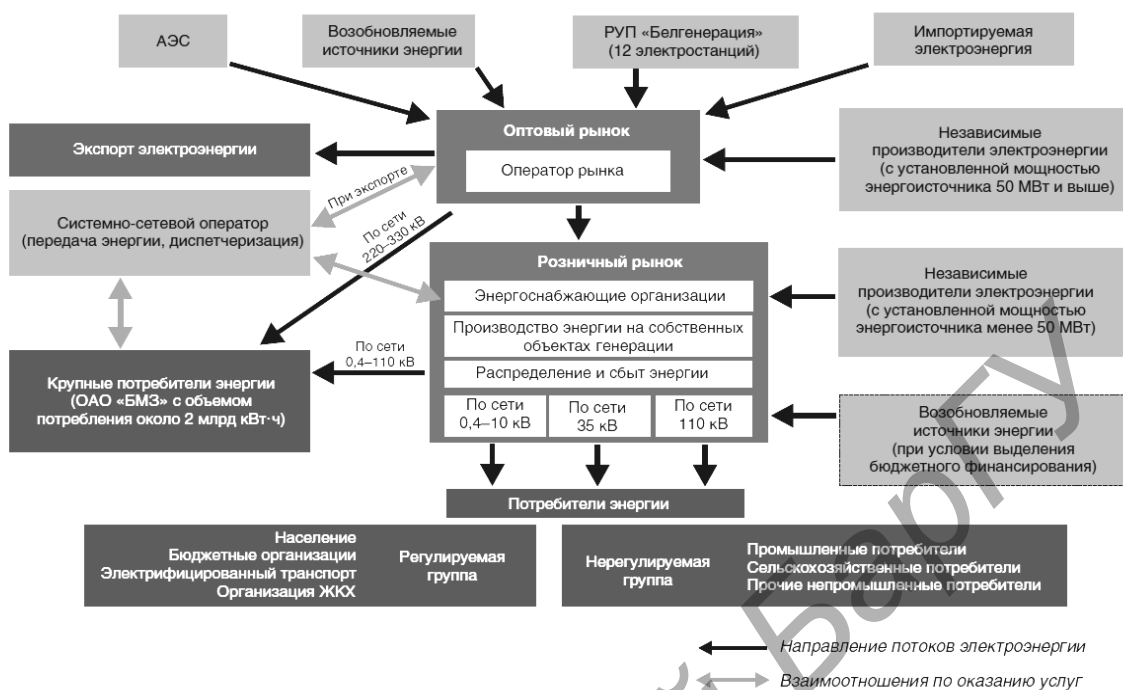

Рисунок 1. — Схема организации взаимоотношений субъектов рынка электроэнергии

высокого давления планируется создание генерирующей организации — Республиканское унитарное предприятие «Белгенерация» (далее — РУП «Белгенерация»). В результате именно в РУП «Белгенерация» будет сосредоточен основной объём производства электроэнергии (около 90% от общего объёма производства электроэнергии) и теплоты (около 60%). Электроэнергия, произведённая РУП «Белгенерация», будет поставляться на рынок перетоков Государственного производственного объединения «Белэнерго» (далее — ГПО «Белэнерго»), тепловая энергия — продаваться энергоснабжающим организациям по договорам купли-продажи по тарифу, рассчитанному на основе затрат на производство тепловой энергии на электростанциях высокого давления. Недостающий объём электроэнергии, необходимый для энергоснабжения каждой области, будет поставляться по договорам купли-продажи между ГПО «Белэнерго» и энергоснабжающими организациями по средневзвешенному тарифу, рассчитанному исходя из объёмов затрат на производство электроэнергии на электростанциях высокого давления РУП «Белгенерация», объёмов и цены импорта электроэнергии, а также стоимости услуг ГПО «Белэнерго», осуществляющего функции оператора рынка перетоков.

После реализации первого этапа произойдет перераспределение затрат и минимально необходимой прибыли между энергоснабжающими организациями и РУП «Белгенерация». При этом в целом по энергетике объём затрат, величина минимально необходимой прибыли, себестоимость производства электрической и тепловой энергии не изменятся.

В ходе второго этапа реформирования, который планируется проводить одновременно с первым, филиалы «Энергонадзор» будут выделены из состава областных энергоснабжающих организаций и на их базе создано государственное учреждение «Госэнергонадзор». После реализации данного этапа действующая схема финансирования создаваемого Госэнергонадзора сохранится, и, таким образом, необходимости в увеличении тарифов на энергию для потребителей не возникнет. Вместе с тем в дальнейшем предусматривается возможное снижение объёмов финансирования деятельности ГУ «Госэнергонадзор» за счёт тарифов на энергию путём увеличения доходов от реализации данным учреждением платных услуг.

На третьем этапе предполагается выделить из состава энергоснабжающих организаций высоковольтные электрические линии и трансформаторные подстанции напряжением 220—750 кВ, межгосударственные электрические линии и трансформаторные подстанции напряжением 10—110 кВ и передать их РУП «ОДУ» (выполняет оперативно-диспетчерское управление), на базе которого будет создано

РУП «Высоковольтные электрические сети». Завершение третьего этапа реформирования создаст возможности для установления тарифов на производство электрической и тепловой энергии, передачу электроэнергии по высоковольтным линиям электропередачи, а также её распределение и сбыт. Необходимо подчеркнуть, что к реализации третьего этапа можно приступать только после ликвидации перекрёстного субсидирования [1].

Рассмотрим схему организации взаимоотношений субъектов рынка электроэнергии (рисунок 1).

Основной целью проведения реформирования энергетики является: 1) обеспечение устойчивого функционирования и развития энергетической сферы деятельности; 2) повышение эффективности энергетических предприятий на основе их конкуренции на рынке; 3) привлечение инвестиций в энергетику; 4) обеспечение надёжного энергоснабжения.

Рынок энергии принципиально отличается от рынков любых других товаров и услуг в силу своей технологической специфики. Это обусловлено как специфическими свойствами самого товара (невозможность в больших объёмах эффективно складировать энергию; обезличенность электроэнергии как товара, так как вся электроэнергия поступает в общую сеть; невозможность выбраковки энергии и пр.), так и техническими аспектами всех энергетических процессов (технологическое единство и совпадение во времени процессов генерации, передачи, распределения и потребления энергии; параллельная работа всех станций на совмещённый суточный график нагрузки). В связи со спецификой энергетики достижение вышперечисленных целей реформирования предусматривает развитие конкуренции в сфере генерации и сбыта, а также ремонтных работ (осуществление ремонта электрооборудования, монтажа, наладки), но, в тоже время, сохранение естественной монополии в сфере передачи, распределения энергии и оперативно-диспетчерского управления (рисунок 2) [2].

Рассмотрим риски в контексте энергетического производства.

Проблемы трактовки сущности риска и подходов к его количественному прогнозированию широко освещены в отечественной и зарубежной литературе. Большинство авторов характеризуют риск с точки зрения не только неопределённости наступления событий, но и наличия для экономического субъекта определённых последствий наступления таких событий. В рамках данного подхода можно выделить три типа определений.

Первый тип относят к категории риска «вероятность наступления события, приводящего к нежелательным результатам». Авторы, придерживающиеся данного определения, трактуют риск как возможность наступления неблагоприятного события, связанного с различного рода потерями. В определениях второго типа рассматриваются не только отрицательные, но и положительные последствия наступления непредвиденного события. Сторонники третьего типа определения риска предлагают рассматривать не только положительные и отрицательные, но также и «нулевые» результаты наступления непредвиденного события. В дальнейшем исследовании будем придерживаться третьей трактовки, которая включает в себя и положительные, и отрицательные, и нулевые варианты [3].

Учитывая специфику энергетического производства, примем следующее понятие риска: риск — это присущая деятельности по производству, передаче, распределению и сбыту энергии вероятность

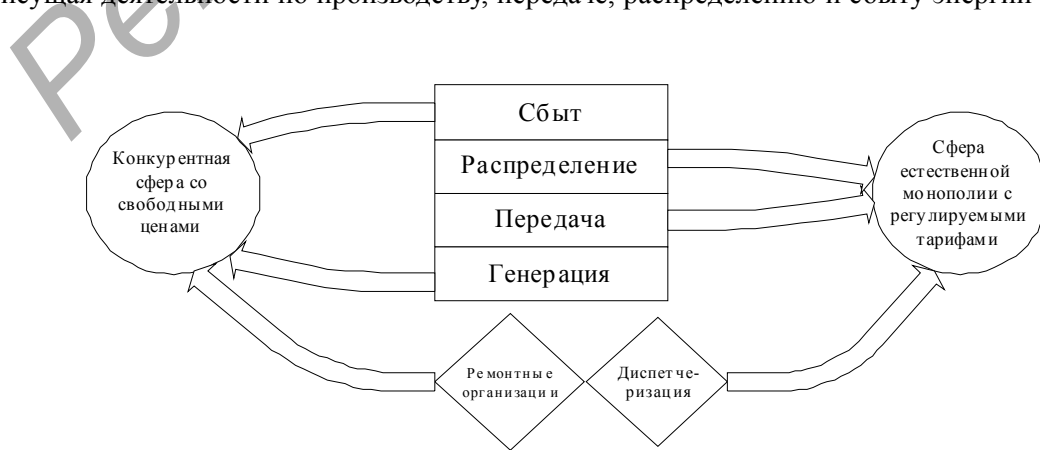

Рисунок 2. — Сферы деятельности в энергетике после проведения реформ

получения выгоды, понесения потерь или отсутствия таковых, вследствие наступления неблагоприятных событий, не обеспечивающих качественное снабжение энергией потребителей.

Технологический процесс в энергетике состоит из четырёх стадий: генерация, передача, распределение и сбыт. Реформирование энергетики Республики Беларусь, которое происходит в настоящий момент, приведёт в дальнейшем к выделению оптового (генерация, передача и распределение) и розничного (сбыт) рынков энергии (рисунок 3).

После реформирования энергетики для каждого этапа технологического процесса производства энергии будут характерны различные виды рисков. При этом чем выше этап в технологическом процессе, тем меньше рисков. Так, у генерирующих предприятий (электростанции высокого давления, электростанции среднего давления, котельные) будут присутствовать практически все виды рисков — производственные, природные, финансовые и т. д. Это связано с тем, что после реформирования энергетики все генерирующие предприятия выйдут на самофинансирование, т. е. государство больше не будет субсидировать ни процесс производства, ни риски этих предприятий. Самыми значительными рисками для генерирующих предприятий станут производственный, экологический и финансовые (в частности, валютный).

Значительный удельный вес производственного риска в целом всегда был характерен для энергетических предприятий, так как возникновение аварийных ситуаций приводит к большим экономическим потерям не только в энергетике, но и во всех прочих видах экономической деятельности. Аварийные ситуации могут также привести к серьёзному загрязнению окружающей среды, что вызовет большие финансовые потери на ликвидацию последствий. Именно поэтому значительное место среди рисков генерирующих предприятий будет иметь экологический риск.

Для предприятий, осуществляющих передачу энергии (электрические и тепловые сети), наиболее значимыми станут следующие риски: транспортный, производственный, экологический. Превалирующее значение данных рисков можно объяснить спецификой деятельности рассматриваемых предприятий. Основной задачей электрических и тепловых сетей является передача (т. е. транспортировка) энергии от генерирующих предприятий до распределительных подстанций. Соответственно, наибольшее значение будет иметь именно транспортный риск. Аварийные ситуации, которые могут возникнуть при передаче электрической энергии на высоком напряжении, а также тепловой энергии, приведут к определённому урону окружающей среде (экологический риск). Большая протяжённость сетей означает наличие значительного производственного риска, так как отслеживать состояние оборудования достаточно сложно. Значительные трудности вызывает диагностика состояния подземных сетей и коммуникаций.

У предприятий, деятельность которых связана с распределением энергии (подстанции), основными рисками будут производственный, транспортный и финансовый, тогда как при сбыте энергии наибольшее влияние будут оказывать только спекулятивные риски. Таким образом, целесообразно ведение учёта рисков на каждой стадии технологического цикла, что позволит не только выявлять риск и определять его масштаб, но более эффективно управлять им [4].

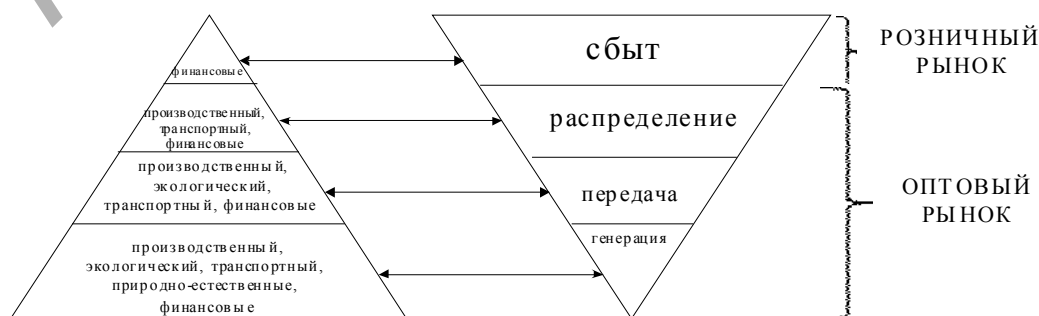

Рисунок 3. — Распределение рисков по стадиям технологического процесса и уровням рынка

Для грамотной оценки рисков любого предприятия необходимо определить индикаторы, которые будут свидетельствовать о наличии данного риска. Для каждого риска перечень индикаторов будет индивидуальным. При этом система расчётов данных индикаторов через различные показатели должна быть оптимальной и мобильной. Стоит отметить, что большинство необходимой для расчётов индикаторов информации содержится в уже имеющейся финансовой документации энергетических предприятий. Однако необходимо использование не только финансовой, но и производственной и оперативной документации производственно-технического отдела и центральной диспетчерской службы для оценки производственного, транспортного и прочих рисков.

Рассмотрим подробнее возможный перечень индикаторов основных рисков на примере электросетевой организации, занимающейся передачей электроэнергии. Как упоминалось ранее, основными рисками для данных предприятий будут производственный, экологический, транспортный и финансовые риски. Таким образом, можно сформировать четыре блока основных индикаторов рисков. В блок индикаторов производственного риска войдут такие показатели, как оптимальность загрузки оборудования, расход электроэнергии на собственные нужды, топливная составляющая передачи 1 кВт · ч и т. д. Транспортный риск могут характеризовать такие показатели, как коэффициент использования пропускной способности сетей, потери электрической энергии и пр. Индикаторами финансовых рисков для электросетевых организаций будут следующие показатели: затраты на 1 рубль выручки, коэффициент автономии, коэффициент ликвидности, доля просроченной дебиторской задолженности.

Следующим шагом в оценке рисков электросетевых предприятий станет расчёт суммарного критерия по каждому из выделенных четырёх блоков с последующим расчётом общего интегрального показателя по формуле

$$K_{\text{инт}} = \sqrt[4]{\alpha_1 K_1 \cdot \alpha_2 K_2 \cdot \alpha_3 K_3 \cdot \alpha_4 K_4},$$

где α — весовой коэффициент;

K_1 — критерий, характеризующий производственный риск;

K_2 — критерий, характеризующий транспортный риск;

K_3 — критерий, характеризующий финансовые риски;

K_4 — критерий, характеризующий экологический риск.

Весовой коэффициент α будет отличаться для каждого предприятия в зависимости от уровня данного предприятия в системе управления энергетикой (микро-, мезо- или макроуровень) и от влияния данного риска на энергетическую безопасность.

Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 01.01.2016, 5/41447) была утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.12.2015 № 1084 (далее — Концепция). Данным документом определяется сущность деятельности по обеспечению энергетической безопасности Республики Беларусь и надёжности энергоснабжения отраслей экономики и населения.

В вышеуказанной Концепции дано следующее определение энергетической безопасности: энергетическая безопасность — это состояние защищённости граждан, общества, государства, экономики от угроз дефицита в обеспечении их потребностей в энергии экономически доступными энергетическими ресурсами приемлемого качества, от угроз нарушения бесперебойности энергоснабжения. Обеспечение энергетической безопасности — это деятельность по предотвращению угроз энергетической безопасности, либо снижению восприимчивости экономики или топливно-энергетического комплекса (далее — ТЭК) к этим угрозам, либо смягчению последствий от их реализации, способствующая сохранению или повышению уровня энергетической безопасности, снижению риска её ослабления.

Общими угрозами энергетической безопасности на всех стадиях энергетической цепочки являются: 1) диверсии и террористические акты (в том числе с использованием информационных технологий) на объектах энергетики; 2) снижение уровня подготовки высококвалифицированных кадров для ТЭК; 3) низкая заработная плата и, как следствие, недостаток квалифицированного персонала на энергетических производствах; 4) дефицит инвестиций в модернизацию основных производственных

Т а б л и ц а 1. — Эмпирическая шкала уровня риска

Номер уровня	Вероятность нежелательного исхода (величина риска)	Наименование градаций риска
1	0,0—0,1	Минимальный
2	0,1—0,3	Малый
3	0,3—0,4	Средний
4	0,4—0,6	Высокий
5	0,6—0,8	Максимальный
6	0,8—1,0	Критический

решений целесообразно различать и выделять определённые зоны риска в зависимости от уровня возможных потерь. Для этого разработаны и используются так называемые шкалы рисков. В настоящий момент применяются различные варианты шкалы рисков, но чаще всего авторами, работающими над вопросами рисков, используется эмпирическая шкала допустимого уровня риска. Например, исследователи А. С. Шапкин и В. А. Шапкин предлагают следующую шкалу (таблица 1) [6].

Однако для проведения оценки уровня интегрального показателя рисков электросетевой организации необходима разработка собственной шкалы рисков. Для этого следует оценить минимальные и максимальные значения всех рассматриваемых показателей в целях определения граничных значений суммарных коэффициентов по каждому виду риска. Последующий расчёт интегрального показателя позволит определить, какую стратегию управления рисками целесообразно выбрать предприятию.

Выбор той или иной процедуры управления рисками определяется общей стратегией организации в отношении рисков, которая, в свою очередь, зависит от суммарного размера потенциальных убытков, с одной стороны, и финансовых возможностей организации — с другой. Критерием выбора той или иной процедуры управления рисками являются шкалирование и лимитирование рисков, т. е. установление неких пороговых значений рисков и определённых действий влияния на риски в зависимости от величины оцениваемого риска.

К наиболее распространённым методам управления рисками относят:

1) метод избегания рисков или отказ от них. В практике работы организации существуют крупные риски, избежать которых бывает просто невозможно. Наилучшим методом управления ими может стать избегание. Уклонение от таких рисков означает, что причины возникновения крупных катастрофических для предприятия убытков ликвидированы;

2) метод принятия риска на себя, т. е. покрытие убытков за счёт собственных финансовых возможностей предприятия;

3) метод предотвращения убытков, подразумевающий проведение мероприятий, направленных на снижение вероятности наступления убытков;

4) метод уменьшения размера убытков. Несмотря на все усилия организации по снижению рисков, некоторые убытки, как правило, всё же имеют место. Для таких рисков может применяться метод уменьшения размера убытков, суть которого — проведение мероприятий, направленных на снижение размера возможного убытка;

5) страхование. Подразумевается снижение участия самой организации в возмещении ущерба за счёт передачи ею (фирмой-страхователем) страховой компании (страховщику) ответственности по несению риска. В практике зарубежных страховых организаций существуют следующие возможные виды страхования энергетического предприятия:

– страхование имущества «от всех рисков», когда покрываются все риски, или страхование на базе «поименованных рисков», когда застрахованы только перечисленные в договоре события (защита от таких рисков, как пожар, взрыв, действие воды, стихийные бедствия и т. д.);

фондов ТЭК; 5) ограниченные возможности для привлечения финансирования организациями ТЭК, в том числе внешнего [5].

Учитывая вышесказанное, введение показателя энергетической безопасности в сводный показатель уровня риска, на наш взгляд, обоснован и позволит более точно идентифицировать уровень риска для генерирующих, сетевых и передающих предприятий энергетики, функционирующих в условиях оптового и розничного рынков энергии и мощности.

В дальнейшем необходимо провести шкалирование возможных величин интегрального показателя. В процессе принятия управленческих

- страхование машин и оборудования от поломок (ошибки в проектировании или монтаже оборудования, перегрев, перебои в поставках электроэнергии, ошибки персонала и т. д.);
- страхование на случай перерыва в производстве — подразумевается финансовый убыток собственника, вызванный простоем предприятия или его части в результате событий, застрахованных предыдущими двумя секциями;
- страхование гражданской ответственности, представляющее особый интерес для предприятий электроэнергетики. В первую очередь актуальность данного страхования вызвана масштабами причинения вреда третьим лицам и окружающим территориям в результате аварии на энергетическом объекте. Кроме того, страхованием может быть покрыт ущерб третьим лицам (получателям энергии, которые используют её в производственных целях) в результате аварии (пожара, взрыва и т. п.) на застрахованном объекте;

6) самострахование. Данный метод состоит в создании собственных страховых фондов, предназначенных для покрытия убытков, по типу фондов страховых и перестраховочных компаний. Самострахование в этом случае отличается от метода принятия рисков на себя тем, что оно работает с большим числом однородных рисков;

7) метод передачи риска иной, чем страхование. Кроме страхования существуют иные методы передачи риска, например хеджирование, заключение договоров поручительства, строительных контрактов и аренды и т. д. [7].

Заключение. В рыночных условиях, которые возникнут после реформирования энергетики Республики Беларусь, управление рисками станет ключевым элементом системы управления предприятием. Для наиболее качественного управления рисками необходима стратегия, разработанная для каждого типа предприятия энергетики с учётом специфики вида хозяйственной деятельности в целом и вида деятельности данного предприятия в зависимости от стадии технологического цикла производства энергии в частности.

Список цитируемых источников

1. Актуальные аспекты реформирования Белорусской электроэнергетики [Электронный ресурс] // М-во энергетики Респ. Беларусь : офиц. сайт // Энергетическая стратегия. — 2014. — № 2 (38). — Режим доступа: http://www.minenergo.gov.by/dfiles/000703_58_statia_14052014.pdf. — Дата доступа: 02.09.2016.
2. Любимова, Н. Г. Экономика и управление в энергетике / Н. Г. Любимова ; под общ. ред. Н. Г. Любимовой, Е. С. Петровского. — М. : Юрайт, 2014. — 485 с.
3. Тымуль, Е. И. Концепция управления рисками энергетических предприятий с учётом технологии производства энергии / Е. И. Тымуль // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016. — С. 66—73.
4. Манцерова, Т. Ф. Финансовые риски в энергетике: генезис, особенности учёта, управление / Т. Ф. Манцерова, Е. И. Тымуль // Труды БГТУ. Сер. : Экономика и управление. — 2014. — № 7 (171). — С. 49—51.
5. Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Совет Министров Респ. Беларусь : офиц. сайт. — Режим доступа: <http://www.government.by/ru/solutions/2337>. — Дата доступа: 17.09.2016.
6. Шапкин, А. С. Теория риска и моделирование рискованных ситуаций / А. С. Шапкин, В. А. Шапкин. — 6-е изд. — М. : Дашков и К, 2014. — 880 с.
7. Королева, С. Е. Управление хозяйственными рисками / С. Е. Королева, Г. В. Подгорный. — Минск : Амалфея, 2014. — 120 с.

Поступила в редакцию 27.09.2016.

УДК 347.773

И. Я. Бабецкая¹, П. В. Мельник²

Частное высшее учебное заведение «Ивано-Франковский университет права имени Короля Даниила Галицкого»,
Министерство образования и науки Украины, ул. Е. Коновальца, 35, 76018 Ивано-Франковск, Украина,
¹+38 (0979) 21 73 82, ivanna101185@ukr.net, ²+38 (0501) 00 15 88, melnyk.petro@gmail.com

ПРАВО ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В УКРАИНЕ

В данной научной статье проанализировано понятие «право промышленной собственности» и вопросы его уголовно-правовой охраны. Выяснено, что уголовно-правовая охрана прав промышленной собственности обеспечивается статьями 177 и 229 Уголовного кодекса Украины. Рассмотрены актуальные вопросы уголовной ответственности по данным статьям Уголовного кодекса, в частности, виды уголовно-наказуемых деяний, момент окончания и наказание за эти преступления. При исследовании использованы теоретические и практические данные.

Ключевые слова: право промышленной собственности; патентное право; уголовно-правовая защита; уголовно-правовая охрана.

Библиогр.: 7 назв.

I. Ya. Babetska¹, P. V. Melnyk²

King Daniel of Galicia Ivano-Frankivsk University of Law, Ministry of Education and Science of Ukraine,
35, E. Konovaltsa str., 76018 Ivano-Frankivsk, Ukraine, ¹+38 (0979) 21 73 82, ivanna101185@ukr.net,
²+38 (0501) 00 15 88, melnyk.petro@gmail.com

INDUSTRIAL PROPERTY LAW AS THE OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION IN UKRAINE

The article considers the concept of IPL and the issue of its criminal-legal protection. It is clarified that criminal-legal protection of the industrial property rights is provided by Art. 177 and 229 of the Criminal Code of Ukraine. The actual issues on liability for criminal charges provided by these articles of the Criminal Code are analyzed; in particular, kinds of criminal offense acts, the ending point and the punishment for these crimes.

During the research theoretical and practical data are used.

Key words: industrial property law; patent law; criminal defense; criminal legal protection.

Ref.: 7 titles.

Введение. Украина сталкивается с рядом проблем в сфере интеллектуальной собственности: с высоким уровнем пиратства и оборотом контрафактной продукции; нерешённым вопросом о нарушении прав интеллектуальной собственности в сети Интернет; легализацией программного обеспечения в органах власти; существованием проблем в сфере коллективного управления правами интеллектуальной собственности; недостаточно высоким уровнем культуры и осведомлённости населения в сфере интеллектуальной собственности.

В Украине сложилась ситуация, которая характеризуется недостаточным уровнем коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, в результате чего замедляется развитие высокотехнологичных и экономически важных для страны отраслей народного хозяйства.

Государство должно создавать необходимые условия для сохранения и укрепления интеллектуального потенциала, в том числе права промышленной собственности, а также для поиска путей его качественного развития. Особое место в механизме правовой охраны права промышленной собственности занимают меры уголовно-правового воздействия.

Методология и методы исследования. Настоящее исследование проводилось на основании изучения нормативных правовых актов Украины (статьи Уголовного кодекса, Налогового кодекса и др.), публикаций учёных, посвящённых вопросам права промышленной собственности как объекта уголовно-правовой охраны в Украине. Авторами статьи при её написании использовались общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Право промышленной собственности следует рассматривать в объективном и субъективном значениях. В субъективном право промышленной собственности представляет собой субъективное право (имущественные или неимущественные права) на интеллектуальный продукт, т. е. определённые правомочия субъекта промышленной собственности или другого лица относительно интеллектуального продукта.

В объективном значении право промышленной собственности — это система правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере создания и использования объекта промышленной собственности. Эта совокупность правовых норм является институтом гражданского права и состоит из нескольких правовых институтов: патентного права и института средств индивидуализации участников гражданского оборота, их продукции и услуг. Каждый из названных институтов регулирует общественные отношения в определённой сфере промышленной собственности, которая отличается как спецификой самого интеллектуального продукта, так и связанными с ней особенностями её использования.

Действующее законодательство Украины не даёт определение понятия «объекты промышленной собственности», но перечисляет результаты интеллектуальной деятельности, которым предоставляется правовая охрана как объектам промышленной собственности. К таким объектам относятся: изобретения, полезные модели, промышленные образцы, знаки для товаров и услуг, географические указания, коммерческие наименования.

Основным признаком, отличающим объекты промышленной собственности от других объектов права интеллектуальной собственности, является их промышленная применимость. Промышленная собственность — понятие, применяемое для обозначения исключительного права на использование определённых нематериальных ресурсов (изобретений, товарных знаков и т. п.), пригодных к изготовлению промышленным способом или для использования в производстве.

В соответствии с Парижской конвенцией по охране промышленной собственности понятие «промышленная собственность» используется как в сфере промышленности и торговли, так и в области сельскохозяйственного производства (изготовления или природного происхождения).

Защита любых субъективных прав является правовым обеспечением их неприкосновенности, нерушимости, а в случае их нарушения необходимо применение мер принудительного характера, направленных на их восстановление. В данном случае речь идёт о защите права интеллектуальной собственности [1, с. 13—18].

Уголовно-правовая охрана права промышленной собственности обеспечивается статьями 177 и 229 Уголовного кодекса (далее — УК) Украины [2]. В частности, статья 177 УК Украины содержит нормы относительно уголовно-правовой охраны права на объекты промышленной собственности, а статья 229 этого же документа предусматривает уголовную ответственность за незаконное использование знака для товаров и услуг, фирменного наименования, квалифицированного указания происхождения товара или иное умышленное нарушение права на эти объекты. Следовательно, объектом данных преступлений является исключительное право на объекты промышленной собственности. Статья 177 УК Украины реализует нормы относительно преступлений против избирательных, трудовых и других

личных прав и свобод человека и гражданина (раздел V Особенной части УК Украины), а статья 229 — преступлений в сфере хозяйственной деятельности (раздел VII Особенной части УК Украины).

Предметом преступления, предусмотренного статьёй 177 УК Украины, выступает изобретение, полезная модель, промышленный образец, топография интегральной микросхемы, сорт растения, рационализаторское предложение. Как видим, наряду с объектами права промышленной собственности законодатель в статье 177 УК Украины осуществляет уголовно-правовую защиту права на такие объекты интеллектуальной собственности, как топография интегральных микросхем, сорт растения, рационализаторское предложение. Предметом преступления, предусмотренного статьёй 229 УК Украины, является знак для товаров и услуг, фирменное (коммерческое) наименование, квалифицированное указание происхождения товара (географическое указание).

Согласно статье 177 УК Украины уголовно-наказуемыми являются деяния, которые заключаются в незаконном использовании изобретения, полезной модели, промышленного образца, топографии интегральной микросхемы, сорта растений, рационализаторского предложения, присвоении авторства на них или ином умышленном нарушении права на эти объекты [2]. Эта статья предусматривает три состава преступления: 1) незаконное использование изобретения, полезной модели, промышленного образца, топографии интегральной микросхемы, сорта растений, рационализаторского предложения; 2) присвоение авторства на указанные объекты; 3) иное умышленное нарушение права на эти объекты, если это причинило ущерб в значительном размере [3, с. 49].

Описывая объективную сторону состава преступления, предусмотренного статьёй 177 УК Украины, законодатель ограничился общей нормой — «незаконное использование» объектов промышленной собственности. Такое общее определение состава преступления в сфере промышленной собственности даёт возможность толковать его по-разному. Например, считать незаконным использованием или нет ввоз на таможенную территорию Украины изделий с использованием изобретения, хранение или транспортировку этих изделий, предложение их для продажи и другие действия.

Обязательным признаком объективной стороны составов преступлений, предусмотренных статьями 177 и 229 УК Украины, является наличие материального ущерба в значительном размере (в двадцать и более раз превышающего необлагаемый минимум доходов граждан (далее — НМДГ) (примечание к статье 176 УК Украины и статье 229 УК Украины)) [2].

Для норм административного и уголовного законодательства в части квалификации административных или уголовных правонарушений сумма НМДГ устанавливается на уровне налоговой социальной льготы (пункт 5 подраздела 1 раздела XX Налогового кодекса Украины) в размере, равном 50% размера прожиточного минимума для трудоспособного лица, установленного на 1 января отчётного налогового года (подпункт 169.1.1 пункта 169.1 статьи 169 раздела IV Налогового кодекса Украины) [4]. Законом Украины «О Государственном бюджете Украины на 2016 год» прожиточный минимум для трудоспособного лица по состоянию на 1 января 2016 года составляет 1 378 грн. [5]. На основании этого НМДГ в 2016 году составляет 689 грн., а материальный ущерб в значительном размере — 13 780 грн.

Анализ применения статей 177 и 229 УК Украины, по статистическим данным Государственной судебной администрации Украины (форма 7 «О составе осуждённых» за 2013—2015 годы), показал следующее: в 2013 году по статье 229 осуждены 16 человек; в 2014-м — 11 человек; в 2015-м — 14 человек. Что касается уголовной ответственности по статье 177 УК Украины, то за период 2013—2016 годов осуждены 3 человека (2013 год).

Однако с 2000-го по 2013 год судами хозяйственной и административной юрисдикции были возбуждены в отношении объектов промышленной собственности 2 252 дела, среди них: о признании охранных документов недействительными; о досрочном прекращении действия свидетельства на знак для товаров и услуг и др. Наиболее распространёнными основаниями обращений в суд являются требования о признании недействительными охранных документов: свидетельств на знаки для товаров и услуг — 938 обращений; патентов на изобретения и полезные модели — 274; патентов на промышленные образцы — 259. Представленные данные свидетельствуют, что предметом большинства судебных споров являются знаки для товаров и услуг (65,3%). Значительно меньшая доля споров принадлежит изобретениям и полезным моделям (7,8% и 11,2% соответственно) и промышленным образцам (15,7%) [6].

Несмотря на значительное количество споров относительно объектов права промышленной собственности (статьи 177 и 229 УК Украины), они не находят широкого применения. Приведём причины этого: во-первых, достаточно высок размер материального ущерба, который необходим для квалификации деяний по этим статьям; во-вторых, существуют дискуссии относительно понимания права промышленной собственности и видов объектов этого права; в-третьих, имеется несогласованность уголовного и гражданского законодательств о праве промышленной собственности; в-четвёртых, неэффективна деятельность правоохранительных органов, которые не уделяют должного внимания уголовно-правовой защите права промышленной собственности.

В данной ситуации следует отметить, что статьи 177 и 229 УК Украины носят бланкетный характер, поэтому они должны соответствовать нормам гражданского права относительно права промышленной собственности.

Следует также поддержать позицию А. М. Мельник в том, что было бы целесообразно в УК Украины более точно определить действия, которые должны признаваться уголовно наказуемыми. Общее определение «незаконное использование», по нашему мнению, является неудачным. Когда речь идёт об уголовной ответственности (как и о любой другой), каждый человек, которому инкриминируют уголовные действия, должен точно знать, за какие из них он должен отвечать [7, с. 344].

Что касается наказания за основные составы преступлений в сфере промышленной собственности, то за деяния, предусмотренные частью первой статьи 177 УК Украины, установлены штраф от двухсот до одной тысячи НМДГ или исправительные работы на срок до двух лет, или лишение свободы на тот же срок. А действия, закреплённые в части первой статьи 229 УК Украины, наказываются штрафом от одной тысячи до двух тысяч НМДГ. Следовательно, минимальное наказание за незаконное использование изобретения, полезной модели, промышленного образца — 3 400 грн., а за незаконное использование знака для товаров и услуг, фирменного наименования, квалифицированного указания происхождения товара — 17 000 грн.

Учитывая, что за незаконное использование изобретения, полезной модели, промышленного образца возможно лишение свободы на срок до двух лет, можно сделать вывод, что оно является более общественно опасным, чем незаконное использование знака для товаров и услуг, фирменного наименования, квалифицированного указания происхождения товара. Однако, по нашему мнению, не целесообразно в одной санкции предусматривать минимальное наказание в виде штрафа в размере 3 400 грн., а максимальное — два года лишения свободы, поскольку такие широкие границы между минимальным и максимальным значениями в санкции несут в себе коррупционные риски при назначении наказания.

Проанализировав материалы рассмотрения судами уголовных производств по статьям 177 и 229 УК Украины, можем заключить, что в основном наказание осуществляется в виде штрафа.

Размеры штрафов в УК Украины и убытков в законодательстве Украины об интеллектуальной собственности определяются по-разному, что также нельзя признать удачным. В УК Украины основой определения размера штрафа является необлагаемый минимум доходов граждан (НМДГ), а в законах Украины «Об авторском праве и смежных правах», «Об охране прав на изобретение и полезную модель», «Об охране прав на промышленный образец» и «Об охране прав на знаки для товаров и услуг» — минимальная заработная плата. В УК Украины самый большой размер штрафа за совершение деяний при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных статьёй 177 УК Украины, составляет 51 000 грн. (3 000 НМДГ · 17 грн.), а статьёй 229 УК Украины — 255 000 грн. (15 000 НМДГ · 17 грн.).

По нашему мнению, пенализация за преступления против права промышленной собственности не будет способствовать повышению эффективности его уголовно-правовой охраны. Пострадавшие лица при этом не почувствуют большей защищённости. Поэтому считаем, что в целях более эффективной охраны прав промышленной собственности целесообразно наряду с уголовно-правовым воздействием на виновного применять и гражданско-правовые меры охраны права промышленной собственности.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать вывод: во-первых, к объектам права промышленной собственности, в отношении которых УК Украины осуществляется уголовно-правовая охрана, относятся изобретение, полезная модель, промышленный образец, знак для товаров

и услуг, фирменное наименование, квалифицированное указание происхождения товара. За нарушение права на эти объекты уголовная ответственность предусмотрена в статьях 177 и 229 УК Украины; во-вторых, в Украине данные статьи УК не находят широкого применения на практике; в-третьих, в целях повышения эффективности правовой охраны (в том числе уголовно-правовой) права на промышленную собственность целесообразно: 1) чётко определить на законодательном уровне объекты промышленной собственности; 2) соблюдать универсальный понятийный аппарат о праве на промышленную собственность в уголовном и гражданском законодательствах; 3) при установлении уголовной ответственности за нарушение права на промышленную собственность применять меры гражданско-правового характера (возмещение причинённого ущерба); 4) учитывать передовой опыт европейских государств относительно правовой охраны прав на промышленную собственность.

Список цитируемых источников

1. Святоцкий, А. Д. Защита прав на объекты интеллектуальной собственности в судебном порядке / А. Д. Святоцкий // Интеллектуал. собственность. — 1999. — № 3. — 145 с.
2. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : Закон Украины от 05.04.2001 г. // Верховная Рада Украины : офиц. сайт. — Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>. — Дата доступа: 10.06.2016.
3. Жаров, В. А. Защита права интеллектуальной собственности. Защита авторского права и смежных прав. Защита права промышленной собственности / В. А. Жаров. — М. : Ин-т интеллектуал. собственности, 2003. — 64 с.
4. Налоговый кодекс Украины [Электронный ресурс] : Закон Украины от 02.12.2010 г. // Верховная Рада Украины : офиц. сайт. — Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2755-17/page>. — Дата доступа: 10.06.2016.
5. О Государственном бюджете Украины на 2016 год [Электронный ресурс] : Закон Украины от 25.12.2015 г. // Верховная Рада Украины : офиц. сайт. — Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/928-19>. — Дата доступа: 10.06.2016.
6. Национальная стратегия развития сферы интеллектуальной собственности в Украине на период до 2020 года [Электронный ресурс] : проект // Офіційний веб-портал Державної служби інтелектуальної власності України. — Режим доступа: sips.gov.ua/ua/project-ip-strategy28082014. — Дата доступа: 10.06.2016.
7. Мельник, О. М. Гражданско-правовая охрана интеллектуальной собственности в Украине : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / О. М. Мельник ; НАН Украины ; Ин-т государства и права им. Корещко. М. [б. и.], 2004. — 403 с.

Поступила в редакцию 13.06.2016.

УДК 340.137.3

А. А. Богустов

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь, + 375 (0152) 43 98 49, bogustow@mail.ru

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СНГ О ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются отличительные черты модельного законодательства для государств — участников СНГ о праве интеллектуальной собственности. Сделан вывод, что характерными чертами модельного законодательства в сфере интеллектуальной собственности выступают альтернативность, многоуровневость, правовая инфильтрация и сохранение преемственности с отдельными положениями с советской правовой системой.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; модельное законодательство; гармонизация права; СНГ; гражданское право.

Библиогр.: 21 назв.

A. A. Bogustov

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 22, Ozheshko str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, + 375 (0152) 43 98 49 bogustow@mail.ru

DISTINCTIVE FEATURES OF THE MODEL LAW FOR THE STATES — PARTICIPANTS OF THE CIS ON THE LAW OF INTELLECTUAL PROPERTY

The article deals with some problems arising up in the process of including the intellectual property positions of model law into the CIS states-participants national legislation.

It is concluded that the characteristics of the model legislation in the sphere of intellectual property are as follows: alternativeness, diversity, legal infiltration and preserving continuity with separate positions of the soviet legal system.

Key words: intellectual property; model legislation; harmonization of law; CIS; civil law.

Ref.: 21 titles.

Введение. Современный этап развития права характеризуется усилением внимания законодателя к вопросам интеллектуальной собственности. Например, Всемирная декларация по интеллектуальной собственности (часть третья преамбулы) признаёт, что «в двадцать первом веке мир станет свидетелем ускоренной интеграции экономики различных стран и развития общества, основанного на знаниях, и что в таких условиях интеллектуальная собственность будет играть большую роль в жизнедеятельности человека, чем когда-либо раньше за всю его историю» [1]. Происходит расширение круга объектов авторского права и права промышленной собственности, трансформация содержания и механизмов реализации и защиты субъективных прав в данной сфере и т. д.

Данный процесс носит глобальный характер и требует создания эффективных экономико-правовых механизмов охраны интеллектуальной собственности. В предисловии к «Глоссарию модельного законодательства для государств — участников СНГ в области интеллектуальной собственности» отмечается, что создание подобных механизмов выступает «необходимым условием построения в странах Содружества современной экономики знаний, основанной на расширенном воспроизводстве и активном вовлечении в хозяйственный оборот результатов интеллектуального труда. Вот почему задачи,

связанные с переходом на путь инновационного развития экономики, проблемы совершенствования законодательства об интеллектуальной собственности приобретают стратегическое значение» [2].

Проблема модернизации законодательства в указанной сфере не может быть успешно решена в рамках национальной правовой системы отдельной страны. Её разрешение требует унификации и гармонизации законодательства как на универсальном, так и на региональном уровне. Одним из средств гармонизации права на постсоветском пространстве выступают модельные (рекомендательные) акты, разрабатываемые Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ.

Существование модельного законодательства выступает одним из факторов сохранения значительного сходства права постсоветских стран. В литературе по сравнительному правоведению отмечается, что они «по-прежнему формируют некую общность государств и правовых систем, которую можно было бы условно рассматривать как логическое развитие, точнее — продолжение, переход от социалистической правовой семьи к постсоциалистической» [3, с. 484], у них «остаются схожими базовые принципы, структура и юридическая техника» [4, с. 456].

Методология и методы исследования. Ранее автор настоящей статьи уже проводил анализ общих проблем взаимодействия модельного и национального законодательств в сфере гражданского права [5, с. 21—24], однако следует учитывать, что унификация и гармонизация в отдельных отраслях законодательства имеет определённые особенности. Такая специфика существует и в сфере интеллектуальной собственности. Она во многом связана с отличительными чертами, присущими модельному законодательству об авторском праве и праве промышленной собственности. Анализ этих признаков выступает необходимой предпосылкой эффективного применения рекомендательных актов в процессе развития национального законодательства об интеллектуальной собственности. Исследованию указанной проблемы и посвящена настоящая статья.

Национальное законодательство об интеллектуальной собственности государств — участников СНГ редко выступает предметом сравнительно-правовых исследований. В этой связи можно упомянуть работу С. А. Сударикова, посвящённую проблемам развития авторского права в постсоветских странах [6]. При этом анализ положений модельного законодательства в данной сфере до настоящего времени вообще не проводился.

Автор статьи при её написании использовал общенаучные методы исследования.

Основная часть. Круг рекомендательных актов, направленных на регулирование отношений интеллектуальной собственности, достаточно широк. К их числу можно отнести раздел V «Интеллектуальная собственность» части третьей модельного Гражданского кодекса (далее — Модельный ГК) [7], модельный кодекс интеллектуальной собственности [8], модельные законы об авторском праве и смежных правах [9], об охране прав на научные открытия [10], о коммерческой тайне [11], о фирменных наименованиях [12]. В целях определения и уточнения терминологии, используемой в области интеллектуальной собственности, были разработаны упоминавшийся выше глоссарий модельного законодательства для государств — участников СНГ в области интеллектуальной собственности и комментарии к модельному закону «О коммерческой тайне» [13].

Анализ указанных документов позволяет выделить ряд черт, характеризующих процесс использования модельных актов в ходе гармонизации положений права интеллектуальной собственности на постсоветском пространстве.

На наш взгляд, следует обратить внимание на альтернативность многих положений модельного законодательства, находящую выражение на нескольких уровнях.

Во-первых, рекомендательные акты зачастую не являются стабильными и подвергаются переработке. Например, в принятую в 1996 году часть третью Модельного ГК [14] Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ в 2003 году внесла изменения путём принятия новой редакции раздела V «Интеллектуальная собственность». А одобренный в 1996 году рекомендательный законодательный акт «Об авторском праве и смежных правах» [15] был заменен в 2005 году упоминавшимся ранее модельным законом. При этом подобные акты не являются международными договорами и, более того, вообще не имеют нормативно-правового характера. Это позволяет использовать их

различные редакции при разработке национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Кроме того, в силу рекомендательного характера указанных документов внесение в них изменений не влечёт обязательной переработки принятых на их основе национальных законов.

Во-вторых, многовариантность проявляется в принятии независимо друг от друга модельных актов, направленных на урегулирование одного и того же круга отношений. Например, помимо Модельного ГК вопросам интеллектуальной собственности посвящён ещё один кодифицированный акт — модельный кодекс интеллектуальной собственности.

В-третьих, иногда сами модельные акты содержат альтернативные варианты правового регулирования отношений интеллектуальной собственности и предоставляют возможность выбора наиболее приемлемого из них на национальном уровне. Например, в модельном законе об авторском праве и смежных правах 2005 года закреплены два варианта статьи 14, посвящённой авторскому праву на произведение, созданному в порядке выполнения служебного задания, т. е. в случае использования указанного акта в качестве образца перед национальным законодателем неизбежно встанет проблема выбора одной из предложенных редакций.

В конечном итоге все проявления альтернативности в модельном законодательстве приводят к снижению его роли для гармонизации права. Но при этом следует учитывать, что рекомендательные акты не только выступают образцом для разработки национального законодательства, но и отражают современные тенденции развития правовой доктрины. Можно согласиться с тем, что «одним из важнейших условий обеспечения высокой эффективности и реальной результативности такого вида акта является его всестороннее и последовательное научное обоснование, обуславливающее использование современных законодательских технологий» [4, с. 140]. То есть необходимость обеспечения соответствия модельного законодательства основным тенденциям развития правовой доктрины во многом и приводит к многовариантности его положений.

С альтернативностью модельного законодательства в сфере интеллектуальной собственности связан ещё один его признак — многоуровневость. Это свойство выражается в том, что ряд институтов урегулирован на уровне как модельных кодексов, так и модельных законов. Так, авторскому праву и смежным правам, помимо соответствующего модельного закона, посвящены главы 2 и 3, научным открытиям — глава 4, фирменному наименованию — глава 9, а коммерческой тайне — глава 12 Модельного кодекса интеллектуальной собственности. Многоуровневость правового регулирования на практике позволяет государствам выбрать степень влияния рекомендательных актов на формирование национального права. Они могут ограничиться общими положениями, содержащимися в кодексе, либо воспользоваться более подробными правилами, закреплёнными отдельными модельными законами. Это позволяет, не ущемляя интересов конкретных стран и учитывая существующие социально-экономические особенности, обеспечить, как минимум на уровне базовых принципов, единство законодательных подходов к регулированию отношений интеллектуальной собственности.

Отличительной чертой модельного законодательства об интеллектуальной собственности является проявление процесса правовой инфильтрации. В доктрине это явление определяется как включение «правовых норм, содержащихся в международных актах (договорах, конвенциях, декларациях) и в национальных нормативно-правовых актах одного государства во внутригосударственное право конкретного другого государства определёнными способами» [16, с. 9]. Примером могут служить подходы к регулированию отношений в сфере авторского права. В литературе отмечается, что Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений [17] базируется на следующих основных принципах: «во-первых, устанавливается так называемый национальный режим... Во-вторых, такой национальный режим не зависит от выполнения каких-либо формальностей... В-третьих, предоставление охраны не зависит от существования охраны или срока её действия в стране происхождения произведения. Имеются, однако, несколько исключений из этого правила, главным из которых является то, что если страна обеспечивает более продолжительный срок охраны, чем минимум, предоставляемый конвенцией, а в стране происхождения произведения охрана уже прекращена, то в данной стране в охране после этого может быть отказано» [18, с. 60].

Действие указанных принципов отчётливо прослеживается и в модельном законе «Об авторском праве». Принцип национального режима отражён в подпункте «в» пункта 1 статьи 5, из которого следует,

что авторское право в силу международного договора должно распространяться и на произведения, созданные иностранцами и обнародованные за границей. Принцип автоматического предоставления охраны закрепляется в части первой пункта 1 статьи 9 упомянутого закона, которая устанавливает, что авторское право на произведение науки, литературы и искусства возникает в силу факта его создания и не требует соблюдения каких-либо формальностей. Принцип независимости охраны проявляется в пункте 3 статьи 5. Он состоит в том, что предоставление охраны произведению в соответствии с международными договорами осуществляется в отношении произведений, которые не перешли в общественное достояние в стране происхождения произведения вследствие истечения в такой стране срока действия авторского права и которые не перешли в общественное достояние в стране предоставления охраны вследствие истечения ранее предоставленного срока действия авторского права. При этом срок действия авторского права на территории страны предоставления охраны не может превышать срок действия авторского права, установленный в стране происхождения произведения.

Правовая инфильтрация в данном случае вызвана особенностями самой Бернской конвенции, целью которой является охрана авторских прав иностранцев. В ней «значительное место занимают нормы материального права. В конвенции устанавливаются определённые единые минимальные права в отношении охраняемых произведений во всех странах-членах Союза» [19, с. 125—126]. То есть, определяя уровень охраны прав иностранных авторов, конвенция, исходя из принципа национального режима, одновременно закрепляет тот же самый объём прав и за отечественными авторами. Это приводит к тому, что присоединение к Бернской конвенции требует внесения в национальное законодательство изменений и дополнений. А модельные акты пытаются выработать единый механизм практической реализации подобных поправок.

Ещё одной особенностью отдельных модельных законов в сфере интеллектуальной собственности является сохранение преемственности советской правовой системы. Примером может служить предоставление охраны модельным кодексом об интеллектуальной собственности такому объекту, как научное открытие (статьи 49—50). При этом анализ модельного закона об охране прав на научные открытия позволяет сделать вывод, что принципиальные положения указанного акта во многом совпадают с предписаниями раздела V (статьи 107—109) Основ гражданского законодательства Союза и союзных республик 1961 года [20] и Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях [21].

Заключение. Отличительными чертами модельного законодательства государств — участников СНГ в сфере интеллектуальной собственности выступают альтернативность, многоуровневость, правовая инфильтрация и сохранение преемственности с отдельными положениями с советской правовой системой.

Список цитируемых источников

1. Всемирная декларация по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : одобр. 26 июня 2000 г. // Conventions. Сайт по междунар. праву. — Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=646. — Дата доступа: 29.08.2016.
2. Глоссарий модельного законодательства для государств — участников СНГ в области интеллектуальной собственности : приложение к постановлению Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ, 17 мая 2012 г., № 37-17 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ. — 2012. — № 55.
3. Марченко, М. Н. Сравнительное правоведение. Общая часть / М. Н. Марченко. — М. : Зерцало, 2001. — 560 с.
4. Бехруз, Х. Сравнительное правоведение / Х. Бехруз. — Одесса : Фенікс ; М. : ТрансЛит, 2008. — 504 с.
5. Богустов, А. А. Проблемы взаимодействия модельного и национального гражданского законодательства стран СНГ / А. А. Богустов // Рос. юстиция. — 2012. — № 3 — С. 21—24.
6. Судариков, С. А. Основы авторского права / С. А. Судариков. — Минск : Амалфея, 2000. — 512 с.
7. Раздел V «Интеллектуальная собственность» части третьей модельного Гражданского кодекса для государств — участников СНГ : принят на 21-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ, 16 июня 2003 г., № 21-7 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ. — 2003. — № 31.
8. Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств — участников СНГ : рекомендат. законодат. акт Содружества Независимых Государств : принят на 34-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ, 7 апр. 2010 г., № 34-6 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ. — 2010. — № 47.
9. Модельный закон об авторском праве и смежных правах : принят на 26-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ, 18 нояб. 2005 г., № 26-13 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств —

участников СНГ. — 2006. — № 37.

10. Модельный закон об охране прав на научные открытия : принят на 34-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ, 7 апр. 2010 г., № 34-9 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ. — 2010. — № 47.

11. Модельный закон о коммерческой тайне : принят на 38-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ, 23 нояб. 2012 г., № 38-22 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ. — 2012. — № 56.

12. Модельный закон о фирменных наименованиях : принят на 39-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ, 29 нояб. 2013 г., № 39-13 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ. — 2014. — № 60. — Ч. 2.

13. Комментарии к модельному закону «О коммерческой тайне» : приложение к постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, 29 нояб. 2013 г., № 39-15 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ. — 2014. — № 60. — Ч. 2.

14. Модельный Гражданский кодекс для государств — участников СНГ (часть третья) : принят на 7-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ, 17 февр. 1996 г., № 7-4 // Приложение к информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ. — 1996. — № 10.

15. Рекомендательный законодательный акт об авторском праве и смежных правах : принят на пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ, 2 нояб. 1996 г. // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ. — 1996. — № 12.

16. Мельниченко, Т. А. Теоретические и нормативные основания правовой инфильтрации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т. А. Мельниченко. — Волгоград : [б. и.], 2006. — 26 с.

17. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений, 9 сент. 1886 г., в ред. 1971 г. // Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран : сб. норматив. актов : Авторское право / под ред. В. К. Пучинского, М. Н. Кузнецова. — М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. — С. 172—180.

18. Интеллектуальная собственность. Основные материалы : пер. с англ. / под общ. ред. Л. Б. Гальперина. — Новосибирск : Наука, 1993. — Ч. 1. Гл. 1—7. — 189 с.

19. Богуславский, М. М. Вопросы авторского права в международных отношениях : Международная охрана произведений литературы и науки / М. М. Богуславский. — М. : Наука, 1973. — 336 с.

20. Основы гражданского законодательства Союза и союзных республик : утв. Законом СССР, 8 дек. 1961 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. — 1961. — № 50. — Ст. 525.

21. Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях : утв. постановлением Совета Министров СССР, 21 авг. 1973 г., № 584 // Собр. постановлений Правительства СССР. — 1973. — № 19. — Ст. 109.

Поступила в редакцию 13.06.2016.

УДК 340

С. В. ВашкевичБелорусский государственный университет, Министерство образования Республики Беларусь, пр. Независимости, 4,
220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (17) 279 99 48, vashkevich@ncpi.gov.by**ПРАВОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ**

В статье приводятся различные взгляды зарубежных и отечественных учёных и специалистов на определение понятия «правовая информация». Рассматриваются особенности законодательного закрепления правовой информации в Республике Беларусь в сравнении с Украиной и Российской Федерацией. Высказано авторское видение по данной проблематике.

Ключевые слова: информация; правовая информация; интерпретации правовой информации; государственная система правовой информации Республики Беларусь.

Библиогр.: 23 назв.

S. V. VashkevichBelarusian State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 4, Nezavisimosti ave., 220030 Minsk,
the Republic of Belarus, +375 (17) 279 99 48, vashkevich@ncpi.gov.by**LEGAL INFORMATION: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS
OF UNDERSTANDING**

The article presents different points of view of foreign and domestic scientists and experts on the category “legal information”. Peculiarities of legislative consolidation of legal information in the Republic of Belarus in comparison with Ukrainian and Russian ones are considered.

The article reflects the author’s vision of the issue.

Key words: information; legal information; interpretations of legal information; state system of legal information of the Republic of Belarus.

Ref.: 23 titles.

Введение. Существующие научные подходы к определению правовой информации разнообразны в зависимости от авторского понимания данной категории зарубежными и отечественными учёными и специалистами. Анализ научных работ позволит охарактеризовать имеющиеся взгляды на категорию «правовая информация», что, в конечном счёте, будет способствовать более основательному её изучению.

Общетеоретические и отдельные практические аспекты по обозначенной проблеме на современном этапе были предметом научных изысканий таких исследователей и специалистов в Республике Беларусь, как М. Г. Гриневич [1], С. А. Калинин [2], Ю. И. Кашинский [3—5], Е. И. Коваленко [6], М. Н. Саголина [7; 8], И. П. Сидорчук [9], И. А. Степура [10], В. А. Шаршун [11; 12] и многих других авторов.

Основная часть. Справедливо мнение М. Л. Мирзорина, согласно которому изучение природы, функций правовой информации уже не может замыкаться на прежних теоретико-методологических ориентирах, а предполагает поиск новых подходов, моделей и научных основ [13, с. 70].

Так, Р. И. Газиев полагает, что «правовая информация — это информация, которая создаётся в результате правотворческой, правоприменительной, правоохранительной деятельности и включена в поле социально-информационных коммуникаций» [14, с. 13]. Анализируя данное Р. И. Газиевым определение правовой информации, М. Л. Мирзорин считает, что при таком варианте дефиниции этой категории, рассматривая её в рамках системного анализа правовых и социально-правовых явлений, становится

ясно, что, во-первых, правовая информация может быть представлена в качестве полиструктурной системы, включающей в себя несколько подсистем — правотворческую информативную подсистему, правоприменительную информационную и правоохранительную информационную подсистемы; во-вторых, если следовать логике данной структуры правовой информации, то становится очевидным, что все её компоненты самым тесным образом сопряжены, по крайней мере, с тремя ветвями (отраслями) государственной власти, институтами национальной правовой системы, а также теми реалиями, которые сложились в конкретном государственно-правовом пространстве на определённом историческом этапе его развития (особенно важным представляется состояние законности и правового порядка), характеризующемся стабильностью (или «застоем») либо революционностью или реформатизмом, повышенным уровнем социальной рискогенности, духовным и идеологическим кризисом или наоборот, расцветом национальной культуры, упрочением тех или иных нравственных норм, правовых ценностей и т. п. [13, с. 70—71].

Как отмечает сам М. Л. Мирзорин, вряд ли следует сужать содержание понятия «правовая информация», поскольку оно суть полиаспектное явление, это сведения о форме и содержании правовых предписаний, взятых в историческом, социокультурном, теоретико-методологическом и инструментально-практическом аспектах: 1) правовая информация историко-теоретического, философского и этнического характера — юридическая гносеология, онтология, правовая аксиология, этнология и антропология права; 2) информация инструментального (отраслевого) характера, получаемая в процессе правотворчества, правореализации (в том числе и правоприменения), правоохранительной деятельности [13, с. 70—71].

М. Л. Мирзорин предлагает расширенную концептуализацию правовой информации, под которой, по его мнению, следует понимать взятые в единстве синтаксических, семантических и прагматических аспектов сведения, содержащиеся в нормах права, различных юридических доктринах, юридической практике, имеющие правозначимый характер и передающиеся субъектам права разными способами [15, с. 62].

Иного взгляда придерживаются П. У. Кузнецов и А. В. Морозов — одни из авторов учебника «Информационные технологии в юридической деятельности». По их мнению, вряд ли правильным будет относить к правовой информации абсолютно все сведения о протекающих в правовой сфере событиях и фактах существующей действительности, поскольку не все такие сведения имеют характер источника права и не все они жёстко связаны с юридической деятельностью и имеют правовое значение. К информации, не являющейся правовой, но имеющей правовое значение для юридической деятельности, данные авторы, например, относят статистическую правовую информацию, оперативно-розыскную информацию, информацию гражданско-правового характера, научную и учебную правовую информацию [16, с. 292—293]. Под правовой информацией исследователи предлагают понимать образ правовой действительности, отражённый в сознании властвующего субъекта (правосознании законодателя) и выраженный в форме нормы права [16, с. 288].

В отечественной юридической литературе также нет единых подходов к определению правовой информации.

Так, М. Н. Гриневич под правовой информацией в более широком смысле слова предлагает понимать информацию (сведения о документах и юридических фактах), получаемую в ходе нормотворческой деятельности, которая, пройдя через государственный механизм, преобразуется в форму закона или иного правового акта, обеспечивающую механизм правового регулирования правоотношений в обществе и зафиксированную в иных юридических документах, формируемых для решения правовых задач в правоохранительной и правоприменительной практике [1, с. 38].

По мнению В. А. Шаршуна, под правовой информацией следует понимать не только тексты нормативных правовых актов, но и судебные решения, различного рода комментарии, разъяснения и иные документы, содержащие информацию правового характера. Это гораздо более широкий спектр информации, включающий в себя и такие категории, как информация о государственной регистрации юридических фактов, правоприменительной деятельности учреждений юстиции, судов, правоохранительных органов, о нормотворческой деятельности соответствующих субъектов, результатах научных исследований [17].

Таким образом, зарубежными и отечественными учёными и специалистами до настоящего времени не выработано единого общепринятого определения правовой информации. Практически каждый исследователь, рассматривая правовую информацию, пытался привнести собственную трактовку, в результате чего имеется в наличии несколько десятков дефиниций, отражающих отдельные детали, признаки, характеристики и т. д. При этом общим для приведённых взглядов на правовую информацию является то, что все без исключения авторы не отрицают многоаспектность правовой информации, её сложный и многогранный характер.

Полагаем, что совершенствование государственной системы правовой информации в интересах общественного развития страны во многом определяется чётким и ясным пониманием субъектами сущности правовой информации, которая отражается в нормативном определении соответствующего термина.

Стоит отметить, что в Российской Федерации ещё в начале 90-х годов XX века в целях более детального урегулирования отношений, связанных с распространением информации о действующих и ранее принятых нормативных правовых актах и использованием информационно-правовых ресурсов был разработан проект федерального закона «О правовой информации» [18]. Однако данный закон до настоящего времени так и не был принят. В отличие от Российской Федерации, в Украине и Республике Беларусь имеются нормативные определения категории «правовая информация».

Так, в соответствии со статьёй 17 Закона Украины от 2 октября 1992 года «Об информации» законодатель трактует правовую информацию, относя к ней любые сведения о праве, его системе, источниках, реализации, юридических фактах, правоотношениях, правопорядке, правонарушениях и борьбе с ними, их профилактике и тому подобное [19]. Как справедливо отмечает А. А. Тихомиров, в этой статье понятие толкуется в большей степени с философской точки зрения, чем нормативно-правовой [20, с. 130—131]. Полагаем, что приведённое определение правовой информации изложено в рамках широкого подхода к пониманию сущности правовой информации без конкретизации её содержания. Это затрудняет определение предметной области регулирования. В то же время среди источников правовой информации указанным законом выделяются Конституция Украины, другие национальные законодательные и подзаконные нормативные правовые акты, международные договоры и соглашения, нормы и принципы международного права, а также ненормативные правовые акты, сообщения средств массовой информации, публичные выступления, другие источники информации по правовым вопросам.

В Республике Беларусь о важности нормативного определения понятия «правовая информация» свидетельствует факт, что оно впервые закреплено в Положении о порядке распространения правовой информации, утверждённом Указом Президента Республики Беларусь от 1 декабря 1998 года № 565 [21]. В целях урегулирования сферы распространения правовой информации в объём данного понятия включены «тексты правовых актов, составляющих законодательство Республики Беларусь» [21]. Избранный законодателем подход к определению понятия «правовая информация» путём приравнивания его к понятию «законодательство» объясняется сложностью комплексного нормативного регулирования процессов информатизации в сфере права и сознательной позицией государства, осуществившего урегулирование общественных отношений, касающихся порядка действий с наиболее важной, т. е. нормативной правовой информацией.

Дальнейшая трансформация нормативного закрепления понятия «правовая информация» связана с утверждением Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 года № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь» Положения о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации в Республике Беларусь. В соответствии с абзацем 3 пункта 2 данного положения под правовой информацией понимаются «тексты и обязательные реквизиты правовых актов, составляющих законодательство Республики Беларусь, в том числе международных договоров Республики Беларусь» [22]. Таким образом, указанное понятие было детализировано и расширено, но по-прежнему понятие «правовая информация» не перестало отождествляться с понятием «законодательство».

Вместе с тем полагаем, что в связи с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 11 июля 2016 года № 261 «О внесении изменений и дополнений в указы Президента Республики Беларусь» (в соответствии с пунктом 1.3 данного документа определение понятия «правовая информация»

изложено в новой редакции: «правовая информация — правовые акты, составляющие законодательство Республики Беларусь, в том числе международные договоры Республики Беларусь») [23], данная проблематика приобрела ещё большую актуальность и требует дополнительного научного анализа.

Заключение. Имеющееся в законодательстве Республики Беларусь нормативное определение понятия «правовая информация» не позволяет выявить её существенных признаков. С одной стороны, это не препятствует его распространённому использованию в рамках функционирования государственной системы правовой информации Республики Беларусь, но, с другой, — привносит дополнительные сложности, так как указанное определение не позволяет его использовать в целях регулирования иных общественных отношений, например при реализации информационных отношений по поводу ненормативной правовой информации (правоприменительной).

Полагаем, что изучение вопроса об интерпретации понятия «правовая информация» представляет существенный интерес и имеет важное значение на современном этапе развития общества в условиях происходящей глобализации и информатизации. Считаем, что правовая информация значительно шире существующего законодательного определения, однако по своей сути такая информация не должна выходить за рамки, которые определяются регулятивной функцией права в его широком понимании. В связи с этим правовая информация включает в себя не только нормативные правовые акты, но и акты применения норм права, разъяснения и комментарии, научную и научно-практическую информацию в области права.

Список цитируемых источников

1. Гриневич, М. Г. К вопросу об определении правовой информации / М. Г. Гриневич, С. Г. Михайленко // Проблемы правовой информатизации. — 2001. — Вып. 4. — С. 35—38.
2. Калинин, С. А. О методологических проблемах правовой информатизации в Республике Беларусь / С. А. Калинин // Информ. право. — 2015. — № 3. — С. 4—6.
3. Кашинский, Ю. И. Инновационная модель государственной системы правовой информации Республики Беларусь / Ю. И. Кашинский, Б. С. Славин // Информ. право. — 2007. — № 4. — С. 36—38.
4. Кашинский, Ю. И. Совершенствование системы правовой информации: от банков данных к базам знаний / Ю. И. Кашинский // Информ. право. — 2006. — № 2. — С. 6—10.
5. Кашинский, Ю. И. Модель государственной системы правовой информации / Ю. И. Кашинский // Проблемы правовой информатизации. — 2006. — № 1. — С. 28—29.
6. Коваленко, Е. И. Развитие государственной системы правовой информации — актуальное направление правовой политики суверенной Беларуси / Е. И. Коваленко // Право.by. — 2015. — № 6. — С. 5—11.
7. Сатолина, М. Н. Научно-правовая информация как составная часть информационно-правовых ресурсов в Беларуси / М. Н. Сатолина, Б. С. Славин, А. С. Шилович // Проблемы правовой информатизации. — Вып. 5. — 2002. — С. 48—50.
8. Некоторые аспекты создания банков данных правовой информации / М. Н. Сатолина [и др.] // Информатизация образования. — 2004. — № 2. — С. 22—29.
9. Сидорчук, И. П. Государственные информационно-правовые ресурсы Беларуси: состояние и перспективы развития / И. П. Сидорчук // Право.by. — 2011. — № 3. — С. 139—144.
10. Степура, И. А. Способы классификации правовой информации / И. А. Степура // Проблемы правовой информатизации. — Вып. 3. — 2000. — С. 96—98.
11. Шаршун, В. А. Классификация правовой информации: вопросы теории и практики / В. А. Шаршун // Право.by. — 2015. — № 6 (38). — С. 24—30.
12. Шаршун, В. А. Классификация правовой информации: вопросы теории и практики / В. А. Шаршун // Право.by. — 2016. — № 1 (39). — С. 11—17.
13. Мирзорин, М. Л. Правовая информированность граждан как фактор формирования правовой культуры общества: особенности переходного периода / М. Л. Мирзорин // Философия права. — 2013. — № 2 (57). — С. 70—74.
14. Газиев, Р. И. Правовая информатизация российского общества в современных условиях : социологический анализ : автореф. ... дис. канд. социол. наук : 22.00.04 / Р. И. Газиев ; Волго-Вят. акад. гос. службы. — Ниж. Новгород, 2009. — 25 с.
15. Мирзорин, М. Л. Правовая информация: теоретическое и духовно-мировоззренческое измерение / М. Л. Мирзорин // Юристь — Правоведь. — 2011. — № 5 (48). — С. 61—64.
16. Кузнецов, П. У. Понятие и сущность правовой информации / П. У. Кузнецов, А. В. Морозов // Информационные технологии в юридической деятельности / под общ. ред. П. У. Кузнецова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2013. — Гл. 10. — С. 279—288.

17. Шаршун, В. А. К вопросу о понятии правовой информатизации [Электронный ресурс] / В. А. Шаршун // Информационные технологии и право (Правовая информатизация — 2010) : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 нояб. 2010 г. — Режим доступа: www.pravo.by/Conf2010/reports/Sharshun.doc. — Дата доступа: 20.07.2016.

18. Горбачева, Е. В. О разработке проекта федерального закона «О правовой информации» / Е. В. Горбачева, В. А. Копылов, И. Д. Тиновическая // Сб. НТИ. — Сер. 1. — 1993. — № 7. — С. 6—9.

19. Об информации [Электронный ресурс] : Закон Украины, 2 окт. 1992 г. : в ред. Закона Украины от 13 янв. 2011 г. № 2657-ХІІ // Система інформаційно-правового забезпечення ЛІГА : ЗАКОН / ООО «ЛИГА:ЗАКОН». — Киев, 2016.

20. Тихомиров, О. О. Права інформації: теоретико-правовий аспект / О. О. Тихомиров // Інформаційна безпека, суспільство, держава. — 2012. — № 1 (8). — С. 29—35.

21. О порядке распространения правовой информации в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 дек. 1998 г., № 565 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2008 г., № 210, 1/9972.

22. О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 712 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 13.07.2016, 1/16531.

23. О внесении изменений и дополнений в указы Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 июля 2016 г., № 261 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 13.07.2016, 1/16531.

Поступила в редакцию 05.09.2016.

УДК 323.2

А. А. Гарбуз

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Министерство образования Республики Беларусь,
Администрация Президента Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007 Минск, Республика Беларусь,
+375 (29) 865 19 20, alex_demos@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассмотрены различные подходы к определению понятия «местное самоуправление» с учётом анализа национального и зарубежного законодательства, в том числе Европейской хартии местного самоуправления. Проанализировано состояние и особенности местного самоуправления в Республике Беларусь.

Рассмотрена деятельность системы органов местного самоуправления, в том числе представительных органов — местных Советов депутатов. Предложены основные направления совершенствования местного самоуправления в Республике Беларусь.

Ключевые слова: местное самоуправление; местный Совет депутатов; самоорганизация населения; местный референдум; децентрализация государственного управления; территориальное общественное самоуправление; реформирование местного самоуправления.

Библиогр.: 15 назв.

A. A. Garbuz

Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Administration
of the President of the Republic of Belarus, 17, Moskovskaya str., 220007 Minsk, the Republic of Belarus,
+375 (29) 865 19 20, alex_demos@mail.ru

STATUS AND TRENDS OF IMPROVEMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article discusses various approaches to the definition of the concept “local self-government” based on analysis of national and international legislation, including the European Charter of local self-government. The state of local self-government in the Republic of Belarus and its features are analyzed.

The activity of local self-government system, including representative bodies — local councils of deputies — are considered. Some basic directions of improvement of local self-government in the Republic of Belarus are suggested.

Key words: local self-government; local councils of deputies; self-organization of population; local referendum; decentralization of public administration; territorial self-government; reform of local self-government.

Ref.: 15 titles.

Введение. Формирование демократической государственности, качественное функционирование гражданского общества, обеспечение устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь предопределяют потребность в переосмыслении целого блока проблем в сфере местного самоуправления. Поиск и использование оптимальной модели местного самоуправления является одним из важнейших направлений государственного строительства в Республике Беларусь.

Материал и методы исследования. При написании статьи автор опирался на исследования и труды отечественных и зарубежных учёных, посвящённые проблемам местного самоуправления. При проведении исследования использованы общенаучные методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Чтобы адекватно оценить роль местного самоуправления в государственном механизме и проанализировать взаимоотношения отдельных институтов, функционирующих на местном уровне, следует рассмотреть само понятие «местное самоуправление».

Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «самоуправление — это внутреннее, своими собственными силами управление делами в какой-либо организации, коллективе» [1, с. 677].

Впервые понятие «местное самоуправление» было введено в Англии в 1851 году и обозначало децентрализацию управления. Следуя определению Британской энциклопедии издания 1911 года, термин «местное управление» использовался в английском языке для «обозначения децентрализованного или деконцентрированного управления местными властями местными делами» [2, с. 172].

Современное понятие «местное самоуправление» рассматривается в следующих аспектах: форма народовластия; право граждан на самостоятельное решение местных дел; одна из разновидностей социального управления; одна из составляющих основ конституционного строя. Как форма народовластия, самоуправление вытекает из статьи 3 Конституции Республики Беларусь, закрепляющей положение о том, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через представительные и иные органы [3].

Конституции Франции, Испании и Греции не употребляют название «местное самоуправление», а применяют термин «муниципальная власть» [4, с. 16]. В некоторых странах термин «муниципалитет» равнозначен понятию органа местного самоуправления — избираемого органа. В США и Великобритании муниципалитетами называются только городские органы, в других государствах — это любые избираемые органы.

В статье 3 Европейской хартии местного самоуправления под местным самоуправлением понимается «право и реальная способность органов самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ими, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения» [5].

В украинском законодательстве местное самоуправление определяется как «гарантированное государством право и реальная способность территориального сообщества — жителей села или добровольного объединения в сельскую общину жителей нескольких сёл, посёлков, городов — самостоятельно или под ответственность органов и глав администраций местного самоуправления решать вопросы местного значения в рамках Конституции и законов Украины» [6, с. 63].

В Законе Литовской Республики «О местном самоуправлении» закреплено: «Самоуправление — государственная административно-государственная единица, обладающая статусом юридического лица и гарантированным Конституцией Литовской Республики правом самоуправления, осуществляемым через совет самоуправления» [7].

Изложенные подходы к определению «местное самоуправление» следует рассматривать через призму политико-правовых доктрин самоуправления и в контексте конституционно-правовой реальности, в которой существует государство.

Легальное определение понятия «местное самоуправление» закреплено в статье 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 года «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее — Закон от 04.01.2010) — это «форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории (далее, если не указано иное, — граждане), для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые им органы социальных, экономических и политических вопросов местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, особенностей развития административно-территориальных единиц на основе собственной материально-финансовой базы и привлеченных средств» [8].

Следует отметить, что в Европейской хартии местное самоуправление рассматривается лишь с позиции деятельности органов самоуправления на конкретной территории, а в белорусском законодательстве предусматривается возможность осуществления местного самоуправления не только местными Советами депутатов, но и путём местных референдумов, собраний, других форм. Следовательно, по сравнению с Европейской хартией, белорусское законодательство трактует местное самоуправление как институт демократии, который содержит различные формы участия граждан в управлении делами общества и государства.

Исторический опыт Беларуси подтверждает, что местное самоуправление является элементом развития общественной жизни, а не продуктом государственной власти. Вместе с тем необходимо отметить, что институты местного самоуправления никогда не рассматривались как соперники государственной власти. В большей мере это партнёры, прилагающие совместные усилия для достижения общей цели — улучшения жизни человека.

Местное самоуправление в Республике Беларусь имеет свои особенности. Во-первых, органы самоуправления являются представительными, т. е. представляют народ в осуществлении местного самоуправления, во-вторых, это выборные органы, в-третьих, «самоуправление представляет собой самоорганизацию населения территориальной единицы, жителей населенного пункта» [9, с. 42].

Оно не сводится только к деятельности местных органов власти. Самоорганизующий потенциал территориальных сообществ предполагает участие в этом граждан в тех или иных формах. В Законе от 04.01.2010 закреплено понятие «система местного самоуправления» с широким набором элементов. Местное самоуправление осуществляется через местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, местные собрания, местные референдумы, инициативы граждан по принятию решений Советов, участие граждан в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определённые ими цели и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах.

Представительные органы — Советы депутатов — являются основным звеном системы местного самоуправления. Они избираются населением на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании и выражают волю всего населения территориального образования, придавая ей общеобязательный характер и осуществляя таким образом местную власть.

В соответствии со статьёй 1 Закона от 04.01.2010 «система органов местного самоуправления включает Советы и органы территориального общественного самоуправления. Система Советов в Республике Беларусь состоит из трёх территориальных уровней: областного, базового и первичного и включает областные, городские, районные, поселковые и сельские Советы» [8].

В Республике Беларусь сложились различные формы общественного самоуправления. Они проявляются в деятельности трудовых коллективов, профсоюзных, молодёжных, ветеранских, женских и иных общественных организаций, а также среди населения по месту жительства. Институты местного самоуправления формировались на протяжении многих лет. Однако в настоящее время они получили новый импульс в своём развитии. Задача состоит в том, «чтобы сохранить преемственность и обеспечить инновационный подход в формировании и становлении новых форм самоуправления на различных уровнях» [10, с. 146—147].

Посредством участия в различных формах самоуправления у граждан формируется чувство сопричастности и ответственности за развитие не только отдельных территорий, но и страны в целом. «Институты самоуправления только тогда могут быть эффективными, когда они получают реальную поддержку от местных органов власти. Очевидно, что не только служащие органов местного управления, но и депутаты местных Советов призваны оказывать конкретную помощь населению в организации самоуправления как важного элемента гражданского общества и демократического государства» [12].

Важным элементом системы самоуправления являются органы территориального общественного самоуправления. Потенциал этих формирований не задействован в полной мере. Такое положение сложилось во многом из-за «отсутствия ясного понимания их политико-правового статуса. При этом общественное самоуправление нельзя рассматривать как институт, место которому исключительно вне власти. Здесь на первый план выдвигается организационный фактор — широкое участие граждан, разнообразие форм» [4, с. 146].

Согласно статье 26 Закона от 04.01.2010, «основной целью территориального общественного самоуправления являются развитие и осуществление на соответствующей части административно-территориальной единицы инициатив граждан по вопросам местного значения» [8].

Например, в Брестской области сегодня работают около 4 тысяч квартальных, уличных, домовых, сельских комитетов. С 1997 года действует институт старост. В настоящее время в области избран 1 661 староста, которые воспринимаются наравне с работниками аппаратов исполкомов и несут ответственность за решение всех проблем на территории поселковых и сельских Советов. «Они знают, кто и в чём из жителей деревни нуждается, принимают участие в работе сессий сельских Советов, зачастую сами являются депутатами. Многие старосты активно содействуют развитию личных подсобных хозяйств, в частности, проводят организационную работу по закупке молока у населения» [11, с. 103].

Перспективы совершенствования системы местного управления и самоуправления в Республике Беларусь, безусловно, связаны с реализацией на практике основополагающей идеи «Государство — для народа», что по сути своей означает «создание благоприятных, комфортных условий жизнедеятельности человека,

обеспечение его прав и свобод. Человек является высшей ценностью общества и государства, и поэтому все органы государственной власти, и прежде всего местные органы, обязаны делать все необходимое для реализации этого основополагающего положения Конституции Республики Беларусь» [10, с. 154].

Среди основных направлений совершенствования местного самоуправления в Республике Беларусь можно выделить следующие:

1) децентрализация государственного управления. Основные преобразования в области местного самоуправления должны быть направлены на постепенное ограничение прямого вмешательства государства в развитие конкретных городов, районов и, соответственно, на повышение роли местных сообществ, а также представляющих их интересы органов местного самоуправления в решении основной части своих проблем;

2) совершенствование нормативно-правовой базы функционирования местного самоуправления. Действующее законодательство Республики Беларусь о местном самоуправлении в полном объёме не применяется на практике. Многие нормы и институты Закона от 04.01.2010 не реализуются в практической деятельности местных Советов депутатов, а также не используются населением, проживающим на территории соответствующего Совета, в качестве инструмента влияния на решение местных проблем.

Развитие и совершенствование нормативной базы местного самоуправления в целом и моделей представительных органов местного самоуправления, особенно на базовом уровне, являются в настоящее время своевременными и актуальными.

Сравнительный анализ показывает, что преобразования в области местного самоуправления, проводимые в Беларуси, всё ещё идут медленно и отличаются по основополагающим принципам от реформ в соседних странах. В плане сравнительного правоведения отметим, что в Конституции Российской Федерации право населения на осуществление местного самоуправления закреплено в разделе первом главы первой «Основы конституционного строя» следующим образом: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Далее в статье 12 Основного Закона Российской Федерации записано: «В Российской Федерации признаётся и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно» [12].

В Конституции Украины (раздел первый «Общие принципы», статья 7) также закреплено положение, что «в Украине признаётся и гарантируется местное самоуправление» [13].

К сожалению, в Конституции Республики Беларусь какое-либо упоминание в разделе первом «Основы конституционного строя» о местном самоуправлении отсутствует. В дальнейшем, при совершенствовании Конституции, следует закрепить в данном разделе отдельной статьёй норму следующего содержания: «В Республике Беларусь признаётся и гарантируется местное самоуправление.»;

3) проведение последовательного реформирования местного самоуправления. Основными составляющими программы реформирования местного самоуправления могут стать:

- «разработка Концепции реформирования местного самоуправления, организация широкого её обсуждения на местах, на научно-практических конференциях;
- утверждение Президентом Республики Беларусь Национальной программы государственной поддержки местного самоуправления;
- перераспределение полномочий между местными представительными и исполнительными органами с целью повышения роли Советов в решении местных вопросов, а также между Советами депутатов разных уровней» [14, с. 148—149];

4) выбор оптимальной для Республики Беларусь модели функционирования местного самоуправления. Анализ практики показывает, что функционирование многоуровневых звеньев Советов как органов самоуправления нерационально. Оптимальной является их двухуровневая структура: первичный (сельсоветы, посёлки, города (районного подчинения)) и базовый (районы, города (областного подчинения)). Первичный уровень самоуправления наиболее приближен к населению. Однако на этом уровне не может быть обеспечено комплексное, в полном объёме удовлетворение потребностей населения.

С точки зрения возможностей и целесообразности экономии средств на уровне сёл, посёлков, районов в городах следовало бы осуществлять частные задачи и функции: содержание дорог, уборка территорий,

охрана общественного порядка, противопожарная безопасность, контроль за рациональным использованием земель, оказание содействия районным и городским Советам и исполнительным и распорядительным органам в осуществлении их функций (школьное образование, медицинское обслуживание).

«Базовый уровень Советов должен иметь достаточный экономический потенциал, развитую инфраструктуру (экономическую и социально-культурную). Он призван стать, действительно, основным звеном местного самоуправления. На базовом уровне должен быть создан комплекс предприятий и учреждений, призванных обеспечить удовлетворение всесторонних запросов и потребностей населения, проживающего на данной территории. Что же касается областей, то они должны рассматриваться не как структура самоуправления, а в качестве административно-территориальных центров, а их органы — как органы управления. На этом уровне обеспечивались бы содействие и контроль за осуществлением общегосударственных задач и функций на их территории, управление объектами, имеющими областное либо межрайонное значение, — профтехучилищами, областными театрами, больницами, диспансерами и др.» [15, с. 139].

Заключение. Очевидно, что формирование новой активной политики в области местного самоуправления, реализация её основополагающих принципов — важные условия обеспечения в будущем устойчивого развития страны. Эти вопросы в последнее время стали активнее подниматься законодателем. Они неоднократно ставились Главой государства, получили его принципиальную поддержку.

Государство не может быть незаинтересованным в развитом институте местного самоуправления. В силу своей природы местное самоуправление начинает выполнять роль связующего звена между гражданами и государственными органами, выступать эффективным инструментом местной политики. Посредством укрепления местного самоуправления обеспечиваются реальные условия и соответствующий механизм взаимодействия государства с обществом. Развитие местного самоуправления — задача не только самого этого института, но и государственной власти всех уровней.

Список цитируемых источников

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Госиздат, 2003. — 939 с.
2. Ряскова, М. В. Местное самоуправление и федерализм в политико-административных системах / М. В. Ряскова // Проблемы управления. — 2007. — № 4. — С. 171—178.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). — Минск : Беларусь, 2015. — 96 с.
4. Местное самоуправление в Беларуси / В. Н. Кивель [и др.] ; под науч. ред. И. П. Сидорчук. — Минск : Тонпик, 2007. — 416 с.
5. Европейская Хартия местного самоуправления и Пояснительный комментарий к ней // Права человека: сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. — Минск : Белфранс, 1999. — 1115 с.
6. Кравченко, В. В. Муніципальне право України / В. В. Кравченко, М. В. Пітцик. — Киев : Атіка, 2003. — 672 с.
7. О местном самоуправлении : Закон Лит. Республики, 12 окт. 2000 г. № V111-2018. — Вильнюс, 2015. — 21 с.
8. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 17 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 янв. 2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 07.01.2016, 2/2346.
9. Бодак, А. Повышение эффективности местного управления и самоуправления / А. Бодак // Юстиция Беларуси. — 2007. — № 6. — С. 41—46.
10. Сидорчук, В. К. Организация местного самоуправления / В. К. Сидорчук. — Минск : Амалфея, 2002. — 272 с.
11. Кобаса, М. В. Депутатам местных Советов депутатов о правовых основах местного самоуправления в Республике Беларусь / М. В. Кобаса. — Минск : Тесей, 2007. — 125 с.
12. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст. — М. : Юрист, 2015. — 56 с.
13. Конституція України. — Киев: Ін Юре, 2013. — 144 с.
14. Лозовик, Н. И. Местное управление и самоуправление : курс лекций / Н. И. Лозовик. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. — 281с.
15. Шабайлов, В. И. Местное самоуправление в Республике Беларусь: состояние и перспективы развития / В. И. Шабайлов // Журн. рос. права. — 2002. — №11. — С. 136—147.

Поступила в редакцию 19.04.2016.

УДК 342.26

А. В. Гуркова

Частное высшее учебное заведение «Ивано-Франковский университет права имени Короля Даниила Галицкого»,
Министерство образования и науки Украины, ул. Е. Коновальца, 35, 76018 Ивано-Франковск, Украина,
+38 (0342) 71 66 80, hyrrkowa@meta.ua

НОРМОТВОРЧЕСТВО МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

Местное самоуправление является правом территориальной общины — жителей села или добровольного объединения в сельскую общину жителей нескольких сёл, посёлка или города — самостоятельно решать вопросы местного значения в пределах Конституции и законов Украины. Вопрос о роли и месте органов местного самоуправления в системе государственной власти важен. Развитое демократическое государство, стремящееся к воплощению европейских стандартов управления, имеет самостоятельный и хорошо развитый муниципалитет. Самостоятельность органов государственной власти, возможность самим издавать нормативные правовые акты и решать важные вопросы без вмешательства центральной власти — залог развитого и сильного государства. Рассмотрение перспектив данного вопроса позволит провести параллели и проанализировать целесообразность правовой реформы в Украине и нормотворчества местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление; нормотворчество; муниципалитет; акты органов местного самоуправления; территориальная община.

Библиогр.: 12 назв.

A. V. Hurkova

King Daniel of Galicia Ivano-Frankivsk University of Law, the Ministry of Education and Science of Ukraine,
35, E. Konovaltsa str., 76018 Ivano-Frankivsk, Ukraine, +38 (0342) 71 66 80, hyrrkowa@meta.ua

LOCAL GOVERNMENT NORM-SETTING IN UKRAINE

Each territorial community — residents of a village or a voluntary association of residents of several villages, towns and cities — has the right for its own local self-government which solves problems of local value within the Constitution and law of Ukraine.

Local government plays an important role in the state system. A highly developed democratic state aiming to implement the European standards of management has an independent and well-developed municipality. Independence of public authorities, the opportunity to publish their regulations and solve important issues without the central government are foundation blocks of a strong state.

Consideration of the issue in historical perspective will allow to draw parallels and analyze the feasibility of legal reform in Ukraine in general and local government normsetting in particular.

Key words: local government; normsetting; the municipality; acts of local self-government bodies.

Ref.: 12 titles.

Введение. Согласно статье 140 Конституции Украины «местное самоуправление Украины — это право территориальной общины, жителей села или добровольного объединения в сельскую общину жителей нескольких сёл, посёлка или города — самостоятельно решать вопрос местного значения в пределах Конституции и законов Украины» [1].

Учитывая, что Украина уверенно идёт по пути евроинтеграции, ожидаемыми являются изменения в системе управления.

Актуальным является рассмотрение некоторых вопросов современного реформирования, в частности, процедуры принятия актов органов местного самоуправления, её недостатков и положительных изменений. Целесообразным видится обращение к вопросу о процедуре принятия решения муниципальными органами и их формального закрепления в историческом контексте.

Методология и методы исследования. Несмотря на то, что местное самоуправление является базовым в процессе становления независимого и демократического государства, данное явление мало исследовано в Украине. К рассмотрению этого вопроса обращались учёные И. В. Борденюк [2], П. Ф. Гураль [3], С. М. Крючков [4], М. В. Билоконь [5] и другие. Однако их исследования проводились и базировались исключительно на нормах устаревшего муниципального законодательства. В настоящее время в Украине разработаны новые законопроекты по вопросам внесения изменений и дополнений в работу местного самоуправления. При проведении исследования автор статьи использовал общенаучные методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Исторически сложилось, что самостоятельность принятия решений органами местного самоуправления была фантомной, декларативной на этапах становления местного самоуправления.

К примеру, во времена Киевской Руси (IX—XIII века) решение по вопросам местного значения принимало вече — общее собрание граждан городов Киевской Руси. Для рассмотрения общественных дел в главных городах государств-земель вечевые собрания носили характер одного из верховных органов власти, они конкурировали в своих компетенциях с властью князя. В указанные времена вече можно рассматривать как прототип местных референдумов [1, с. 85].

В литовско-польский период (XIV—XVII века) происходит постепенный переход от неписанных форм принятия решений органами местного самоуправления к письменным. Это было связано с зарождением уставных грамот, которые стали прообразом современных уставов территориальных общин. В некоторых городах (Львов, Луцк, Галич) вводится магдебургское право, что повлияло на нормотворческий процесс. Принятие нормативных правовых актов поддавалось чёткой регламентации. Взаимосвязанные и взаимообусловленные действия по принятию официальных нормативных правовых актов (вилькеры, определения, постановления) принимались для регулирования определённых вопросов местного значения общины города. Один из источников «Артикулы Магдебургского права», который называют «Саксонское Зерцало», переведённый с латыни на польский язык [3], содержал отдельный раздел о городских постановлениях, что свидетельствует о весомой роли актов в деятельности городских советов. Нормотворческая функция городских советов заключалась в вынесении решений, обязательных для всех жителей города [6, с. 208]. Нормативные акты высшей юридической силы в отдельных городах именовались «вилькеры», они были общеобязательными в судопроизводстве, магистрат должен был придерживаться их норм в управлении городом. Нередко вилькеры содержали нормы гражданского и уголовного права.

Во времена казацко-гетманской Украины (XVII—XVIII века) произошло возвращение к обрядовому праву (активно проводились вече, сборы). Полковники и старшины принимали письменные акты-листы, универсалы [4, с. 91].

В период пребывания украинских земель в составе Российской и Австро-Венгерской империй (конец XVIII — начало XX века) происходит расширение субъектов нормотворчества на местном уровне. Принимались такие нормативные правовые акты, как постановления, определения, уставы, регламенты, предписания, инструкции, положения. Введена практика официального опубликования нормативных правовых актов, в том числе в печатных сборниках [5, с. 95].

В период возрождения украинской национальной государственности (1917—1920 годы) большинство решений центральной власти и заложенных в них идей, в том числе по вопросам местного самоуправления, фактически остались нереализованными.

В советский период (1921—1991 годы) местные советы народных депутатов, которые фактически стали правопреемниками представительных органов местного самоуправления в независимой Украине, принимали нормативные правовые акты в форме решений [7].

Провозглашение независимости Украины 24 августа 1991 года и внедрение демократических принципов развития государства послужило стимулом для возобновления дискуссии о сущности, месте, роли и значении местного самоуправления в системе власти, социального управления обществом в целом.

Так, с принятием Конституции Украины 28 июня 1996 года субъектом местного самоуправления была определена территориальная община, которая может как непосредственно, так и через избираемые

им органы осуществлять свои полномочия (статья 140). В то же время Конституция Украины установила основные принципы организации и деятельности местного самоуправления на всей территории страны, наделила территориальные общины и их представительные органы рядом функций и полномочий в финансово-экономической, социально-культурной, общественной и других сферах местной жизни (статьи 143 и 144) [1].

Стоит отметить, что принятие органом местного самоуправления решений осуществляется в соответствии с Конституцией Украины, Законом Украины от 21 мая 1997 года № 24 «О местном самоуправлении в Украине» [8], отвечает общепризнанным принципам и нормам международного права.

На данном этапе результатом нормотворческого процесса органов местного самоуправления является нормативный правовой акт — официальный письменный документ, который устанавливает, изменяет или прекращает общеобязательные правила поведения для определённого (неопределённого) количества лиц, принят субъектом местного самоуправления по нормотворческим полномочиям и действует в пределах соответствующей административно-территориальной единицы [2, с. 208].

Стоит выделить основные признаки нормативных правовых актов местного самоуправления:

- 1) письменная форма и определённая структура;
- 2) общеобязательность — принятый нормативный правовой акт обязателен для исполнения определённым кругом лиц или конкретных адресатов;
- 3) нормативные правовые акты, принимаемые органами местного самоуправления, принимаются исключительно уполномоченными на то субъектами, определёнными в законодательстве Украины, а также соответствующими нормативными правовыми актами местного самоуправления, в частности, уставом территориальной общины;
- 4) универсальность — нормативные правовые акты местного самоуправления являются универсальным инструментом регулирования различных отношений, имеют межотраслевой и комплексный характер. Это проявляется в том, что нормативные правовые акты местного самоуправления являются источниками многих отраслей права (конституционного, муниципального, финансового, хозяйственного, земельного, административного и т. д.);
- 5) официальность — подтверждается использованием государственного герба на бланке и печати. Допустимым является использование, наряду с государственной, местной символики (герба города, села);
- 6) подзаконность — нормативные правовые акты местного самоуправления принимаются в строгом соответствии с актами высшей юридической силы в государстве и являются результатом деятельности, предварительно санкционированной государством через закрепление права на её осуществление в соответствующих законодательных актах. Нормативные правовые акты местного самоуправления, дополняя и расширяя нормы законов, выполняют роль, которая имеет диспозитивную природу, и предусматривают различные варианты в зависимости от воли нормотворческого органа и местных интересов [9, с. 482];
- 7) целевое назначение — нормативный правовой акт местного самоуправления преследует интересы локального характера, главной функциональной целью которого является решение вопросов местного значения;
- 8) особый предмет регулирования — вопросы местного значения по широкому кругу сфер управления, связанные с непосредственным обеспечением жизнедеятельности территориальной общины, локальной направленностью и решением конкретных проблем граждан (утверждение местного бюджета, управление коммунальной собственностью, организация благоустройства и т. д.). Ключевое полномочие местного самоуправления — это компетенция в финансовых вопросах. Основным финансовым нормативным правовым актом является местный бюджет, который имеет специальный статус и является средством обеспечения реализации других нормативных правовых актов;
- 9) локальный характер территориального действия — адресатами нормативных правовых актов местного самоуправления могут быть граждане, которые проживают или находятся в определённое время на территории административно-территориальной единицы, а также расположенные в её пределах предприятия, учреждения, организации. Локальность порождает близость расположения субъекта принятия и адресата нормативного правового акта. Кроме того, каждый имеет больше шансов быть избранным или назначенным в нормотворческий орган [10].

В целом процесс принятия нормативных правовых актов достаточно чётко определён на законодательном уровне, но практическое применение данных положений вызывает у органов местного самоуправления затруднения.

Проблема применения нормативных правовых актов местного самоуправления, прежде всего, касается порядка их принятия и границ действия документов. Законодатель на конституционном уровне определил только одну форму нормативного правового акта местного самоуправления. Так, статья 144 Конституции Украины устанавливает, что органами местного самоуправления являются советы и их исполнительные органы, которые в пределах полномочий принимают решения [1], несмотря на то, что, в соответствии с пунктом 8 статьи 59 Закона Украины от 21 мая 1997 года № 24 «О местном самоуправлении в Украине» сельские, поселковые, городские председатели выносят предписания [8]. Указанное позволяет сделать выводы, что множество подзаконных нормативных правовых актов содержат коллизии, которые касаются процедуры принятия решений органами местного самоуправления.

Перед местным самоуправлением появились вызовы, требующие эффективного и быстрого реагирования: 1) экономическая несостоятельность подавляющего большинства территориальных общин, органов местного самоуправления по осуществлению собственных и делегированных полномочий; 2) недостаточность ресурсов в бюджетах территориальных общин для инвестиций в инфраструктуру; 3) кризис коммунальной инфраструктуры, угрожающая изношенность тепловых, водно-канализационных, водопроводных сетей и жилого фонда; 4) отсутствие чёткого распределения полномочий между уровнями, органами и должностными лицами местного самоуправления; 5) отдалённость органов местного самоуправления от населения и их корпоративизация, закрытость и непрозрачность деятельности, неэффективное использование коммунальной собственности, земельных ресурсов, коррупция; 6) кризис кадровой политики, системы подготовки, переподготовки, повышения квалификации должностных лиц, служащих органов местного самоуправления, депутатов местных советов [11].

Поскольку нормотворчество органов местного самоуправления в настоящее время характеризуется наличием пробелов и коллизий, это обусловило избрание Украиной пути его реформирования. Одной из реформ является децентрализация власти, предполагающая передачу полномочий от центральной власти на места. Эта реформа включает в себя ряд изменений как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. Расширение полномочий органов местного самоуправления призвано повлиять на расширение актов и решений, которые будут приниматься органами местного самоуправления.

Анализ проекта Закона Украины от 1 июля 2015 года № 2217 «О внесении изменений в Конституцию Украины (относительно децентрализации власти)» (далее — проект Закона № 2217), в частности, изменений, касающихся актов органов местного самоуправления, позволяет сделать вывод о внедрении другого механизма принятия и отмены соответствующих решений, а также о ряде новых решений на местном уровне, которые будут приниматься нововведёнными в муниципалитет префектами [12].

В соответствии со статьёй 119 проекта Закона № 2217 префект будет уполномочен осуществлять исполнительную власть на местах, издавать на основании и в порядке, определённом законом, акты, обязательные для исполнения на соответствующей территории. Кроме того, акты префектов, изданные в целях осуществления полномочий, касающихся надзора за соблюдением Конституции и законов Украины, органами местного самоуправления и организации деятельности центральных органов исполнительной власти с местными органами самоуправления, в условиях чрезвычайного положения могут быть отменены Президентом Украины. Принятые полномочия, касающиеся государственных программ, будут отменяться в случае необходимости Кабинетом Министров Украины. Территориальные общины, председатели общин, органы местного самоуправления, в соответствии со статьёй 119 проекта Закона № 2217, смогут принимать акты местного самоуправления, которые являются обязательными для исполнения на соответствующей территории [12].

Согласно статье 144 проекта Закона № 2217 действие актов местного самоуправления по мотивам их несоответствия Конституции или законам Украины может быть приостановлено префектом с одновременным обращением в суд. Кроме того, статья 144 проекта Закона № 2217 предусматривает, что в случае принятия председателем общины, советом общины, районным, областным советом акта,

не соответствующего Конституции Украины, что создаёт угрозу нарушения государственного суверенитета, территориальной целостности или угрозу национальной безопасности, Президент Украины останавливает действие соответствующего акта с одновременным обращением в Конституционный Суд Украины [12].

Заключение. Становление местного самоуправления, его нормотворчество прошли сложный исторический путь от принятия устных решений, абсолютной подчинённости местной власти центральной к демократическому образцу муниципалитета. В настоящее время Украина находится в состоянии реформирования. Положения проекта Закона от 1 июля 2015 года № 2217 «О внесении изменений в Конституцию Украины (относительно децентрализации власти)», касающиеся нормотворчества местного самоуправления, носят позитивный характер и преследуют защиту интересов местного населения. Важным в этом процессе является обеспечение передачи полномочий из центра на места с соответствующей передачей самостоятельности в принятии решений, с одной стороны, и разумного контроля — с другой.

Список цитируемых источников

1. Конституция Украины [Электронный ресурс] : 28.06.1996 № 254к/96-ВР // Веб-ресурсы Верховной Рады Украины. — Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254k/96-вр>. — Дата доступа: 26.04.2016.
2. Борденюк, В. И. Местное самоуправление и государственное управление: конституционно-правовые основы соотношения и взаимодействия : монография / В. И. Борденюк. — М. : Парламент. изд-во, 2007. — 576 с.
3. Гураль, П. Ф. Территориальная община в Украине. Историко-правовое исследование / П. Ф. Гураль. — Львов : Край, 2008. — 468 с.
4. Крючков, С. М. Историко-правовые аспекты становления и развития местного самоуправления : Мировой и украинский опыт / С. М. Крючков. — М. : Доверие : СоцИнтел, 1998. — 194 с.
5. Билоконь, М. В. Органы государственного управления и местное самоуправление в Российской империи во второй половине XIX в. (на материалах Левобережной Украины): историко-правовое исследование : монография / М. В. Билоконь. — Харьков : Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2003. — 260 с.
6. Кобилецкий, М. В. Магдебургское право в Украине (XIV — первая половина XIX в.). Историко-правовое исследование / М. В. Кобилецкий. — Львов : Паис, 2008. — 406 с.
7. Исторические аспекты становления нормативно-правовых актов местного самоуправления как источников права [Электронный ресурс] // Научные записки Института законодательства Верховной Рады Украины : офиц. сайт. — Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/Nzizvru/2012_1/p10_4.html. — Дата доступа: 26.04.2016.
8. О местном самоуправлении [Электронный ресурс] : Закон Украины от 21 мая 1997 № 24 // Верховная Рада Украины : офиц. сайт. — Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/280/97-вр>. Дата доступа: 26.04.2016.
9. Батанов А. В. Муниципальная власть в Украине: проблемы теории и практики : монография / А. В. Баранов. — М. : Юрид. мысль, 2010. — 656 с.
10. Нормотворчество местного самоуправления [Электронный ресурс] // Центр законопроектных студий : офиц. сайт. — Режим доступа: <http://lawdrafting.org/normotvorchist-mistsevogo-samovryaduvannya/>. — Дата доступа: 26.04.2016.
11. Почему нужна децентрализация [Электронный ресурс] // Асоціація міст України. — Режим доступа: http://auc.org.ua/sites/default/files/decentral_zac_ua_infografika. — Дата доступа: 26.04.2016.
12. О внесении изменений в Конституцию Украины (относительно децентрализации власти) [Электронный ресурс] : проект Закона Украины, внесенный Президентом, от 01.07.2015 № 2217 // Верховная Рада Украины : офиц. сайт. — Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/656-19>. — Дата доступа: 26.04.2016.

Поступила в редакцию 30.05.2016.

УДК 347.211

Р. В. Крутько

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Министерство образования Республики Беларусь, Партизанский пр., 26, 220070 Минск, Республика Беларусь, +375 (17) 209 88 88, rus_krut14@mail.ru

ВЕЩНЫЕ ПРАВА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА СВЯТЫЕ МОЩИ

Анализируются основания возникновения вещных прав религиозных организаций на такие специфические объекты, как святые мощи. В отношении имущества религиозных организаций применяются те же требования, что и к иным субъектам гражданского права, а также дополнительные требования, которые связаны со спецификой указанных организаций. Имущество, приобретённое религиозными организациями, находится в их собственности и может использоваться лишь для достижения целей, предусмотренных их учредительными документами. Однако остаётся открытым вопрос, каким образом возникают имущественные права религиозных организаций на человеческие мощи.

Ключевые слова: тело человека; вещь; мощи; имущество; культовое имущество.

Библиогр.: 19 назв.

R. V. Krutsko

Belarus State Economic University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 26, Partizansky ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (17) 209 88 88, rus_krut14@mail.ru

REIGEOUS ORGANIZATIONS PROPERTY RIGHT TO THE HOLY RELICS

In the Republic of Belarus legal entities which are non-profit organizations can be created in the form of religious organizations. Legal entities may own any property except for certain types of property which according to the law can not be owned by legal entities. Property acquired by religious organizations is in their ownership and may be used only for the purposes stipulated by their constituent documents. Religious organizations' property is subjected to the same requirements as other subjects of civil law; it is also subjected to some additional requirements related to the specifics of mentioned organizations.

The article analyses basis for property right occurrence on relics for religious organizations.

Key words: human body; thing; relics; property; cult property.

Ref.: 19 titles.

Введение. В статье 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь определены виды объектов гражданских прав [1], однако нет упоминания о том, что тело человека, а также органы и ткани человека являются объектами гражданских прав.

По мнению С. А. Гарчичко, развитие общественных отношений требует нового взгляда на такое ключевое понятие права собственности, как объект вещных прав. Термины «вещь» и «имущество», до недавнего времени имевшие достаточно определённое содержание, сегодня уже не позволяют решить все теоретические и практические задачи, стоящие перед правовой наукой. В разряд объектов права собственности попадают категории, немыслимые с позиций обычного понимания [2, с. 81].

Следует отметить, что активное развитие и использование генной инженерии, репродуктивных технологий потребовало издания новых нормативных правовых актов, регулирующих эти сравнительно новые и неоднозначные общественные отношения. Вместе с тем существуют отношения, которым не одна сотня лет и которые на законодательном уровне до настоящего времени никак не урегулированы.

Основная часть. Согласно норме статьи 210 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1] собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Собственник

вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству, не ущемляющие прав и защищаемых законом интересов других лиц.

В соответствии с нормой статьи 30 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (далее — Закон «О свободе совести») религиозные организации обладают правом собственности на имущество, приобретённое или созданное ими за счёт собственных средств, пожертвованное физическими или юридическими лицами или переданное религиозным организациям в собственность государством либо приобретённое другим способом, не противоречащим законодательству Республики Беларусь [3].

В статье 3 Закона «О свободе совести» дано легальное определение культового имущества, под которым подразумеваются «предметы, иные материальные объекты (здания, церковная утварь и т. д.), необходимые для совершения религиозных обрядов, ритуалов и церемоний» [3].

В статье 4 главы XX «Имущество и средства» Устава Русской православной церкви определено, что имущество, принадлежащее каноническим подразделениям Русской православной церкви на правах собственности, пользования или на иных законных основаниях, в том числе предметы религиозного почитания, иное имущество, приобретённое или созданное за счёт собственных средств, пожертвованное физическими и юридическими лицами, предприятиями, учреждениями и организациями, а также переданное государством и приобретённое на других законных основаниях, является имуществом Русской православной церкви [4].

Появляются вопросы: является ли тело человека вещью, на каком основании возникает право собственности религиозной организации на человеческие мощи?

В толковом словаре русского языка В. И. Даля «вещь — нечто, предмет, отдельная единица, всякая неодушевлённая особь. Пожитки, движимое имущество. Вещество — отвлечённое понятие всего мирского и природного; материал, из чего образовано всякое тело, вещь, предмет; всё доступное чувствам нашим. Человек состоит из вещества и существа — из тела и души, из плоти и духа» [5, с. 119].

Протоиерей В. Цыпин отмечает, что «объекты церковного имущества подразделяются на вещи священные (*res sacrae*) и вещи церковные. К первым относятся все предметы, специально предназначенные для совершения богослужения, а вторые — включают всякое имущество, служащее церковным целям. Вещи священные, в свою очередь, подразделяют на священные в собственном смысле слова и освящённые. Вещь становится священной чрез её освящение или чрез самый характер её употребления. Это могут быть как движимость, так и недвижимость. Кроме самих храмов, церковью священными являются: священные сосуды (потир, дискос, лжица, копие, дарохранительница), а также все напрестольные вещи (антиминс, Евангелие, Кресты напрестольные, мощи, образа, покровы священных сосудов, одежды на престоле и жертвеннике)» [6].

Святитель Николай Сербский в главе 7 «О священных предметах» Православного катехизиса указывает, что одним из самых важных священных предметов являются святые мощи [7, с. 152]. Он же даёт определение, что святые мощи — это «нетленные останки тел святых угодников, явившие чудотворную силу» [4, с. 156]. Вместе с тем «чудотворная сила мощей и священных предметов исходит от живого Бога и Его вечно живых святых угодников, но не от самих предметов» [7, с. 157].

Среди правоведов существуют различные позиции по поводу правового статуса как тела человека в целом, так и отдельно взятых человеческих органов.

По мнению В. А. Витушко, тело человека относится к вещам особого рода. Отдельные части тела, например кровь, могут включаться в гражданский оборот как вещи, если не нарушается закон, принципы права и публичный порядок. Тело человека также относится к числу объектов некоторых правоотношений, например в морском праве (статья 71 Кодекса торгового мореплавания Республики Беларусь (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1999 г., 2/96)) [8, с. 598].

В соответствии с нормой статьи 16 Закона Республики Беларусь «О донорстве крови и её компонентов» заготовку, переработку, хранение и реализацию крови, её компонентов на территории Республики Беларусь осуществляют организации переливания крови, т. е. организации здравоохранения, медицинские научные организации, другие организации, осуществляющие медицинскую деятельность [9].

В статье 26 вышеуказанного закона предусмотрено, что организации переливания крови могут реализовывать на территории Республики Беларусь кровь, её компоненты, заготовленные сверх нормативов их обязательного обеспечения потребностей государственной системы здравоохранения Республики Беларусь, организациям для переливания крови, её компонентов, производства лекарственных средств и медицинских изделий, а также для использования в научных целях и (или) в образовательном процессе на договорной основе. Примерная форма договора о реализации крови, её компонентов определяется Министерством здравоохранения Республики Беларусь [9].

По мнению Н. А. Маргацкой, «кровь, органы и ткани после отделения их от организма превращаются в часть материального мира — не являющуюся товаром. То, что они являются вещью, предметом материального мира, не вызывает сомнений, и спор об этом носит схоластический характер... Если вещь обладает потребительной стоимостью, то это не означает, что она обязательно должна выступать в качестве товара, т. е. иметь стоимость» [10, с. 74—75].

В свою очередь Н. В. Аполинская полагает, что «с точки зрения гражданского права труп человека можно признать биологическим объектом, обладающим спецификой» [10, с. 92]. Она же определяет биологические объекты как «самостоятельные уникальные объекты материального мира, происходящие от организма человека, обладающие значительной нематериальной ценностью и экономической стоимостью» [11, с. 9—10].

Исследователь Е. Н. Степанова придерживается мнения, что «вещью и, соответственно, объектом гражданского права тело умершего признать нельзя, поскольку телесная оболочка человека сама по себе при жизни человека не существует, а является неотъемлемым компонентом индивида» [12, с. 47]. Она же признаёт в качестве объекта правоотношений между родственниками умершего («потенциального донора») и лечебно-профилактическими учреждениями не тело умершего и не его органы, а право на дачу разрешения на изъятие этих органов, являющееся таким же нематериальным благом, как право на личную и семейную тайну, тайну переписки и т. п. [12, с. 183].

Органы и ткани человека, полагает Т. Г. Кудашова, следует признавать объектами гражданского права, и вопрос допустимости купли-продажи органов и тканей зависит в основном от жизненной значимости трансплантата для донора и реципиента. В свободном обороте должны находиться те части человеческого тела, изъятие которых не причиняет вреда ему или причинённый вред является полностью восстановимым (волосы, кровь, сперма, часть ткани и т. д.). Ограниченными в обороте следует признавать органы, обращение которых необходимо осуществлять под строгим контролем государства с соблюдением прав донора и реципиента, а также, в случае необходимости, их родственников (сердце, лёгкие, почки и т. д.) [13, с. 270].

В статье 1 Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» органами и (или) тканями человека признаются анатомические образования (целые органы, фрагменты органов, комбинации клеток), не определяющие отличительных черт личности [14].

Норма части четвёртой статьи 5 Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» предусматривает, что органы и (или) ткани человека не могут быть объектом гражданско-правовых сделок, за исключением сделок, носящих безвозмездный характер. Совершение возмездных сделок, а также реклама спроса и (или) предложений органов и (или) тканей человека запрещаются [14].

В Беларуси основы организации похоронного дела и гарантии погребения установлены Законом Республики Беларусь «О погребении и похоронном деле» (в редакции Закона Республики Беларусь от 8 января 2015 г. № 237-3) [15].

В соответствии с нормой статьи 27 указанного закона волеизъявление умершего — это распоряжение, сделанное гражданином при жизни, в том числе о добровольном согласии на передачу после смерти его тела, органов, тканей в организацию здравоохранения или государственное учреждение образования, осуществляющее подготовку, повышение квалификации и (или) переподготовку специалистов с высшим или средним специальным медицинским, фармацевтическим образованием, для использования в образовательном процессе и научных исследованиях.

Погребение и иные действия по отношению к телу (останкам) умершего должны осуществляться в соответствии с волеизъявлением умершего, если это не противоречит законодательству и если не возникли обстоятельства, при которых исполнение такого волеизъявления невозможно [15].

В отличие от предыдущей редакции Закона Республики Беларусь «О погребении и похоронном деле», где статья 3 именовалась «Волеизъявление о достойном отношении к телу после смерти», в новой редакции закона нет упоминания о достойном отношении к телу после смерти.

Однако в решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 24 декабря 2014 года № Р-961/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О погребении и похоронном деле» отмечено, что в Республике Беларусь гарантируется право человека на достойное отношение к его телу после смерти, являющееся производным от конституционного права личности на неприкосновенность, понятием которого не только охватывается прижизненный период существования личности, но и формируются необходимые предпосылки для правовой охраны человеческого тела [16].

Норма статьи 47 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» вводит понятие «анатомический дар». Анатомическим даром признаётся распоряжение, выраженное физическим лицом в письменной форме, о добровольном согласии на передачу после смерти его тела, органов, тканей в организацию здравоохранения или государственное учреждение образования, осуществляющее подготовку, повышение квалификации и (или) переподготовку специалистов с высшим или средним специальным медицинским, фармацевтическим образованием, для использования в образовательном процессе и научных исследованиях. Гражданин имеет также право отменить своё распоряжение об анатомическом даре [17].

Таким образом, в нормативных правовых актах существуют нормы, регулирующие некоторые отношения, связанные с телом человека и его органами после его смерти. Однако, как было отмечено, в законодательстве Республики Беларусь нет указания на то, что человеческое тело, а также человеческие органы и ткани являются объектами гражданских прав.

Как справедливо отмечает А. Г. Евтушенко, «сохранение, уход за могилой, воздание посмертных почестей являются неотъемлемой частью мировой культуры поминовения и существенным фактором исторической памяти. Ни одно посмертное юбилейное событие не обходится без церемоний на могиле выдающейся личности. Главное, чтобы поклонение могилам не было лицемерным, наружным. Местам, где, как считают теперь, умер и погребён Иисус, поклоняются и воздают почести сотни тысяч людей, которые в то же время преступают Закон Божий» [18, с. 205].

Заключение. В Гражданском кодексе Республики Беларусь нет упоминания о том, что тело человека, а также органы и ткани человека являются объектами гражданских прав. В нормативных правовых актах Республики Беларусь существует фрагментарное регулирование применения органов и тканей человека после смерти, однако нет никаких правил нахождения в гражданском обороте святых мощей.

Церковным правом устанавливаются некоторые правила по обращению со святыми мощами. В частности, в пункте 12 документа под названием «О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших», принятого 2 февраля 2011 года Архиерейским Собором Русской православной церкви, отмечено, что открытие мощей святого и помещение их в храмы может иметь место только при канонизации или после таковой [19].

В Республике Беларусь гарантируется право человека на достойное отношение к его телу после смерти. Человек при жизни может заявить о пожелании или нежелании быть погребённым рядом с ранее умершими супругом (супругой) либо близкими родственниками или на ином месте в соответствии с вероисповеданием, обычаями и традициями, а также выразить в письменной форме добровольное согласие на передачу после смерти своего тела, органов, тканей в организацию здравоохранения. Но вопрос приобретения права собственности на святые мощи религиозными организациями остаётся открытым.

Полагаем, законодателю необходимо установить в нормативных правовых актах правила нахождения в гражданском обороте органов и тканей человека. Существует, по крайней мере, два пути решения проблемы. Первый — дополнить статью 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь, указав, что тело человека, а также органы и ткани человека являются объектами гражданских прав. Второй — разработать проект закона, регулирующего правила нахождения в гражданском обороте не только органов и тканей, используемых при трансплантации, но и других человеческих органов и тканей (удаляемых при медицинских операциях, патологоанатомическом вскрытии, абортах, находящихся в захоронениях, анатомических театрах, музеях, хранящихся в религиозных целях и т. д.).

Список цитируемых источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2014 г. // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь, 20.03.2001, 2/744.
2. Гарчичко, С. А. Проблемы права собственности как системного правового института / С. А. Гарчичко // Промышленно-торговое право. — 2013. — № 8. — С. 81—85.
3. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь, 2002 г. № 123, 2/886.
4. Устав Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] : принят на Архиерейском Соборе 2000 г. // Официальный сайт Моск. Патриархата. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/>. — Дата доступа: 10.03.2016.
5. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. — 736 с.
6. Цыпин, В. Церковное право [Электронный ресурс] / В. Цыпин // Православная электронная библиотека. — Режим доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/book/1475>. — Дата доступа: 10.03.2016.
7. Сербский, Н. Православный катехизис / Н. Сербский Клин : Христиан. жизнь, 2009. — 160 с.
8. Витушко, В. А. Курс гражданского права. Общая часть : в 5 т. / В. А. Витушко. — Минск : БГЭУ, 2002. — Т. 2. — 717 с.
9. О донорстве крови и ее компонентов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 нояб. 2000 г., № 197-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2015 г. // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь, 13.11.2001, № 107, 2/804.
10. Маргацкая, Н. А. Гражданско-правовые проблемы донорства и трансплантации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. А. Маргацкая. — М. : [б. и.], 1984. — 180 л.
11. Аполинская, Н. В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. В. Аполинская. — Иркутск : [б. и.], 2009. — 173 л.
12. Степанова, Е. Н. Трансплантация органов человека: мировой опыт и Россия (гражданско-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. Н. Степанова. — М. : [б. и.], 2004. — 228 л.
13. Кудашова, Т. Г. Признание органов и тканей человека объектами гражданского права: за и против / Т. Г. Кудашова // Изв. Оренбург. гос. аграр. ун-та. — 2012. — № 35—1. — Т. 3. — С. 268—270.
14. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 марта 1997 г., № 28-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.01.2015 г. // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь, 1997 г., № 9, ст. 196.
15. О погребении и похоронном деле [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 нояб. 2001 г., № 55-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2015 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 11.01.2015, 2/2235.
16. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О погребении и похоронном деле”» [Электронный ресурс] : решение Конституцион. Суда Респ. Беларусь, 24 дек. 2014 г., № Р-961/2014 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 07.01.2015, 6/1458.
17. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16.02.2014 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26.06.2014, 2/2162.
18. Евтушенко, А. Г. Распоряжение останками: могила как место поклонения / А. Г. Евтушенко // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. — 2012. — № 1. — С. 203—206.
19. О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших [Электронный ресурс] : принят 2 февр. 2011 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви // Официальный сайт Моск. Патриархата. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400907.html>. — Дата доступа: 10.03.2016.

Поступила в редакцию 01.04.2016.

УДК 340.130

Р. П. Луцкий

Частное высшее учебное заведение «Ивано-Франковский университет права имени Короля Даниила Галицкого»,
Министерство образования и науки Украины, ул. Е. Коновальца, 35, 76018 Ивано-Франковск, Украина,
+38 (0342) 71 66 80, roman_lutskii@ukr.net

ПОНИМАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА ВЕДУЩИМИ УЧЁНЫМИ УКРАИНЫ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальной проблемой юриспруденции является определение теоретико-правовых принципов функционирования понятия позитивного права на современном этапе государства и права Украины. Этот вопрос нуждается в последующем развитии и совершенствовании. Данная проблема играет значительную роль и вызывает большой интерес в современном обществе.

Ключевые слова: учёные-правоведы; закон; позитивное право; естественное право; общество.
Библиограф.: 11 назв.

R. P. Lutcky

King Daniel of Galicia Ivano-Frankivsk University of Law, Ministry of Education and Science of Ukraine,
35, E. Konovaltsa str., 76018 Ivano-Frankivsk, Ukraine, +38 (0342) 71 66 80, roman_lutskii@ukr.net

UNDERSTANDING OF POSITIVE RIGHT BY LEADING SCIENTISTS OF UKRAINE AND RUSSIAN FEDERATION

Determination of theoretico-legal principles of the positive right concept functioning at the modern stage of Ukrainian state and law is considered to be the issue of the day of jurisprudence. This problem plays a considerable role and arouses large interest in modern society.

Key words: scientist-legalist; law; positive law; natural law; society.
Ref.: 11 titles.

Введение. В правовой литературе справедливо подчёркивается, что для юридических исследований, ориентированных на современные требования науки и научного познания, методологическая убедительность является фундаментальным условием научной корректности и теоретической обоснованности их результатов [1, с. 13].

Одной из наиболее значимых для методологически обоснованного исследования современных проблем правопонимания является проблематика выбора категориальных средств или понятийно-категориального аппарата юриспруденции, который наиболее полно и достоверно отображал бы сущность такого определяющего юридического явления, как позитивное право, а также позволял бы очертить научные подходы относительно его анализа и изучения. Именно эти положения выражают актуальность поднятой проблематики.

Методология и методы исследования. Целью написания статьи является научное определение ведущими учёными украинской и российской юриспруденции особенностей восприятия позитивного права как образца свободы, равенства, сосредоточения справедливости, а также гаранта права на самореализацию и защиту человека от своеволия государства. Именно поэтому определения и терминология должны быть достаточно понятными и не только восприниматься рядовыми гражданами, но и оправдываться и обосновываться учёными юриспруденции, которые на конкретном этапе формирования и развития государства и права играют роль трибунов истинности и добропорядочности.

Основой проведённого исследования послужили публикации ведущих учёных Украины и Российской Федерации, занимающихся вопросами позитивного права. Автором применялись общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В юридической литературе не без основания подчёркивается, что право как явление социальной действительности связано с закономерностями человеческого бытия в его целостности, где оно имеет определённое место, поскольку является частью целого, от которого не может отличаться в сущности. Являясь социальным феноменом, право несёт в себе универсальные вневременные начала, которые актуализируются в определённых исторических условиях места и времени. Именно на конкретизацию особенностей современного этапа державо- и правотворения направлена вся научно-теоретическая деятельность выдающихся умов юриспруденции, утверждения которых будут освещены и проанализированы ниже.

Весомый вклад в исследование этой категории сделали современные российские учёные, в первую очередь В. Лазарев, который определил позитивное право как совокупность выданных в определённом обществе и обеспеченных официальной защитой норм равенства и справедливости [2, с. 151].

Основатель украинской юридической науки Ю. Шемшученко определяет позитивное право как систему установленных или санкционированных государством общеобязательных норм, соблюдение и выполнение которых обеспечивается как убеждением, так и силой государственного принуждения [3, с. 761]. Учёный отмечает, что право — это «система социальных общеобязательных норм, установленных или санкционированных государством» [3]. При этом исследователь подчёркивает, что это является центральной формулой, в которой отображается квинтэссенция понятия «право»; эту формулу можно дополнять и модифицировать, но без неё не обойтись без вреда для раскрытия содержания, структуры и механизма действия права [4, с. 95].

Классик российской научной мысли С. Алексеев считает право гарантированным носителем свободы человека, способом её переключения в творческую, создающую активность [5, с. 270].

В современной украинской юридической литературе вполне справедливо акцентируется внимание на том, что право как общесоциальный феномен не может быть понятным только на основе научной парадигмы или научного знания с его ориентацией на такие критерии, как объективность, достоверность, возможность практического воссоздания результатов и тому подобное. Это связано, в частности, с тем, что отношение людей к праву, его осмысление и оценка определяются не только и даже не столько научными рассуждениями, сколько ценностными установками и представлениями. Ещё со времён античности известно, что право является не только наукой, но и искусством, т. е. оно основывается не только на знании, но и на определённых культурных, правовых ценностях, — справедливости, свободе, равенстве и т. п. Ценности же — прежде всего сфера мировоззрения, которое является способом не изучения и объяснения феномена бытия, в частности, права, а его духовного освоения, интерпретации. В отличие от научного знания, которое не должно зависеть от идеалов и взглядов субъекта, мировоззренческое мировосприятие является своеобразной морально-духовной, культурной призмой, сквозь которую пропускается и переживается окружающий мир, а потому претендует на достоверность, истинность и тому подобное, т. е. отвечает критериям научности [6, с. 13—14].

Современные российские исследования тех или иных аспектов правопонимания исходят из того, что право — это полифоническое явление, которое пронизывает все важные сферы жизнедеятельности общества, и только одна из его частей (позитивное право) находится под активным контролем государства. Однако именно эта часть является наиболее важной для обеспечения нормального функционирования и развития общества [7, с. 270].

Интересной в исследуемой проблематике является позиция Р. Алекси [8], который находит аргументы в поддержку того, что право способно выдвигать требование правильности, которое является необходимым относительно как поведения людей, так и законодательных актов и судебных решений. Содержание этого требования составляет справедливость, которая является рациональной. Однако эту рациональность учёный обосновывает с помощью теории дискурса, согласно которой нормативное суждение будет правильным только тогда, когда оно является результатом рационального практического дискурса. Он акцентирует внимание на том, что «возникает необходимость дополнения идеального измерения права реальным» [8, с. 265], т. е. позитивным правом, «в котором юридически урегулированные процессы гарантируют достижения решений и предусматривают их практическое осуществление» [8, с. 270]. Эта необходимость основывается на моральных требованиях «избегать расходов анархии

и гражданской войны и достигать преимуществ социальной координации и сотрудничества» [8, с. 274]. Согласование идеального и реального измерений права происходит с помощью сочетания принципов справедливости и принципа юридической определённости. Первый является материальным принципом, а второй — формальным. Как принципы вообще они могут конкурировать друг с другом, однако дуальная природа права требует, чтобы они применялись в правильной пропорции друг с другом. Следовательно, дуальность идеального и реального права является существенной особенностью права, а потому юридический позитивизм, который отрицает эту особенность, является неадекватной теорией естественного права.

Обобщая разные подходы относительно понимания позитивного права, которые существуют в современной юридической науке, следует отметить, что позитивное право, разграничивая частные или специфические интересы, концентрирует в себе общую волю или общий интерес. Сущность позитивного права — это предопределённая материальными и социально-культурными условиями жизнедеятельности людей, характером взаимоотношений классов, социальных групп населения, отдельных индивидов, общая воля как результат согласования, взаимного сочетания частных или специфических интересов, выраженная в законе или иным способом определённая государством и выступающая общим регулятором поведения и деятельности людей [9, с. 51].

Признание сущностью позитивного права общей согласованной воли или общего интереса выделяет его среди других нормативных регуляторов, предоставляет ему качества общего социального регулятора, инструмента достижения согласия и социального мира в обществе, исключает рассмотрение права как орудия насилия, средства притеснения индивидуальной воли, служит методологическим ориентиром для законодателя. Последний должен обязательной основой этого процесса определить справедливость как универсальную мировоззренческую категорию, которая конкретизируется в рамках философии права, выступает катализатором творения новейшего государства и права в Украине. Правовая справедливость — реальная и надлежащая мера общественных отношений, которая реализуется в юридической процессуальной форме. Справедливость является проявлением умности общественной жизни, сквозной социальной добродетелью, важным критерием оценки общества, государства и его институтов.

В связи с этим понимание права не как осуществления идеи справедливости, а исключительно как средства обеспечения правопорядка с помощью формально определённых норм, санкционированных и обеспеченных государством, не отвечает современному этапу развития человечества на основе демократических и либеральных ценностей. Справедливость, свобода, равенство, гуманизм — это категории, которым право должно отвечать, поскольку они являются его сущностными свойствами. Академик Национальной академии наук Украины Ю. С. Шемшученко по этому поводу отмечает, что уровень влияния позитивного права на характер общественного развития зависит от степени олицетворения в праве идей справедливости и свободы человека, её естественных прав, согласованности права с социальным прогрессом [3, с. 761].

Стоит также заметить, что для надлежащего исследования сущности позитивного права недостаточно знать и учитывать содержание законодательства разных государств, а также основные, определяющие теоретико-правовые принципы его формирования, о которых шла речь выше. Сущность позитивного права постигается также в его тесной взаимосвязи с местом человека среди других людей и их объединений, с особенностями всего комплекса общественных отношений. Это связано с тем, что позитивное право существует лишь в социально неоднородном обществе с антагонистичными групповыми и частными интересами его членов, которые нужно упорядочить и определённым образом согласовать. Такой порядок может быть создан и обеспечен лишь с помощью нормативной правовой регуляции общественных отношений, он учреждается не только на осознании членами определённого общества фундаментальных правовых ценностей, которые его формируют, но также на государственном принуждении, с помощью которого защищаются нарушенные права и свободы личности. В связи с этим нормы позитивного права сосредоточивают в себе глубокое социальное содержание, выражающееся, в первую очередь, в определении правовой структуры общества, в регуляции и охране разнообразных общественных отношений.

В современной юридической литературе отмечается, что нормы позитивного права имеют волевой характер. Это связано с тем, что позитивное право адресовано воле участников общественных

отношений; оно имеет определённый смысл лишь тогда, когда у адресата нормы есть выбор вариантов поведения. Следовательно, правовые предписания адресованы не только интеллекту, но также и воле, поскольку для реализации права недостаточно лишь знать, как нужно поступать в той или иной юридической ситуации. В качестве выражения надлежащего позитивное право призвано влиять на волевое поведение участников общественных отношений с помощью соответствующих стимулов и ограничений. Именно поэтому право должно быть выражено не как описание настоящего, а как предписание, обращение в будущее [10, с. 25—26].

Кроме этого, необходимо учитывать, что нормы позитивного права выражают государственную волю, которая воплощается в соответствующих источниках (формах) права и, в первую очередь, в законах. Это значит, что государственная воля таким образом приобретает общеобязательный характер, который охраняет и гарантирует соблюдение законодательства с помощью разных средств, в том числе путём применения принуждения. Из этого, в свою очередь, стоит сделать вывод о регулятивной сущности позитивного права, поскольку государственная воля выступает, воплощается и выражается в праве как результат регулятивного целеустремлённого процесса. С целью регуляции в соответствующем направлении общественных отношений и установления определённого поведения их субъектов государственная воля закрепляется в законодательстве, которое регулирует эти отношения [11, с. 83].

Заключение. Рассмотренные подходы к пониманию позитивного права и права в целом не исчерпывают всё многообразие концепций, но демонстрируют разные измерения и составные части проблемы соотношения позитивного права со свободой, справедливостью, равенством и гуманизмом как определяющими телеологическими принципами его формирования. Они имеют цель — привлечь внимание действующей власти к процессу осознания того, что только справедливый и гуманный закон является благом для общества и только он приносит желаемый результат законодателю.

Под позитивным правом, с нашей точки зрения, следует понимать искусственное право, вытекающее из юрисдикции государства, продиктованное требованиями и проблемными составляющими, которые накопились в обществе. Именно они, найдя реальное выражение в законодательно закреплённых правовых нормах, становятся основой позитивного права; по форме своего закрепления их можно разделить на целый ряд разновидностей нормативных правовых актов, в частности, на законы, подзаконные нормативные правовые акты, судебные прецеденты и акты исполнительной власти.

Список цитируемых источников

1. Тарасов, Н. Н. Методологические проблемы юридической науки : науч. изд. / Н. Н. Тарасов. — Екатеринбург : Изд-во гуманитар. ун-та Урал. гос. юрид. акад., 2001. — 264 с.
2. Лазарев, В. В. Теория государства и права / В. В. Лазарев, С. В. Липень. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Спарк, 2004. — 527 с.
3. Шемшученко, Ю. С. Право / Ю. С. Шемшученко // Великий энциклопедичний юридичний словник / за ред. акад. НАН України Ю. С. Шемшученка. — Київ : Юрид. думка, 2007. — 992 с.
4. Шемшученко, Ю. С. Що є право? / Ю. С. Шемшученко // На перехресті століть. Вибр. пр. — Київ : Юрид. думка, 2010. — С. 82—95.
5. Алексеев, С. С. Линия права / С. С. Алексеев. — М. : Статут, 2006. — 461 с.
6. Козюбра, М. Праворозуміння: поняття, типи та рівні / М. Козюбра // Право України. — 2010. — № 4. — С. 10—21.
7. Поляков, А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : Курс лекций / А. В. Поляков. — СПб. : Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. — 864 с.
8. Alexy, R. The Dual Nature of Law / R. Alexy // IVR 24th World Congress “Global Harmony and Rule of Law” (September 15—20, 2009, Beijing, China). Papers. Plenary Session. — Beijing, 2009. — P. 257—274.
9. Оніщенко, Н. М. Сприйняття права в умовах демократичного розвитку: проблеми, реалії, перспективи : монографія / Н. М. Оніщенко ; відп. ред. Ю. С. Шемшученко. — Київ : Юрид. думка, 2008. — 320 с.
10. Лейст, О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст ; под ред. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2008. — 452 с.
11. Ойгензихт, В. А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философия и психологии права) / В. А. Ойгензихт. — Душанбе : Дониш, 1983. — 256 с.

Поступила в редакцию 28.03.2016.

УДК 343.326

А. А. ПуховБелорусский государственный университет, Министерство образования Республики Беларусь,
ул. Ленинградская, 8, 220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (17) 209 55 60, skyle@tut.by**БИОТЕРРОРИЗМ И БИОДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2010 г., 2/1742), утверждённой Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 09.11.2010 (далее — Концепция), национальная безопасность определена как состояние защищённости национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз. В силу того, что текстуально невозможно учесть все составляющие национальной безопасности, в Концепции раскрывается содержание лишь наиболее важных из них (военная, экономическая, экологическая безопасность и т. п.). По отношению к национальным интересам в этих сферах определены внутренние и внешние источники угроз национальной безопасности. Вместе с тем возрастающий интерес различного рода противозаконных формирований к использованию в своих целях новейших достижений науки актуализирует необходимость защиты национальных интересов от угроз биологического происхождения.

Ключевые слова: национальная безопасность; биотерроризм; биодиверсия; биологическая безопасность; патогенные биологические агенты; инвазионные виды животных и растений.

Библиогр.: 15 назв.

A. A. PuchovBelarusian State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 8, Leningradskaya str., 220030 Minsk,
the Republic of Belarus, +375 (17) 209 55 60, skyle@tut.by**BIOTERRORISM AND BIODIVERSIONARY ACTIVITY AS THREATS TO NATIONAL
SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS AT PRESENT TIME**

In the Concept of national security of the Republic of Belarus, approved by the Decree of the President of the Republic of Belarus from 09.11.2010 № 575 (hereinafter — the Concept), the national security is defined as protection of national interests of the Republic of Belarus from internal and external threats. By virtue of the fact it is impossible to consider all components of national security; the essence of the most important of them is revealed in the Concept (military, economic, ecological security, etc.). Internal and external sources of threats to national security are defined in relation to national interests in these spheres. At the same time, the increasing interest of different illegal formations to the use of the latest scientific achievements actualizes the necessity of protection of national interests against threats of a biological origin.

Key words: national security; bioterrorism; biodiversion; biological security; pathogenic biological agents; invasive animal species and plants.

Ref.: 15 titles.

Введение. Мировая история знает немало примеров, когда существенный вред национальной безопасности различных государств причинялся не в результате открытого вооружённого конфликта, а путём опосредованного воздействия на определённые её составляющие (экономическую, информационную безопасность и т. п.). Например, во время Второй мировой войны была практически претворена в жизнь операция «Бернхард». Целью её проведения был выпуск в обращение фальшивых долларов США и фунтов стерлингов для дестабилизации американской и британской экономик. Кроме того, поддельные деньги предполагалось использовать для оплаты внешнеэкономических договоров на поставку сырья для милитаризованной немецкой экономики.

Различные попытки дестабилизации общественного спокойствия в информационной сфере зачастую связаны с возникновением очагов инфекционных заболеваний. Так, в 2009 году массовую истерию у населения вызвало распространение H1N1 — подтипа вируса гриппа А («свиного гриппа»). Из-за нехватки достоверной информации граждане стали бесконтрольно приобретать противовирусные препараты, оксолиновую мазь и марлевые повязки. Циркуляцию в общественном сознании различного рода слухов о высокой летальности «свиного гриппа» активно поддерживали недобросовестные представители фармацевтических компаний, которым было выгодно наличие повышенного спроса на лекарственные средства.

Материал и методы исследования. Основой проведённого исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных, занимающихся изучением актуальных проблем биологической безопасности в современных условиях. Автор статьи при её написании использовал общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. К концу XX — началу XXI века человечество смогло достичь беспрецедентного уровня развития технологий в различных отраслях науки и техники. Благодаря этому, с одной стороны, было минимизировано множество угроз биологического происхождения (ликвидированы натуральная оспа, полиомиелит, ряд заразных болезней животных), с другой — был открыт «ящик Пандоры»: совокупный объём знаний человечества об известных науке патогенных биологических агентах ещё недостаточен для того, чтобы установить тотальный контроль за их оборотом и использованием. Ситуация усугубляется и появлением новых, ранее неизвестных науке, агентов. Например, в начале 2010-х годов стали регистрироваться спорадические очаги коронавируса ближневосточного респираторного синдрома (MERS).

Применение патогенных биологических агентов даже на территории одного государства способно повлечь их быстрое распространение не только в конкретном регионе, но и по всему Земному шару. Это обуславливается высокой интенсивностью трансконтинентальной и трансграничной миграции населения планеты. Например, инфицированный в Таиланде малярией человек уже через 13 часов может прибыть в аэропорт Минска. Поэтому на сегодня повысилась вероятность заноса на территорию республики экзотических особо опасных болезней (лихорадок Ласса, Марбург, Эбола), различных паразитарных болезней (африканский трипаносомоз, японский шистосомоз и др.). Указанные обстоятельства актуализируют вопросы обеспечения национальной безопасности белорусского государства на современном этапе от угроз биологического происхождения, особенно в свете высокого уровня террористической угрозы в мире. Наиболее значимыми угрозами по масштабам и характеру негативных последствий, на наш взгляд, выступают биотерроризм и биодиверсионная деятельность.

Анализ норм Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 24.04.2016, 2/2356) (статьи 126, 289, 290 и других преступлений террористической направленности), Закона Республики Беларусь от 03.01.2002 № 77-З «О борьбе с терроризмом» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., 2/825) позволяет прийти к выводу, что биотерроризм — это разновидность терроризма, заключающегося в применении или угрозе применения патогенных биологических агентов и инвазионных видов животных и растений. Причём использование указанных предметов может иметь своей целью оказание воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствование политической или иной общественной деятельности, провокацию международных осложнений или войны, устрашение населения, дестабилизацию общественного порядка.

В уголовном законе диверсия определяется как совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, разрушения или повреждения зданий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи или другого имущества в целях нанесения ущерба экономической безопасности и обороноспособности Республики Беларусь (статья 360).

Стоит отметить, что в диспозиции уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за диверсию по УК 1999 года, в отличие от статьи 65 УК БССР 1960 года, отсутствует прямое указание на такой способ её осуществления, как «совершение массовых отравлений или распространение

эпидемий и эпизоотий». При разработке проекта УК 1999 года этот способ совершения преступления был поглощён формулировкой «совершение иных действий, создающих опасность гибели людей...», что, на наш взгляд, является ярким примером необоснованной экономии нормативного материала. Советский законодатель ещё в 50-х годах XX века (при качественно более низком уровне развития биологии, ветеринарной медицины и эпидемиологии) при разработке проекта УК БССР 1960 года весьма предусмотрительно и дальновидно закрепил соответствующую формулировку.

Хотелось бы подчеркнуть, что мы не ставим своей целью обосновать необходимость внесения в норму УК соответствующих изменений и дополнений. Однако такой способ совершения диверсии практическими работниками должен рассматриваться как реально возможный.

Таким образом, биодиверсия представляет собой разновидность диверсии, заключающейся в совершении деяний с использованием патогенных биологических агентов и инвазивных видов животных и растений, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, разрушения или повреждения зданий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи или другого имущества в целях нанесения ущерба экономической безопасности и обороноспособности Республики Беларусь. В частности, биодиверсионная деятельность может выражаться в использовании заражённых животных для причинения вреда агропромышленному комплексу, охотничьему хозяйству, продовольственной безопасности и т. п. К примеру, выращенные в условиях аквакультуры мальки, заражённые сапролегниозом (дерматомикозом), выпущенные в естественную среду обитания, способны спровоцировать массовое заболевание «диких» видов рыб. Причём миграция заражённой рыбы позволит ей беспрепятственно проникнуть и в водоёмы государств-соседей. В свою очередь заражённый африканской чумой дикий кабан способен преодолевать значительные расстояния, которые также не ограничиваются территорией одного государства. С учётом этих обстоятельств возбудители заразных болезней животных переносятся на территорию благополучных по какой-либо болезни пунктов, попутно загрязняя компоненты природной среды.

Основу понятий биотерроризма и биодиверсионной деятельности составляет использование «биологического фактора» в террористических или диверсионных целях. В литературе к опасным биологическим факторам, как правило, относят болезнетворные организмы любого вида, расы, биологического типа и токсические субстанции (в том числе микроорганизмы, представители флоры, фауны, контаминированные объекты живой и неживой природы, экопатогены, эпизоотии, эпидемии, эпифитотии), которые способны причинить вред или ущерб здоровью человека, животным, растениям, продукции животного происхождения или растениеводства [1, с. 5]. На наш взгляд, наиболее приспособленными для использования в террористических или диверсионных целях являются патогенные биологические агенты и инвазивные виды животных и растений. Это объясняется относительной доступностью получения такого рода предметов. Вместе с тем это не исключает использование при совершении актов биотерроризма или биодиверсий генно-инженерных организмов, радиоактивных, химических веществ или отходов. Однако трудности в получении, обусловленные строгим контролем и учётом перечисленных предметов, позволяют их рассматривать только в качестве носителей потенциальных угроз.

Под патогенными биологическими агентами следует понимать микроорганизмы (бактерии, вирусы, хламидии, риккетсии, простейшие, гельминты, грибы, микоплазмы), прионы, генно-инженерно-модифицированные организмы, яды биологического происхождения (токсины), способные при попадании в организм человека, животного или растения вызвать клинически выраженное заболевание или носительство, а также любые объекты и материалы, подозрительные на содержание перечисленных агентов; инвазивным видом — адвентивные виды растений и (или) животных, интродукция и (или) распространение которых угрожает биологическому разнообразию [2, с. 275]. Общественная опасность указанных предметов может быть проиллюстрирована на конкретных примерах.

Патогенные биологические агенты. Приходится констатировать отсутствие понимания среди большинства учёных и практических работников масштабов негативных последствий от распространения патогенных биологических агентов. Объясняется это отчасти тем, что, к примеру, действия, связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (статья 295 УК), встречаются в практической деятельности гораздо чаще, чем использование патогенных биологических агентов. Однако едва ли размер вреда или ущерба от применения огнестрельного оружия

может быть сопоставим с негативными изменениями в окружающей действительности из-за умышленного внедрения в систему непрерывного водоснабжения потребителей предметов, контаминированных возбудителями опасных инфекционных болезней (холеры, сибирской язвы и др.), или привнесение в городскую фауну заражённых чумой, бешенством синантропных животных.

Западными исследователями после 2001 года, когда в почтовых конвертах в США рассылались споры сибирской язвы, отмечен возрастающий интерес террористических групп к использованию патогенных биологических агентов [3, с. 40]. Причём 80% потенциальных агентов биологического террора — возбудители зоонозов. По данным Всемирной организации здравоохранения животных (МЭБ), около 60% инфекционных заболеваний человека и 75% эмерджентных (новых, ранее не известных науке) инфекций имеют зоонозное (животное) происхождение [4, с. 3]. Это объясняется характером вреда от заразных болезней животных: бруцеллёз характеризуется высокой степенью инвалидизации переболевших [5, с. 8], а перенесённый токсоплазмоз может стать одной из причин бесплодия [6, с. 230].

Инвазионные виды животных и растений. Интродукция в Австралию в середине XIX века кроликов из Европы благодаря мягкому климату привела к их стремительному расселению по всей территории страны. Резкое увеличение количества адвентивных животных привело к такому же быстрому уменьшению кормовой базы, что, в свою очередь, вынудило кроликов искать пищу среди сельскохозяйственных угодий. В результате необдуманного вмешательства человеческого фактора в экосистему природному и агропромышленному комплексам был нанесён колоссальный ущерб. Более того, ни технические (строительство «австралийского забора для защиты от кроликов»), ни организационные (патрулирование забора), ни биологические меры (распространение возбудителей миксоматоза) не смогли окончательно решить проблему контроля и регулирования численности популяции кроликов. Следовательно, умышленное внедрение в существующую экосистему Беларуси инвазионных видов животных, к которым (по состоянию на 2016 год) относят 7 видов водных беспозвоночных, 25 видов наземных беспозвоночных, в основном насекомых, 3 вида рыб, 1 вид рептилий и 2 вида млекопитающих [7, с. 14—100], может повлечь необратимые последствия для национальной экономики и экологии.

Существенную опасность представляет распространение инвазионных растений. Например, для Беларуси остро стоит проблема борьбы с такими растениями, как амброзия полыннолистная (испаряет большое количество влаги из почвы [8, с. 129]), борщевик Сосновского (причиняет ожоги, обедняет видовой состав окружающей растительности [8, с. 110]), золотарник канадский (изменяет структуру животного и растительного миров [8, с. 205]), клён ясенелистный (останавливает возобновление ив, тополей, дубов [8, с. 91]), робиния псевдоакация и эхиноцистис лопастный. Кроме того, в постановлении Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 22.08.2006 № 48 «Об установлении перечня особо опасных вредителей, болезней растений и сорняков» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006 г., 8/14964) нормативно закреплены исчерпывающие перечни особо опасных вредителей растений (73 наименования), особо опасных болезней растений (72 наименования) и особо опасных сорняков (73 наименования).

Кроме того, следует чётко определить, какой составляющей национальной безопасности причиняется вред в результате биотерроризма и биодиверсии. Понятно, безопасность — достаточно универсальный и многоуровневый термин, который трактуется безотносительно к отраслям научного знания. В целом, безопасность можно идентифицировать как сложное, многогранное социальное явление, которое имеет конкретно-исторический характер и тесно связано со всеми формами и направлениями взаимодействия в системе «природа—человек—общество» [9, с. 5]. Полагаем, что при защите этого триединого элемента от угроз биологического происхождения речь необходимо вести, соответственно, о биологической безопасности.

Существующие подходы к правовой фиксации явления «биологическая безопасность» (далее — биобезопасность) не отличаются единообразием.

Например, Т. И. Макарова детерминирует безопасность как состояние защищённости окружающей среды, жизни и здоровья человека от возможного вредного воздействия биологических агентов, в том числе живых изменённых организмов при осуществлении генно-инженерной деятельности [10, с. 124]. Теоретическим базисом для такой трактовки являются Конвенция Организации Объединённых Наций от 05.06.1992 «О биологическом разнообразии» и Картахенский протокол ООН по биобезопасности

к Конвенции «О биологическом разнообразии» от 29.01.2000. Цель этих международных актов состоит в формировании правовых основ охраны биологического разнообразия от потенциальных угроз, представляемых живыми модифицированными организмами, произведёнными с помощью современных биотехнологий. Вместе с тем генная инженерия — это всего лишь частный случай применения биотехнологий. Из этого можно заключить, что термин «биобезопасность» значительно шире дефиниции «безопасность генно-инженерной деятельности» (пункт 1 части первой статьи 1 Закона Республики Беларусь от 09.01.2006 № 96-З «О безопасности генно-инженерной деятельности» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006 г., 8/1193)).

Заимствование термина «биобезопасность» произошло из англоязычной литературы. Поэтому терминологически в рамках русскоязычной интерпретации биобезопасности существуют 2 направления: “biosafety” и “biosecurity”. Термин “biosafety” используется, когда речь идёт о безопасности биотехнологий (в том числе в генной инженерии) для здоровья человека, персонала, защите от патогенов и других вредных воздействий «биологического фактора» [11, с. 8]. В свою очередь “biosecurity” употребляется в контексте противодействия распространению возбудителей опасных инфекционных болезней (в том числе животных) и различного рода вредителей растений и животных, а также биотерроризму [12, с. 44]. Иногда этот термин встречается в иностранной литературе при описании явления агротерроризма.

В этой связи С. К. Завриев и А. В. Колесников дифференцируют понятия «биобезопасность» и «биозащищённость». По их мнению, биобезопасность — это состояние защищённости людей, домашних и сельскохозяйственных животных, растений, окружающей природной среды от потенциальных опасностей, вызываемых источниками биологического характера. Термин «биозащищённость» обозначает «исключение преднамеренного или непреднамеренного опасного воздействия на людей, животных и растения со стороны научно-исследовательских работ и особо опасных патогенов, а также предотвращение использования во зло достижений современных биотехнологий» [13, с. 17—18].

О существовании узкой и широкой трактовок биобезопасности утверждает Г. Г. Онищенко. Смысл узкого понимания определяется наличием международных требований при работе с патогенными биологическими агентами в соответствии с регламентированными уровнями биологической опасности и безопасности, а широкая трактовка биобезопасности ещё не определена, но концептуально охватывает сферу санитарно-эпидемиологического благополучия, а также смежные с ней области ветеринарно-санитарного, фитосанитарного обеспечения, экологической безопасности, среду обитания и осуществляется в целях предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций биологического характера [14, с. 4]. По сути, это «состояние защищённости населения (личности, общества, государства) от прямого и (или) опосредованного через среду обитания воздействия опасных биологических факторов» [1, с. 5].

На законодательном уровне термин «биобезопасность» в настоящее время нормативно не закреплён. Вместе с тем в постановлении Главного государственного санитарного врача Республики Беларусь от 27.07.2000 № 40 «О введении в действие санитарных правил» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2001 г., 8/5776) биобезопасность определяется как система медико-биологических, организационных и инженерно-технических мероприятий и средств, направленных на защиту работающего персонала, населения и окружающей среды от воздействия патогенных биологических агентов.

На региональном уровне этот термин раскрыт в постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 28.10.2010 № 35-11 «О Рекомендациях по гармонизации и унификации законодательства государств-участников СНГ в сфере обеспечения химической и биологической безопасности». Согласно подпункту 5 части второй пункта 3.1 данного документа, биобезопасность — это состояние защищённости человека и окружающей среды от воздействия патогенных биологических агентов, обеспечиваемое путём осуществления системы политических, правовых, экономических, технологических, организационных и иных мер.

Заключение. Разночтения относительно контекста термина «биобезопасность» обусловлены издержками текстуального перевода, новизной, нестабильностью дефинитивного и нормативного статуса. Полагаем, что необходимо на законодательном уровне закрепить понятие «биологическая безопасность».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) биотерроризм — это разновидность терроризма, заключающегося в применении или угрозе применения патогенных биологических агентов и инвазионных видов животных и растений в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, провокации международных осложнений или войны, устрашение населения, дестабилизации общественного порядка;

2) биодиверсия представляет собой разновидность диверсии, заключающейся в совершении деяний с использованием патогенных биологических агентов и инвазионных видов животных и растений, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, разрушения или повреждения зданий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи или другого имущества в целях нанесения ущерба экономической безопасности и обороноспособности Республики Беларусь;

3) биотерроризм и биодиверсионную деятельность следует рассматривать не только как потенциальные, но и как реально существующие угрозы национальной безопасности на современном этапе;

4) существуют предпосылки нормативного закрепления понятия «биологическая безопасность» в целях определения её дефинитивного статуса.

Список цитируемых источников

1. Актуальные проблемы биологической безопасности в современных условиях. Часть 2. Понятийная, терминологическая и определительная база биологической безопасности / Г. Г. Онищенко [и др.] // Вестн. РАМН. — 2013. — № 11. — С. 4—11.
2. Энциклопедия лесного хозяйства : в 2 т. — М. : ВНИИЛМ, 2006. — Т. 1. — 424 с.
3. Noah, D. Biological terrorism against animals and humans: a brief review and primer for action / Donald Noah, Don Noah, Harvey Crowder // J. of the Amer. Veterinary Medical Association. — 2002. — № 1. — P. 40—43.
4. Список МЭБ и трансграничные инфекции животных / В. В. Макаров [и др.]. — Владимир : ВНИИЗЖ, 2012. — 162 с.
5. Черкасский, Б. Л. Справочник по особо опасным инфекциям / Б. Л. Черкасский. — М. : Медицина, 1996. — 160 с.
6. Заразные болезни, общие для животных и человека : справ. пособие / А. И. Ятусевич [и др.]. — Витебск : ВГАВМ, 2011. — 480 с.
7. Чёрная книга инвазивных видов животных Беларуси / А. В. Алехнович [и др.] ; под общ. ред. В. П. Семенченко. — Минск : Беларусь, 2016. — 105 с.
8. Виноградова, Ю. К. Чёрная книга флоры Средней России : Чужеродные виды растений в экосистемах Средней России / Ю. К. Виноградова, С. Р. Майоров, Л. В. Хорун. — М. : ГЕОС, 2009. — 494 с.
9. Общая теория национальной безопасности / А. В. Возжеников [и др.] ; под общ. ред. А. А. Прохожева. — М. : РАГС, 2005. — 338 с.
10. Макарова, Т. И. Биологическая безопасность / Т. И. Макарова // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак. ; редкол.: С. А. Балашенко [и др.]. — Минск : ГИУСТ, 2007. — Т. 1 : А—К. — С. 124—125.
11. Градова, Н. Б. Биологическая безопасность биотехнологических производств / Н. Б. Градова, Е. С. Бабусенко, В. И. Панфилов. — М. : ДеЛи принт, 2010. — 135 с.
12. Meyerson, L. A unified definition of biosecurity / L. Meyerson, J. Reaser // Science. — January, 2002. — Vol. 295. — P. 44.
13. Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / под ред. А. Г. Арбатова — М. : РОССПЭН, 2008. — 108 с.
14. Концептуальные основы биологической безопасности. Часть I / Г. Г. Онищенко [и др.] // Вестн. РАМН. — 2013. — № 10. — С. 4—13.

Поступила в редакцию 02.06.2016.

УДК 343.851

Н. М. Русакевич

Учреждение образования "Барановичский государственный университет", Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (163) 45 26 59, chechet_09@mail.ru

ИНФОРМИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

На основе анализа судебной практики Суда Барановичского района и г. Барановичи и проведённого анкетирования автор приходит к выводу о необходимости проведения информирования среди должностных лиц органов государственной власти и управления, учреждений здравоохранения, учреждений образования, правоохранительных органов, а также государственных предприятий и заводов о формах и методах борьбы с коррупцией. В исследовании предложена форма распространения информации по данному вопросу — компакт-диск с мультимедийной презентацией и подборкой нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупционной преступности. Автор также предлагает возложить работу по информированию на заместителей начальников по идеологической работе.

Ключевые слова: коррупция; преступность; предупреждение; общественная опасность; правовой нигилизм; информирование. Табл. 2. Библиогр.: 15 назв.

N. M. Rusakevich

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21, Voykova str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (163) 45 26 59, chechet_09@mail.ru

INFORMING AS A WAY OF OVERCOMING THE LEGAL NIHILISM IN THE SPHERE OF ANTI-CORRUPTION ACTIVITY

On the basis of analysis of jurisprudence of Baranovichi town and district Court the author comes to the conclusion that it is necessary to optimize the operating system of precaution and prevention of corruption crime. It is offered to inform the officials of public authorities, administration and health care institutions about forms and methods of fight against corruption.

CD with multimedia presentations and a set of regulatory legal acts in the sphere of counteraction of corruption crime are suggested as a form of information distribution. The chosen form of information distribution with use of computer programs is considered to answer the demands of time. The author also offers to assign the duty to inform officials of public authorities, administration, and health care institutions about forms and methods of fight against corruption on deputy chiefs on ideological work.

Key words: corruption; crime; prevention; social danger; legal nihilism; informing.

Table 2. Ref.: 15 titles.

Введение. В мировом рейтинге коррупционных рисков, опубликованном в 2014 году, Беларусь заняла 74 место среди 197 стран [1]. В период с 2011 по 2015 год за получение взятки в Республике Беларусь были привлечены к уголовной ответственности 3 373 человека (таблица 1).

В структуре зарегистрированных преступных деяний коррупционные преступления занимают не более 1%, однако, как следует из официальных данных (см. таблицу 1), отмечается их количественный прирост.

Необходимость оптимизации действующей системы профилактики и предупреждения коррупционной преступности обуславливает актуальность проведённого исследования.

Материал и методы исследования. Методологическую основу работы составили логический и системно-структурный методы научного познания, применение которых позволило выявить основные проблемы реализации механизма предупреждения коррупции в Республике Беларусь, а также разработать предложения, направленные на совершенствование антикоррупционного законодательства.

Исследованием коррупции с различных сторон с выявлением её особенностей и общественной опасности занимались Г. А. Василевич [4], И. Л. Бачило [5], А. М. Цирин [6], В. И. Ковдерко [7], В. А. Саркисова [8], П. П. Миклашевич [9], А. Г. Хабибулин [10] и др.

Т а б л и ц а 1. — Динамика коррупционных преступлений в Республике Беларусь с 2011 по 2015 годы [2; 3]

Показатель	Год				
	2011	2012	2013	2014	2015
Количество зарегистрированных коррупционных преступлений	779	568	706	208	1 112

Результаты исследования и их обсуждение. Понимая важность борьбы с коррупцией, в своих публичных выступлениях Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко указывал: «Гидру эту (коррупцию) побороть очень сложно, но держать её на минимальном уровне мы всегда сможем» [11]. Именно по его требованию в 2015 году была подготовлена и принята новая редакция Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь, 23.07.2015, 2/2303) (далее — Закон № 305-3). Данный документ был разработан Генеральной прокуратурой Республики Беларусь и вступил в силу в январе 2016 года. В Законе № 305-3 сохранены «работающие» антикоррупционные нормы, а его основные новеллы направлены на внедрение механизмов профилактики коррупции, ориентированных в первую очередь на минимизацию мотивации совершения коррупционных деяний и исключаящих предпосылки для коррупционного поведения [12].

Среди основных мер противодействия коррупции в Законе названо проведение криминологических исследований коррупционной преступности в целях её оценки и прогноза для выявления предпосылок и причин коррупции и своевременного принятия эффективных мер по её предупреждению и профилактике (пункт 13 части первой статьи 5 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией»). Во исполнение данной меры было проведено криминологическое исследование судебной практики Суда Барановичского района и города Барановичи по делам о получении взятки (статья 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь)) [13].

Так, с 2005-го по 2015 год в Барановичах были привлечены к уголовной ответственности за получение взятки 17 человек (таблица 2).

Исследование содержащегося в уголовных делах характеризующего материала на субъектов деяний, предусмотренных статьёй 430 УК Республики Беларусь (получение взятки), позволило выделить среди них следующие группы лиц: 1) должностные лица органов государственной власти и управления (5 человек); 2) должностные лица учреждений здравоохранения (5 человек); 3) должностные лица учреждений образования (3 человека); 4) должностные лица правоохранительных органов (2 человека); 5) должностные лица государственных предприятий и заводов (2 человека).

Отсюда следует, что в абсолютном большинстве среди взяткополучателей находятся должностные лица органов государственного управления и учреждений здравоохранения. Среди указанных лиц нами было проведено анкетирование, направленное на выявление уровня их осведомлённости о формах и методах борьбы с коррупционной преступностью, а также уровня их правового нигилизма. Так, на вопрос «Какие нормативные правовые акты, составляющие антикоррупционное законодательство, Вы знаете?» основная масса опрошенных респондентов (70%) назвала только Уголовный кодекс Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» как акты, регулирующие борьбу с коррупцией в нашей стране. Следует отметить, что антикоррупционная нормативная база Республики Беларусь

Т а б л и ц а 2. — Количество граждан, привлечённых к уголовной ответственности за получение взятки в Барановичском районе и г. Барановичи

Показатель	Год										
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Количество уголовных дел	5	3	1	4	—	2	—	—	1	1	—

Примечание. Источник: материалы судебной практики Суда Барановичского района и г. Барановичи

весьма обширна, и в неё входят не только законодательные и подзаконные акты нашего государства, но и международные нормативные правовые акты.

Среди коррупционных деяний 74% респондентов выделили только дачу и получение взятки, в то время как постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Оперативно-аналитического Центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 31 января 2011 года № 5/8/1/34/6 «Об утверждении Перечня коррупционных преступлений» к таковым отнесены следующие преступления: 1) хищение путём злоупотребления служебными полномочиями (статья 210 УК Республики Беларусь); 2) легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретённых преступным путём, совершённая должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (части вторая и третья статьи 235 УК Республики Беларусь); 3) злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (часть вторая и часть третья статьи 424 УК Республики Беларусь); 4) бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (часть вторая и часть третья статьи 425 УК Республики Беларусь); 5) превышение власти или служебных полномочий, совершённое из корыстной или иной личной заинтересованности (части вторая и третья статьи 426 УК Республики Беларусь); 6) незаконное участие в предпринимательской деятельности (статья 429 УК Республики Беларусь); 7) получение взятки (статья 430 УК Республики Беларусь); 8) дача взятки (статья 431 УК Республики Беларусь); 9) посредничество во взяточничестве (статья 432 УК Республики Беларусь); 10) злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершённые из корыстной или иной личной заинтересованности (статья 455 УК Республики Беларусь) [13; 14].

На вопрос анкеты «Что, по Вашему мнению, не является взяткой?» респонденты ответили: цветы (42%), коробка конфет (25%), алкоголь и продукты питания (11%), деньги и иные материальные ценности (2%), услуги и работы (18%).

В постановлении пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 года № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2003 г., № 112, 6/375) определено, что «предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т. п.) либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости (различного вида услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных работ и т. п.)». Особенностью здесь выступает то, что данные предметы должны предоставляться должностному лицу исключительно в связи с занимаемым им должностным положением и до того, как оно совершило значимые для взяткодателя действия. Опрашиваемые же в пояснениях к своим ответам на вопрос о предмете взятки отметили, что перечисленное является в их понимании подарком, жестом доброй воли.

На вопрос «Что Вы знаете об ответственности за коррупционные преступления?» 68% респондентов ответили, что таковой является лишение свободы как вид наказания за коррупционную деятельность.

Как видим, у опрошенных наблюдается низкий уровень осведомлённости о коррупционной преступности, а также о формах и методах борьбы государства с ней.

Полученные данные обуславливают, как нам представляется, необходимость проведения среди должностных лиц органов государственной власти и управления, учреждений здравоохранения, учреждений образования, правоохранительных органов, а также государственных предприятий и организаций работы по их информированию: 1) о нормативных правовых актах, относящихся к антикоррупционному законодательству; 2) деяниях, которые законодатель Республики Беларусь относит к коррупционным; 3) мерах наказания за совершение коррупционных преступлений; 4) недопущении коррупционной деятельности; 5) недопущении развития детерминации (причин и условий) коррупционной преступности в своей деятельности.

Полагаем, что наиболее эффективной формой предложенного нами информирования является распространение дисков с мультимедийной презентацией о формах и методах борьбы с коррупцией и подборкой всех нормативных правовых актов, относящихся к антикоррупционному законодательству, как удобный и доступный способ представления информации с помощью компьютерных программ. В презентации логически и последовательно надлежит изложить приведённые нами ранее пункты, по которым необходимо проинформировать должностных лиц.

Представляется возможным проведение данной работы на местах возложить на заместителей руководителей организаций по идеологической работе ввиду специфики их деятельности. Так, к основным, закреплённым в Едином квалификационном справочнике должностей служащих (ЕКСД), должностным обязанностям данных лиц относят обеспечение организации проведения единых дней информирования, собраний, встреч, выступлений и отчётов руководителей различного уровня перед коллективом и др. [15].

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, мы предлагаем следующие меры:

1) в целях предупреждения и профилактики коррупционной преступности необходимо провести работу по информированию должностных лиц органов государственной власти и управления, учреждений здравоохранения, учреждений образования, правоохранительных органов, а также государственных предприятий и заводов о нормативных правовых актах, составляющих антикоррупционное законодательство; деяниях, относящихся законодателем Республики Беларусь к коррупционным; мерах наказания за совершение коррупционных преступлений; о недопущении коррупционной деятельности и недопущении развития детерминации коррупционной преступности в своей деятельности.

Проведённое информирование позволит снизить уровень правового нигилизма в области противодействия коррупции у рассматриваемых групп лиц;

2) возложить проведение работы по информированию о формах и методах борьбы с коррупцией на заместителей начальников по идеологической работе путём изложения в Выпуске 1 ЕКСД «Должности служащих для всех видов деятельности» их должностных обязанностей в следующей редакции: «Должностные обязанности. <...> Осуществляет информирование о формах и методах борьбы государства с коррупционной преступностью <...>».

Список цитируемых источников

1. Мировой рейтинг: ситуация с коррупцией в Беларуси лучше, чем в Украине и России, но хуже, чем в Прибалтике и Польше [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <http://news.tut.by/society/423603.html>. — Дата доступа: 12.02.2016.
2. Правонарушения в Республике Беларусь : стат. сб. / отв. за вып. И. Г. Чигирёва. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. — 175 с.
3. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : офиц. сайт. — 2016. — Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=256493>. — Дата доступа: 12.02.2016.
4. Василевич, Г. А. Борьба с коррупцией в Республике Беларусь — важнейшая государственная задача / Г. А. Василевич // *Материалы Междунар. науч.-практ. конф.*, 6 февр. 2009 г. — Калининград, 2009. — С. 17—32.
5. Бачило, И. Л. Информационная база противодействия человека и общества коррупции / И. Л. Бачило // *Государство и право*. — 2009. — № 9. — С. 65—72.
6. Цирин, А. М. Формирование институциональной основы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти / А. М. Цирин // *Журн. рос. права*. — 2009. — № 3. — С. 28—34.
7. Ковдерко, В. И. Развитие теоретических взглядов на проблему борьбы с коррупционными преступлениями / В. И. Ковдерко // *Право. бу.* — 2010. — № 2. — С. 61—67.
8. Саркисова, Э. А. Труд без коррупции (об ответственности за коррупционные преступления) / Э. А. Саркисова, А. И. Дубовик // *Охрана труда и социал. защита*. — 2010. — № 1. — С. 61—64.
9. Миклашевич, П. П. О деятельности по борьбе с организованной преступностью / П. П. Миклашевич, И. В. Капелько // *Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь*. — 2006. — № 11. — С. 63—72.
10. Хабибулин, А. Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения / А. Г. Хабибулин // *Журн. рос. права*. — 2007. — № 2. — С. 45—50.
11. Гидру коррупции победить очень сложно [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/1179253>. — Дата доступа: 12.02.2016.
12. Генеральная прокуратура Республики Беларусь [Электронный ресурс] : офиц. сайт. — 2016. — Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10721>. — Дата доступа: 12.02.2016.
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь, 29 янв. 2015 г., № 245-3 // *Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь*, 2/50.
14. Об утверждении Перечня коррупционных преступлений [Электронный ресурс] : постановление Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, КГК, ОАЦ при Президенте Респ. Беларусь, МВД Респ. Беларусь, КГБ Респ. Беларусь, 31 янв. 2011 г. № 5/8/1/34/6 // *Генеральная прокуратура Респ. Беларусь* : офиц. сайт. — Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10933>. — Дата доступа: 12.06.2016.
15. Единый квалификационный справочник должностей служащих [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <https://www.alibi.by/index.php?do=static&page=eksd>. — Дата доступа: 12.02.2016.

Поступила в редакцию 12.09.2016.

УДК 343.2

И. В. ТрафимчикУчреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (163) 45 26 59, trafimchik@mail.ru**РАЗВИТИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ
ОБВИНЯЕМОГО С ПОТЕРПЕВШИМ**

В статье отмечается, что, несмотря на применяемые в Республике Беларусь меры по гуманизации уголовной политики, всё ещё наблюдается её «репрессивный» характер, а лишение свободы остаётся одним из наиболее распространённых видов наказания. Сегодня стало очевидным, что для решения этой проблемы мер, связанных лишь с совершенствованием судебной практики, явно недостаточно. Это обуславливает расширение сферы применения институтов освобождения от уголовной ответственности и, прежде всего, института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Автором делается вывод о необходимости расширения сферы применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, допустив возможность его применения и при совершении менее тяжких преступлений повторно.

Ключевые слова: обвиняемый; потерпевший; примирение; освобождение от уголовной ответственности; возмещение вреда.

Библиогр.: 7 назв.

I. V. TrafimchykBaranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21, Vaykova str.,
225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (163) 45 26 59, trafimchik@mail.ru**DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY
DUE TO RECONCILIATION OF THE ACCUSED WITH THE VICTIM**

Despite the employed measures on humanization of criminal policy deprivation of liberty is still one of the most widely used forms of punishment in the Republic of Belarus. It is obvious nowadays that for the solution of this problem we need more than simply improvement of judicial practice. The situation requires development of the institute of exemption from criminal liability and first of all the institute of exemption from criminal liability due to reconciliation with the victim.

The author concludes that it is necessary to develop the institute of exemption from criminal liability due to reconciliation with the victim, also including cases of less serious crimes committed repeatedly.

Key words: accused; victim; reconciliation; exemption from criminal liability; compensation for damage.

Ref.: 7 titles.

Введение. Совершенствование законодательства в любой его отрасли — процесс непрерывный, в наибольшей степени это относится именно к системе мер уголовной ответственности. Можно сказать, что феномен системы мер уголовной ответственности заключается в её постоянном реформировании, когда общество осознаёт, что поставленные перед правосудием цели не достигаются.

Начиная примерно с середины XX века, к такому пониманию стали приходить многие государства и искать пути разрешения этой серьёзной проблемы, в частности, через распространение применения наказаний, не связанных с лишением свободы. Так, почти 50 лет назад Организация Объединённых Наций приняла Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными (приняты на I Конгрессе ООН, Женева, 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным Советом в резолюции 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.). В декабре 1990 года Генеральная Ассамблея

ООН приняла Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), приняты резолюцией 45/110 ГА ООН от 14 декабря 1990 г. В 1992 году Совет Европы принял Рекомендацию (92) 16 Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания. Как видно, сама концепция использования мер наказания, не связанных с лишением свободы, далеко не новая.

Осознание неэффективности такого распространённого вида наказания, как лишение свободы, по мнению В. Ракитского [1], приводит нас к поиску альтернативных решений этого вопроса. При этом из опыта европейских стран видно, что применение суровых мер наказания не обеспечивает уменьшения на их территории уровня преступности.

Методология и методы исследования. Основой проведённого исследования послужили публикации отечественных учёных, посвящённые развитию института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим, а также статистические данные, характеризующие изучаемую проблему. Автором статьи при её написании использованы общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Содержание большого количества граждан в исправительных учреждениях тяжким бременем ложится на бюджет государства, сдерживает решение многих социальных задач [1, с. 20]. Так, по статистическим данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в 2015 году к уголовной ответственности привлечено более 45 тыс. человек, или 84,9% от общего числа выявленных лиц, совершивших преступления (в 2014 году — 41,6 тыс. человек, или 83,2% от общего числа выявленных лиц, совершивших преступления) [2].

На 1 января 2016 года в местах лишения свободы содержалось 33,3 тыс. человек, что на 11,9% больше, чем на соответствующую дату 2015 года (на 1 января 2015 года — 29,8 тыс. человек, что на 4,6% больше, чем на соответствующую дату 2014 года [3]), в том числе в исправительных колониях для взрослых — 25,7 тыс. человек (на 12,2% больше), воспитательной колонии для несовершеннолетних — 231 человек (на 35,9% больше), следственных изоляторах (СИЗО) — 6,9 тыс. человек (на 11,8% больше), тюрьмах — 555 человек (на 5,8% меньше) [2].

Как видно, количество лиц, осуждённых к лишению свободы, в Республике Беларусь ежегодно увеличивается.

При этом рано или поздно осуждённые выходят на свободу, и, как показывает практика, прохождение «тюремных университетов», особенно на протяжении длительного времени, оказывает огромное негативное влияние как на лиц, отбывающих наказание, так и на общество в целом. Обычаи и традиции криминальной среды распространяются среди населения, а недостаточно развитая система реабилитации и адаптации после освобождения из мест лишения свободы также не способствует возвращению этих лиц в общество. Скорый возврат освобождённых обратно в места лишения свободы можно прогнозировать с большой долей вероятности, что, к сожалению, находит своё подтверждение в соответствующих статистических данных и высоком уровне рецидивной преступности [1, с. 20]. Так, в 2014 году выявлено 19 714 лиц, совершивших преступления, которые имеют судимость [3], а в 2015 году их количество составило 19 405 человек [2].

Между тем утверждённая Указом Президента Республики Беларусь № 672 от 23 декабря 2010 года Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2010 г., 1/12207) (далее — Концепция) предусматривала дальнейшее расширение применения альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности, оптимизацию уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления, обеспечение прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, а также более широкое применение средств материального воздействия на лиц, совершивших преступления. В пункте 12 Концепции указано, что недостаточно стимулируется позитивное поведение лиц, впервые совершивших преступления, не относящиеся к тяжким и особо тяжким, путём применения к ним освобождения от уголовной ответственности, развития примирительных процедур для внесудебного урегулирования конфликтов.

В этой связи в пункте 15.1 Концепции к числу организационно-практических мероприятий относится расширение практики освобождения лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие преступления, от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Указанная задача закреплена в Послании о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь (далее — Послание), утверждённом Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции Республики Беларусь» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2011 г., 1/12986). В частности, в пункте 3 части второй данного Послания в целях оптимизации уголовной ответственности, системы её мер и практики назначения наказаний предусмотрена необходимость шире использовать возможности по прекращению производства по уголовным делам на стадии предварительного расследования с освобождением виновных от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и по другим основаниям, в том числе законодательно предоставив право принимать такие решения следователям с согласия прокурора.

Таким образом, как справедливо отмечают Л. Кукреш и Э. Саркисова [4], одной из главных задач уголовной политики Республики Беларусь следует признать дальнейшее развитие института освобождения от уголовной ответственности в целях расширения практики его применения. При этом, учитывая международный опыт, где в практику правоохранительной системы и судов достаточно прочно входят идеи примирительных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, предпочтение в дальнейшем следует уделять освобождению от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, закреплённому в статье 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 24.04.2016, 2/2356) (далее — УК).

Первоначальная редакция данной статьи, согласно которой лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, могло быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим, просуществовала достаточно долго, вплоть до принятия Закона Республики Беларусь от 15 июля 2009 года № 42-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам уголовной ответственности и оперативно-розыскной деятельности» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2009, 2/1594). С учётом наметившихся тенденций реформирования института освобождения от уголовной ответственности в целом, в документе сформулирована новая редакция данной статьи, в соответствии с которой лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причинённый преступлением вред.

Расширив сферу применения данного вида освобождения от уголовной ответственности, допустив возможность его применения и при совершении впервые менее тяжких преступлений, законодатель одновременно ужесточил условия его применения. Теперь недостаточно только примирения обвиняемого с потерпевшим, но требуется ещё и заглаживание виновным причинённого преступлением вреда. По сути, такое условие как бы реабилитирует принцип неотвратимости ответственности, предусмотренный в части четвёртой статьи 3 УК, который гласит, что каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежит наказанию или иным мерам уголовной ответственности [4, с. 27].

Таким образом, для освобождения от уголовной ответственности по статье 89 УК требуется наличие совокупности следующих условий: 1) совершённое преступление должно относиться к категории, не представляющей большой общественной опасности, либо быть менее тяжким и совершённым впервые; 2) примирение с потерпевшим; 3) лицо, совершившее преступление, должно загладить причинённый вред.

Однако даже при наличии указанных в законе условий, необходимых для прекращения уголовного дела за примирением, закон не обязал органы, ведущие уголовный процесс (суд, прокурор или следователь с согласия прокурора), прекратить производство, а предоставил им это право. Из этого следует вывод, что при рассмотрении дела и назначении наказания или освобождении от него органы, ведущие уголовный процесс, должны исходить из принципа индивидуализации, т. е. учитывать конкретные обстоятельства содеянного, личность лица, совершившего преступление, характер и размер нанесённого вреда, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность [5, с. 27].

Необходимо отметить, что расширение сферы действия нормы статьи 89 УК положительно повлияло на правоприменительную практику, позволило значительно чаще прекращать производство по делу в связи с примирением сторон. Вместе с тем такое основание не имеет достаточно широкого распространения, хотя возможности использования его в механизме противодействия преступности, особенно бытовой и преступности несовершеннолетних, весьма значительные [6, с. 59].

Однако на этом вопрос о совершенствовании данной нормы не закрывается. Уже вносятся предложения о расширении сферы использования данного вида освобождения от уголовной ответственности, не исключая возможности его применения и за тяжкие преступления. Так, Р. А. Середа [7] пришёл к выводу, что в рамках внедрения идей восстановительного правосудия в уголовном законодательстве Республики Беларусь должно иметь место расширение круга составов преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности в порядке статьи 89 УК. По его мнению, в этот круг необходимо включить как менее тяжкие преступления, так и отдельные составы, относящиеся к тяжким преступлениям. Положительный результат подобного использования примирения Р. А. Середа видит, в частности, в снижении количества осуждённых к лишению свободы, в улучшении ситуации с возмещением ущерба жертвам преступлений, что, как он считает, повлечёт за собой сокращение государственных расходов на содержание осуждённых, а также снизит общую криминализацию населения [7, с. 124].

В свою очередь Э. Саркисова и Л. Кукреш [4] отмечают, что в настоящее время законодателем уже предусмотрена возможность применения указанной статьи за совершение менее тяжкого преступления при условии, что оно совершено впервые. Что же касается тяжких преступлений, то такое предложение выглядит весьма проблематичным, поскольку существенно минимизируются наиболее совершенные формы разрешения уголовного дела и использование при этом мер уголовной ответственности. Они обращают внимание на то, что, помимо лишения свободы, закон предусматривает и другие виды наказания, при этом не связанные с лишением свободы, а также иные меры уголовной ответственности, применение которых не исключается и при совершении тяжких преступлений. В тех же случаях, когда закон не допускает альтернативные виды наказания за такие преступления, то вряд ли было бы вообще справедливым признавать альтернативой лишению свободы освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим [4, с. 57—58].

Заключение. Существует ряд противоречивых точек зрения по поводу того, стоит ли и в дальнейшем расширять сферу применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Нам же пути совершенствования статьи 89 УК видятся посредством расширения сферы применения данного вида освобождения от уголовной ответственности, допустив возможность его применения и при совершении менее тяжких преступлений повторно, что подтверждает солидарность в данном вопросе с мнением Р. А. Середы.

Однако считаем, что институт примирения потерпевшего с обвиняемым как альтернатива процедуре уголовного правосудия должен использоваться только при совершении лицом преступления, не представляющего большой общественной опасности, или менее тяжкого преступления впервые. В этом случае при наличии условий освобождения лица от уголовной ответственности, предусмотренных статьёй 89 УК, на органы, ведущие уголовный процесс, должна быть возложена обязанность по прекращению производства по уголовному делу в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим. В случае же совершения преступления, не представляющего большой общественной опасности, или менее тяжкого преступления повторно, органам, ведущим уголовный процесс, необходимо предоставить право самостоятельно решать вопрос об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим исходя из обстоятельств содеянного, личности обвиняемого, характера и размера нанесённого вреда, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность.

На основании вышеизложенного, содержание статьи 89 УК представляется необходимым изложить в следующей редакции:

«Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим:

1. Лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое преступление, освобождается от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причинённый преступлением вред.

2. Лицо, повторно совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причинённый преступлением вред.»

Список цитируемых источников

1. Ракитский, В. О перспективах совершенствования в Республике Беларусь системы мер уголовной ответственности / В. Ракитский // Судовы веснік. — 2008. — № 3. — С. 20—23.
2. Общая статистика за 2015 год [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=256493>. — Дата доступа: 29.02.2016.
3. Общая статистика за 2014 год [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=253183>. — Дата доступа: 29.02.2016.
4. Кукреш, Л. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности : уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект / Л. Кукреш, Э. Саркисова // Юстыцыя Беларусі. — 2012. — № 3. — С. 26—30.
5. Кременевская, С. Об освобождении от уголовной ответственности и наказания по ст.ст. 83, 86-89 Уголовного кодекса Республики Беларусь / С. Кременевская, Ю. Стельмашук // Юстыцыя Беларусі. — 2010. — № 6. — С. 25—29.
6. Петрова, В. Прекращение производства по уголовному делу в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим и восстановительное правосудие / В. Петрова // Судовы весн. — 2010. — № 3. — С. 57—61.
7. Серета, Р. А. Альтернативы уголовному преследованию в зарубежных странах и возможность их применения в Республике Беларусь / Р. А. Серета // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2009. — № 1. — С. 121—124.

Поступила в редакцию 02.06.2016.

УДК 343.35(477)

С. В. Якимова

Национальный университет «Львовская политехника», Институт права и психологии, Министерство образования и науки Украины, ул. Князя Романа, 1/3, 79000 Львов, Украина, +3 (067) 783 15 45, s_v_volk@ukr.net

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ

В статье обоснована целесообразность исследования коррупционных преступлений в качестве отдельного вида уголовно наказуемых правонарушений, учитывая особенности их правовой сущности во взаимосвязи с определением понятия «коррупция». В частности, акцентируется внимание на несоответствии законодательной дефиниции коррупционного правонарушения, в том числе уголовно наказуемого, и понятия коррупции как соответствующих деяний, совершаемых специальным субъектом. Предложена классификация коррупционных преступлений в зависимости от особенностей способа совершения. Различные виды подкупа и злоупотреблений определены в качестве ядра коррупционных преступлений в законодательстве Украины.

В результате сравнительно-правового анализа видов коррупционных преступлений, предусмотренных в положениях базовых антикоррупционных конвенций и, соответственно, Уголовном кодексе Украины, установлено, что в целом перечень коррупционных преступлений в уголовном праве Украины не выходит за рамки, обозначенные соответствующими базовыми международными конвенциями. Однако отдельные виды преступлений, которые в базовых международных конвенциях значатся как коррупционные, в положениях Уголовного кодекса Украины отсутствуют. Данное отличие, в основном, связано с тем, что в Уголовном кодексе Украины такие преступления рассматриваются как преступления, сопряжённые с коррупцией, поскольку способствуют совершению коррупционных действий.

Обоснована целесообразность рассматривать совершение соответствующих деяний в связи с коррупцией в качестве квалифицированных признаков отдельных составов преступлений.

Чёткое определение понятия и видов коррупционных преступлений, а также преступлений, связанных с коррупцией, способствует улучшению качества антикоррупционного законодательства Украины, эффективности правоприменительной практики, адекватной оценке состояния противодействия коррупции в Украине.

Ключевые слова: коррупция; коррупционные преступления; субъекты; виды; законодательство Украины.

Библиогр.: 19 назв.

S. V. Yakimova

Lvov Polytechnic National University, Institute of law and psychology, Ministry of Education and Science of Ukraine, 1/3, Prince Roman str., 79000 Lvov, Ukraine, +3 (067) 783 15 45, s_v_volk@ukr.net

CONCEPT AND TYPES OF CORRUPTION CRIMES IN UKRAINIAN LEGISLATION

The article discusses the advisability of corruption crimes study as a separate type of criminal offenses, taking into consideration peculiarities of their legal entity which are defined by the concept “corruption”. In particular, attention is focused on the non-compliance of legal definitions of a corruption offense, including criminal offense and the concept of corruption as the relevant acts committed by a special subject. The author offers her own classification of corruption offenses, depending on the particular method of committing. Different types of bribery and abuse are defined as the core of corruption crimes in Ukrainian legislation.

The relationship between the concepts “a corruption offense” and “an offense related to corruption” is studied.

The comparative legal analysis of the types of corruption crimes in the criminal law of Ukraine and those that are provided in the provisions of the basic anti-corruption conventions, allow to summarize the most important results: a) a list of corruption crimes defined in the Criminal Code of Ukraine in general does not go beyond the types, which are considered as corruption in the provisions of the relevant basic international conventions; b) certain types of crimes, which are defined as corruption in the basic international conventions, in the provisions of the Criminal Code of Ukraine are not mentioned, because they are the crimes associated with corruption; c) the expediency to consider commission of certain acts in connection with corruption as qualified attributes for individual offenses is substantiated.

Key words: corruption; corruption-related crimes; subjects; types; the legislation of Ukraine.

Ref.: 19 titles.

Введение. В современном мире коррупция — явление глобальное, которое в условиях реальной действительности наиболее очевидно проявляется в форме коррупционных правонарушений. Разоблачение фактов совершения коррупционных правонарушений, а также связанных с ними, зачастую вызывает огромный общественный резонанс. Так, к примеру, недавний международный скандал по поводу разоблачения участия 140 бывших и действующих мировых лидеров в «отмывании денег», уклонении от уплаты налогов через оффшоры и в иных деяниях, в частности, сопровождался массовыми акциям протеста в Исландии, Мексике, политическим скандалом в Великобритании, а в отдельных государствах — отставкой глав правительств [1].

Эффективность разоблачения коррупционеров во многом зависит от надлежащего содержательно-го определения коррупционного преступления в национальных законодательствах, в том числе Украины, а также знания многообразия возможных коррупционных видов преступлений. Кроме того, чёткое определение родовых и видовых признаков уголовно наказуемых коррупционных деяний способствует превентивной функции уголовного законодательства. Ведь «социальная значимость закона Украины об уголовной ответственности, в частности, заключается в осуществлении целенаправленной, программирующей ценностную ориентацию субъектов общественных отношений путём предоставления им информации о разрешенных и запрещенных моделях общественного поведения» [2, с. 54].

По данным международной организации Transparency International, Украина в 2015 году заняла 130 место из 168 возможных позиций в аспекте восприятия коррупции, наряду с Ираном, Камеруном, Непалом, Никарагуа и Парагваем [3]. В связи с этим в отечественных научных трудах неоднократно, в том числе автором, высказывалось мнение о целесообразности рассматривать совершение субъектом коррупционного преступления как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность [4, с. 160—161].

Корректное определение перечня коррупционных преступлений является необходимым условием надлежащей правоприменительной практики. Так, согласно действующему Уголовному кодексу Украины [5] (далее — УК Украины), лица, совершившие коррупционные преступления, лишены возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с действенным раскаянием (статья 45 УК Украины), примирением с потерпевшим (статья 46 УК Украины), с передачей лица на поруки (статья 47 УК Украины), с изменением обстановки (статья 48 УК Украины), а также возможности освобождения от наказания либо его отбывания (часть четвёртая статьи 74 УК Украины), освобождения от отбывания наказания с испытательным сроком (часть первая статьи 75 УК Украины) и, в частности, беременных женщин и женщин, которые имеют детей в возрасте до семи лет (часть первая статьи 79 УК Украины), права на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (пункт 1 части третьей статьи 81 УК Украины), на замену неотбытой части наказания более мягким (пункт 1 и пункт 2 части четвёртой статьи 82 УК Украины) либо назначения более мягкого наказания, нежели предусмотрено законом (часть первая статьи 68 УК Украины). Лица, совершающие коррупционные преступления, лишены права (либо существенно ограничены в нём) на освобождение от отбывания наказания в связи с амнистией (часть четвёртая статьи 86 УК Украины), актом о помиловании (часть третья статьи 87 УК Украины). Кроме того, на лиц, совершающих коррупционное преступление, не распространяются положения статьи 89 УК Украины о возможности снятия судимости до окончания сроков её погашения.

Таким образом, надлежащее определение признаков коррупционных преступлений, а также их перечня в законодательстве Украины является важнейшим условием формирования ценностной антикоррупционной ориентации субъектов общественных отношений и способствует эффективной правоприменительной антикоррупционной юридической практике.

Однако, несмотря на изложенное, участники семинаров по проблемам законодательной техники неоднократно обращали внимание на усложнённый характер национального законодательства Украины, несовершенство его структуры, неполноту законодательно регулируемых общественных отношений, нечёткость и неточность формулировок нормативных положений [6, с. 36]. Не является исключением антикоррупционное законодательство Украины в части определения понятия и видов коррупционных преступлений [7, с. 295—297; 8, с. 235—237].

Методология и методы исследования. При написании статьи автор использовал общенаучные методы исследования, а также опирался на публикации специалистов и антикоррупционное законодательство Украины.

Результаты исследования и их обсуждение. По нашим наблюдениям, ненадлежащее качество отдельных положений антикоррупционного законодательства Украины в значительной степени спровоцировано поспешностью выполнения требований международного сообщества относительно гармонизации национального законодательства с европейскими стандартами. Мы поддерживаем курс реформирования антикоррупционного законодательства Украины в целом и касательно унификации ключевых антикоррупционных положений в частности. Однако считаем недопустимым, что на высшем государственном уровне соответствующие антикоррупционные законодательные инициативы зачастую рассматриваются не столько как цель демократических преобразований в Украине, сколько как средство получения очередных международных траншей для решения проблем в связи с обострением социально-экономического либо политического кризиса. Таким образом, проблема законодательного определения понятия и видов коррупционных преступлений в законодательстве Украины требует проведения тщательного научного анализа.

Номинальное определение в форме понятия является эффективным способом выяснения содержательной, сущностной характеристики каждого явления уголовно-правовой действительности [9, с. 353], в том числе коррупционного преступления. В положениях статьи 1 Закона Украины от 14 октября 2014 года «О предотвращении коррупции» содержится определение термина «коррупционное правонарушение», в том числе уголовно наказуемого, как деяния, содержащего признаки коррупции и совершённого субъектом, на которого распространяется действие данного закона Украины. При этом в части первой статьи 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» определяется круг субъектов, на которых распространяется действие данного закона: 1) лица, уполномоченные выполнять функции государства, местного самоуправления; 2) лица, приравняемые к таковым; 3) лица, занимающие должности, связанные с исполнением организационно-распорядительных / административно-хозяйственных обязанностей; 4) лица, специально уполномоченные исполнять такие обязанности в юридических лицах частного права; 5) иные лица, выполняющие работу либо предоставляющие услуги согласно договору с предприятием, учреждением, организацией [10].

В свою очередь в положениях статьи 1 вышеуказанного закона раскрывается понятие «коррупция» путём перечисления соответствующих деяний: 1) использование лицом своих служебных полномочий и связанных с ними возможностей в целях получения неправомерной выгоды; 2) принятие субъектом, на которого распространяется действие данного закона, неправомерной выгоды либо принятие обещания/предложения неправомерной выгоды для себя лично или других лиц; 3) обещание/предложение или предоставление неправомерной выгоды субъекту, на которого распространяется действие данного закона, либо, по его требованию, иным физическим или юридическим лицам с целью склонить субъекта, на которого распространяется действие данного закона, к противоправному использованию предоставленных ему служебных полномочий и возможностей [10].

При сопоставлении содержания понятий «коррупция» и «коррупционное правонарушение», изложенных выше, обращает на себя внимание несоответствие в части определения субъекта коррупционного правонарушения. Так, одним из конструктивных признаков понятия «коррупционное правонарушение» является его совершение специальным субъектом. Однако для коррупции в третьей форме (обещание/предложение или предоставление неправомерной выгоды субъекту, на которого распространяется действие данного закона) субъект — общий.

Кроме того, определения понятий «коррупция» и «коррупционное правонарушение», изложенные в статье 1 Закона Украины «О предотвращении коррупции», не соответствуют отдельным требованиям законодательной техники. Формулировка понятия юридического явления предполагает определение совокупности составляющих его общих и специфических существенных признаков и свойств [11, с. 64]. Однако понятие «коррупция» изложено путём перечисления деяний, которые должны рассматриваться как коррупционные. В свою очередь формулировка понятия «коррупционное правонарушение» как «деяние, содержащее признаки коррупции», противоречит правилам формальной логики, поскольку понятие, которое определяется, не может фигурировать в его определении.

Соответственно, не содержится определение понятия «коррупционное преступление» и в положениях УК Украины. При этом в примечаниях к статье 45 «Освобождение от уголовной ответственности

в связи с действенным раскаянием» УК Украины имеется перечень, состоящий из 19 видов коррупционных преступлений. В зависимости от особенностей способа их совершения коррупционные преступления условно можно подразделить на две группы:

1) так называемые безусловно коррупционные преступления (статьи 210 «Нецелевое использование бюджетных средств, совершение издержек бюджета либо предоставление кредитов из бюджета без установленных бюджетных назначений либо с их превышением»; 354 «Подкуп работника предприятия, учреждения либо организации»; 364 «Злоупотребление властью либо служебным положением»; 364¹ «Злоупотребление полномочиями служебным лицом юридического лица частного права, независимо от организационно-правовой формы»; 365² «Злоупотребление полномочиями лицами, предоставляющими публичные услуги»; 368 «Принятие предложения, обещания либо получение неправомерной выгоды служебным лицом»; 368² «Незаконное обогащение»; 368³ «Подкуп служебного лица юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы»; 368⁴ «Подкуп лица, предоставляющего публичные услуги»; 369 «Предложение, обещание либо предоставление неправомерной выгоды служебному лицу»; 369² «Злоупотребление влиянием» УК Украины);

2) преступления, которые являются коррупционными лишь в случае их совершения путём злоупотребления служебным положением (статьи 191 «Присвоение, растрата имущества либо завладение им путём злоупотребления служебным положением»; 262 «Кража, присвоение, вымогательство огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ либо радиоактивных материалов, либо завладение ими путём мошенничества, либо злоупотребления служебным положением»; 308 «Кража, присвоение, вымогательство наркотических средств или аналогов или завладение ими путём мошенничества либо злоупотребления служебным положением»; 312 «Кража, присвоение, вымогательство прекурсоров либо завладение ими путём мошенничества либо злоупотребления служебным положением»; 313 «Кража, присвоение, вымогательство, оборудования для изготовления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, или завладение ими путём мошенничества либо злоупотребления служебным положением и другие незаконные действия с таким оборудованием»; 320 «Нарушение установленных правил оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов либо прекурсоров»; 357 «Кража, присвоение, вымогательство документов, штампов, печатей, завладения ими путём мошенничества либо злоупотребления служебным положением, либо их повреждение»; 410 «Кража, присвоение, вымогательство вооружения, боеприпасов, взрывчатых либо иных боевых веществ, средств передвижения, военной или специальной техники, либо иного военного имущества, а также завладение ими путём мошенничества либо злоупотребления служебным положением» УК Украины).

С объективной стороны именно «безусловно коррупционные преступления» наиболее чётко соответствуют толкованию коррупции, изложенному в положениях Закона Украины «О предотвращении коррупции». В этой связи мы поддерживаем профессора Н. А. Лопашенко, которая, в частности, заметила, что именно подкуп характеризует содержание коррупции, является её стержнем и присутствует в ней всегда, в обязательном порядке [12].

В пользу изложенного свидетельствует и то, что в уголовном законодательстве многих зарубежных государств видовой перечень коррупционных преступлений сконцентрирован на разнообразных видах злоупотреблений и подкупа [13—16]. Данные виды преступлений в качестве коррупционных значатся и в положениях соответствующих международных базовых конвенций [17; 18]. Вместе с тем, при сопоставлении перечня коррупционных преступлений, обозначенного как в примечаниях к статье 45 УК Украины, так и в положениях базовых антикоррупционных конвенций, следует обратить внимание на отсутствие упоминания в положениях УК Украины о таких видах преступлений в качестве коррупционных, что подтверждается нижеследующим:

– статья 209 УК Украины «Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем» — «если предметом преступления были средства либо иное имущество, полученное вследствие совершения коррупционного преступления, которое предшествовало легализации доходов»;

– статья 396 УК Украины «Соккрытие преступления» — «если преступление относится к категории коррупционных»;

– статья 198 УК Украины «Приобретение, получение, сохранение либо сбыт имущества, полученного преступным путем» — «в случае, когда субъекту преступления было известно, что такое имущество получено в результате совершения коррупционного преступления» [4].

Кроме того, в перечне коррупционных преступлений в УК Украины отсутствуют уголовно наказуемые деяния, касающиеся воспрепятствованию осуществлению правосудия в связи с совершением коррупционных преступлений. Не учитываются в качестве коррупционных преступлений и все без исключения финансовые преступления.

Такого рода более «узкий» подход законодателя Украины к определению перечня коррупционных преступлений в основном обусловлен тем, что, в большинстве случаев, упомянутые уголовно наказуемые деяния совершаются вследствие коррупционных деяний и являются сопряжёнными с коррупционными преступлениями. Однако, в целях возможной дальнейшей гармонизации антикоррупционных положений УК Украины с требованиями базовых международных антикоррупционных конвенций, целесообразно рассматривать совершение таковых деяний в связи с коррупцией в качестве квалифицированных признаков составов соответствующих преступлений.

Исходя из изложенного выше, отметим: возникает необходимость разграничения понятий «коррупционное преступление» и «преступление, связанное с коррупцией». В теории уголовного права по этому поводу высказывалось мнение (в частности, Е. В. Марьиной), что под преступлением, сопряжённым (связанным) с коррупцией, следует понимать уголовно наказуемое деяние, которое совершается вследствие коррупционного правонарушения [19, с. 14]. Отчасти мы поддерживаем данную точку зрения, поскольку во многих случаях преступление, связанное с коррупцией, является следствием коррупционного деяния.

Однако авторская позиция понимания преступления, сопряжённого (связанного) с коррупцией, не столь категорична. Так, например, издание нормативных правовых актов уменьшает поступления бюджета либо увеличивает издержки бюджета, несмотря на закон (статья 211 УК Украины), и совершается для дальнейшего нецелевого использования служебным лицом бюджетных средств в крупных размерах вопреки Бюджетному кодексу Украины (часть первая статьи 210 УК Украины). В данном случае, согласно законодательству Украины, коррупционным является деяние, предусмотренное частью первой статьи 210 УК Украины. Преступление, предусмотренное статьёй 211 УК Украины, является связанным с коррупционным, поскольку создаёт условия, способствующие нецелевому использованию служебным лицом бюджетных средств в крупных размерах вопреки Бюджетному кодексу Украины. В этой связи коррупционное деяние, предусмотренное частью первой статьи 210 УК Украины, является следствием преступления, сопряжённого с коррупционным (статья 211 УК Украины), а не наоборот, как это безоговорочно утверждает Е. В. Марьина.

В связи с вышеизложенным отметим: учитывая сложный характер коррупционной преступной деятельности, под преступлением, сопряжённым (связанным) с коррупцией, целесообразно понимать уголовно наказуемое деяние, которое совершается вследствие коррупционного преступления либо способствует его совершению.

Заключение. В положениях антикоррупционного законодательства Украины понятие «коррупционное правонарушение» определено формально, что не способствует надлежащей правоприменительной практике. Учитывая сложный характер коррупционной преступной деятельности, под преступлениями, связанными с коррупцией, целесообразно понимать не только те уголовно наказуемые деяния, которые совершаются вследствие коррупционных, но и те, совершение которых способствует коррупционным преступлениям.

Результаты сравнительно-правового анализа видов коррупционных преступлений в законодательстве Украины и в положениях базовых антикоррупционных конвенций позволили сформулировать следующие основные тезисы: а) «ядро» коррупционных преступлений составляют подкуп (взяточничество) и всеяческие виды злоупотреблений; б) перечень коррупционных преступлений в законодательстве Украины является исчерпывающим и, в целом, не выходит за рамки тех видов, которые предусмотрены как коррупционные в положениях соответствующих базовых международных конвенций; в) отдельные виды преступлений, которые в базовых международных конвенциях значатся как корруп-

ционные, в положениях УК Украины являются преступлениями, сопряжёнными с коррупционными; г) целесообразно рассматривать совершение соответствующих деяний в связи с коррупцией в качестве квалифицированных признаков отдельных составов преступлений.

Чёткое определение понятия и видов коррупционных преступлений способствует адекватной организации противодействия коррупции в Украине.

Список цитируемых источников

1. На чому базуються дані журналістів і як вони були отримані = На чём базируются данные журналистов и как они были получены [Электронный ресурс] // Перший Національний. — Режим доступа: <http://newsvideo.su/video/3673225>. — Дата доступа: 04.04.2016.
2. Гришук, В. К. Кримінальне право України : Загальна частина / В. К. Гришук. — Київ : Ін Юре, 2006. — 568 с.
3. Индекс корупції CPI-2015 [Электронный ресурс] // Transparency International Ukraine. — Режим доступа: <http://ti-ukraine.org/%D0%A1PI-2015>. — Дата доступа: 15.04.2016.
4. Якимова, С. В. До проекту Закону України “Про внесення змін до Кодексу України про адміністративні правопорушення і Кримінального кодексу України щодо приведення їх положень у відповідність до стандартів Кримінальної конвенції про боротьбу з корупцією Ради Європи” / С. В. Якимова // Протидія корупції: європейський досвід та українські реалії : тези між нар. наук.-практ. конф., Львів, 20-21 квітня 2012 р. — Львів : Львів. держ. ун-т внутр. справ, 2012. — С. 159—162.
5. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 5 апр. 2011 г. № 2341-III : в ред. от 15.04.2016 № 1022-VIII. — Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8679. — Дата доступа: 15.04.2016.
6. Ткачук, А. Законодавча техніка. /А. Ткачук. — Київ : Легал. статус, 2011. — 268 с.
7. Якимова, С. В. Про систематизацію ознак неправомірної вигоди як предмета підкупу за Кримінальним кодексом України / С. В. Якимова // Вісн. Нац. ун-ту “Львівська політехніка”. Сер. : Юридичні науки. — 2015. — № 813. — С. 292—298.
8. Якимова, С. В. Підкуп за кримінальним законодавством України / С. В. Якимова, Ю. А. Комісарчук // Наук. вісн. ЛьвДУВС. Сер. юридична. — 2014. — Вип. 4. — С. 230—241.
9. Гришук, В. К. Філософсько-правове розуміння відповідальності людини : монографія / В. К. Гришук. — 2-ге вид., переробл. і доп. — Хмельницький : Хмельниц. ун-т управління та права, 2013. — 768 с.
10. Про запобігання корупції : Закон України від 14 жовтня 2014 р. // Відомості Верховної Ради. — 2014. — № 49. — Ст. 2056.
11. Шургина, Е. С. Техника юридического письма / Е. С. Шургина. — М. : Дело, 2000. — 272 с.
12. Лопашенко, Н. А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер [Электронный ресурс] / Н. А. Лопашенко. — Режим доступа: [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/lopashenko\(18-03\).htm](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/lopashenko(18-03).htm). — Дата доступа: 28.04.2016.
13. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Коробеева ; пер. с кит. Д. В. Вичикова. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. — 303 с.
14. Закон об уголовном праве Израиля / предисл., пер. с иврита магистр права (LL M) М. Дорфман ; науч. ред. Н. И. Мацнев. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. — 412 с.
15. Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика ; пер. с исп. Л. Д. Ройзенгурта. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 240 с.
16. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А. В. Серебренниковой. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. — 350 с.
17. Уголовная конвенция о борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : от 27 янв. 1999 г. // Веб-ресурси Верховної Ради України. — Режим доступа: <http://www.rada.gov.ua>. — Дата доступа: 25.04.2016.
18. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции [Электронный ресурс] : от 31 окт. 2003 г. // Веб-ресурси Верховної Ради України. — Режим доступа: <http://www.rada.gov.ua>. — Дата доступа: 25.04.2016.
19. Марьина, Е. В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Е. В. Марьина. — Самара : [б. и.], 2010. — 22 с.

Поступила в редакцию 01.06.2016.